

Российская Академия Наук
Институт философии

**ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ
И ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА**

Москва
2013

УДК 300.331
ББК 15.51
Д 46

Ответственный редактор
доктор филос. наук *В.Н. Шевченко*

Рецензенты
доктор филос. наук *А.Л. Андреев*
доктор филос. наук *В.И. Толстых*

Д 46 **Динамика** взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2013. – 233 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0237-9.

Монография посвящена философскому осмыслению влияния внешних факторов на выбор современной Россией стратегического вектора развития. В работе дается анализ целей информационной политики Запада в отношении России, показываются возможные последствия для России, следующие из теории «конца пространства», предлагается оригинальная версия понимания такого специфического явления как «русское чудо» и его роли в российской истории.

Монография предназначена для научной общественности, для всех, кого интересуют новые глобальные вызовы и угрозы России в XXI веке, оценка адекватности ответов на них со стороны российского общества и власти.

ISBN 978-5-9540-0237-9

© Коллектив авторов, 2013
© Институт философии РАН, 2013

Предисловие

Авторы коллективной монографии обращаются к историческому анализу воздействия внешних и внутренних факторов на выбор российской властью вектора стратегического развития страны. Эта проблематика на протяжении последних десятилетий продолжает быть одной из самых острых и дискуссионных, тем более что глобализация как всемирное явление вступает в качественно новую и совершенно непредсказуемую стадию своего развития, и все страны оказались перед лицом новых вызовов и угроз.

Рост экономического, политического, информационного и военного давления этого центра на весь остальной незападный мир, в том числе и на Россию – очевидный факт. Самый поверхностный взгляд на взаимодействие внешних и внутренних факторов этого развития показывает, что давление на российское государство извне резко увеличилось в последнее время, оно приобретает все более ясно выраженный негативный и порою враждебный характер. Все эти обстоятельства побуждают к тому, чтобы заново осмыслить роль внешнего фактора в историческом развитии Российского государства в прошлом и настоящем, в выборе сегодняшней властью такой стратегии, которая будет всемерно способствовать развитию национальной экономики, укреплению национальной безопасности и качественному повышению жизнеспособности. Традиционные представления о роли внешних факторов, которые могут облегчать или затруднять существование и развитие отдельного государства, сегодня требуют существенного переосмысления.

В работе большое место отводится рассмотрению методологических вопросов взаимодействия внешних и внутренних факторов развития российского общества. Совокупность хозяйственных, финансовых, торговых, политических и иных отношений составляет ту внешнюю социальную среду, которая создается и поддерживается взаимодействующими между собой отдельными обществами. Сделана попытка показать всю сложность и неоднозначность воздействия внешней социальной среды на ход и направление эволюции общества. Основная идея здесь заключается в том, что тот, кто сильнее и могущественнее, получает реальные возможности для управления, по сути, эволюцией других обществ как целостных социальных систем. Отмечается, что

сегодня эволюцию российского общества определенно пытаются запрограммировать извне, и эта угроза по значимости для страны приблизилась к некоторой критической точке. Интенсивность, размеры и цели воздействия Запада на Россию, которые постоянно возрастали на протяжении последних столетий, сегодня приобретают буквально судьбоносный для страны характер. Власть более слабого государства при негативном для него значении параметров внешней социальной среды всегда вынуждена искать адекватные способы и формы реагирования, менять свои функции или даже саму государственную, властно-управленческую структуру. Она способна до определенного предела противостоять неблагоприятным воздействиям, идущим на общество извне, активно отвечать на них, добиваться общего баланса отношений в свою пользу. Многое в судьбе государства зависит от того, насколько адекватным оказывается принятое решение. К сожалению, история, в том числе и нашей страны, показывает, что осознание обществом грозящей исторической катастрофы наступает, как правило, *post factum*.

В работе подробно разбираются новые повороты в информационной агрессии Запада против российского народа, его исторического сознания, особенно в навязывании народу негативного отношения к сильной государственности. Сегодня травматизация исторического сознания общества достигла небывалых масштабов, свидетельствующих о том, что Россия не справляется с вызовами времени. Наряду с сохранением прежних – открытых и вполне легальных – средств информационного давления на руководство страны, различные институты и организации, социальные группы общества, значительная и всё большая часть методов и форм давления переходит в тень, приобретает скрытый характер.

В работе в более широком плане дается анализ соотношения тайной, теневой политики как власти капитала и публичной, открытой политики в западном обществе, это еще одна из проблем, рассматриваемых в коллективной монографии. Тайная, теневая власть есть обратная, «темная» сторона западной демократии, общества модерн. Отмечается, что адекватных понятий для описания этой стороны власти нет, что, к сожалению, политология, как и другие социальные дисциплины, почти не занимается такой непривычной для академической науки проблематикой.

В монографии вновь, как и в прежних публикациях сектора, уделяется много внимания изучению пространственного фактора российского государства. В последние десятилетия наблюдается также рост агрессивного отношения со стороны внешних сил к российскому пространству. Новые концепции в западной мысли, среди которых получила известность теория «конца территории», активно используются в идеологическом и политическом давлении на страну. В концепции «конца территории», которая дополняет «конец истории» Фукуямы, речь идет об «освобождении» пространства от связи с традиционным понятием нации. Главным действующим лицом современности провозглашается индивид, свободный от национально-ментального «бэкграунда», а картина мира, его география видятся как плод «креативного» индивидуального действия.

Сегодня глобализаторы Запада видят свою главную цель в упразднении национальных границ и рекламируют это как великое благо для человечества. Однако в реальности мир от этого не становится безопаснее, ибо смысл глобализации вовсе не в достижении мирного сосуществования граждан, а в унификации пространства. Стремление «текучей власти» глобализаторов (еще одна очень важная идея, рассмотренная в работе) к единой пространственной цивилизации без границ и барьеров выступает реальной угрозой для России с её огромными и мало освоенными пространствами.

Проблема здесь для России в том, что российское пространство «пусто» с точки зрения проекта, с идеологической точки зрения, с позиции наполнения пространства, его освоения определенным смыслом. Перед Россией стоит задача дать достойный «идейный» ответ Западу. Одно из возможных решений проблемы видится в книге на пути формирования нового метагеографического образа – Севера Евразии или Северной Евразии. Он может стать фундаментом обретения Россией собственной пространственно-мифологической миссии, новой аутентичности, гарантией от поглощения ее более крупными и мощными цивилизациями или политическими образованиями. «Возвращение к истокам» с неизбежностью приведет к дооформлению качественно иной по от-

ношению к Западу русской цивилизации. Подробно показано, что в России сохранился потенциал апелляции к высшим ценностям и прежде всего к общему благу как самоценности, как к системообразующему принципу существования государства и цивилизации. Поэтому сегодня возможен и необходим возврат категории «общего блага» в научный дискурс, в дискуссионное поле общества, в политическую риторику.

В коллективной монографии делается попытка теоретико-методологического анализа такого специфического понятия социальной философии, как чудо. Здесь, конечно, речь идет не об апологии мистики или об отечественном сказочном фольклоре.

России не раз в истории приходилось выбирать из ситуаций, совершенно безнадежных и исключительных, демонстрируя способность возрождаться после поражений и катастроф. В основе чуда, имеющего отношение к исторической судьбе страны, лежит мобилизация всех духовных, нравственных, физических сил народа в экстремальных, пограничных условиях. Непременным условием мобилизации является знание своего врага, его зримого образа и, конечно же, его ресурсов, психологии, способов политического и информационного давления на противника. Мощная энергетика, вызванная мобилизацией в чрезвычайных обстоятельствах, может приводить к огромным и удивительным свершениям в обществе на протяжении долгого времени.

В сегодняшней критической ситуации России вновь необходимо чудо – созидательный взрыв народной энергии, отвергающий нарастание негативных, катастрофических тенденций, отрицающий беспредельную власть денег, страха, душевной опустошенности людей.

В монографии дан широкий многоплановый анализ успешного развития Китая, несмотря на неблагоприятное воздействие внешних факторов, что свидетельствует о более адекватном понимании его властью истинных намерений тех, кто усиливает давление на страну. В российской политической элите, подчеркивается в монографии, в том числе в ее высшем эшелоне, широко распространено мнение, что китайский опыт непригоден для России, в частности ссылаются в этой связи на менталитет китайцев, на их удивительное трудолюбие, неприхотливость в быту, взаимную сплоченность

и т. п. Конечно, подобные факторы нельзя сбрасывать со счетов, однако главное состоит в другом. В Китае способ решения задач перехода к новой модели социально-экономического развития, т. е. к модернизации страны был основан на системном подходе. Китайское руководство не увлекалось «утопическими прожекторами», а исходило из реальных возможностей, которые имелись в той или иной конкретной ситуации. Огромные успехи Китая находятся в резком контрасте с плачевными итогами российских реформ.

В монографии подчеркивается важность дальнейшего изучения влияния внешних факторов и условий на состояние различных сфер российского общества, философского осмысления дискуссий о перспективах развития российского государства. В монографии подтверждается и ранее делавшийся в работах сектора вывод о том, что сегодня крайне важен такой политический вектор власти, который бы максимально полно выражал интересы национального развития страны, способствовал дальнейшему совершенствованию российского государства-цивилизации, имеющей свое далеко еще не реализованное историческое предназначение.

В.Н. Шевченко

Внешний фактор и развитие российского общества

Одним из самых драматических последствий современного этапа глобализации выступает усиление тенденций, направленных на ослабление и постепенное разрушение национальных государств, рост влияния тайных, теневых центров мирового финансового капитала, глобальной управляющей элиты при очевидном падении роли и значимости открытой, публичной политики, выборных органов государственной власти. Суверенитет государства в современных условиях подвергается сомнению, а нередко и просто третируется, откровенно высмеивается как нечто устаревшее в эпоху глобализации, притом, что глобализация все больше напоминает настоящую социальную войну богатого центра (ядра) мировой капиталистической системы и ряда развитых анклавов за ее пределами против всего остального мира. Повсеместно возрастает экономическое, политическое, информационное и военное давление этого центра на весь остальной незападный мир, в том числе и на Россию. Смысл этого давления – максимально задержать или вообще остановить развитие общества за пределами «первого» мира. Это основное противоречие XXI в., как оно видится сегодня многим отечественным исследователям. «В XXI веке развитие является основным предметом борьбы глобальных центров силы..., становится основным глобальным конфликтом XXI в. (“конфликтом конфликтов”))»¹. Наряду с тенденцией разрушения национальных государств сложилась другая, активно противодействующая ей тенденция, которая привела к укреплению мощных региональ-

ных государств таких, как Китай, Индия, Бразилия, Иран, отчасти Россия. Сегодня Россия продолжает поиск направления своего стратегического развития. Более того, ей приходится отстаивать на мировой арене свое право на суверенный исторический выбор, каким бы он ни был.

Все эти обстоятельства побуждают к тому, чтобы переоценить, а в отдельных случаях заново осмыслить роль внешнего фактора в историческом развитии национальных государств и прежде всего Российского в прошлом и настоящем и обозримом будущем.

К методологии анализа внешних факторов

Положение России продолжает вызывать сегодня растущую озабоченность. Сырьевая направленность экономики способствует дальнейшему отставанию страны в создании шестого технологического уклада, его наиболее важных направлений. Не имеющий аналога среди развитых государств открытый характер российской экономики делает ее весьма зависимой от кризисного хаоса глобального мира. Сохраняется реальная угроза распада страны. Идеологи сепаратизма практически открыто высказывают в печати свои разрушительные идеи. Публикуемые прогнозы неутешительны, в зарубежной печати открыто обсуждается вопрос о том, кому и когда достанутся Сибирь и Дальний Восток. Российскую власть постоянно испытывают на стойкость в связи с попытками проведения ею самостоятельной линии в международных отношениях. И, наконец, огромный ущерб стране приносит полномасштабная информационная агрессия против неё, в том числе применение организационного оружия, направленного не только на снижение эффективности властно-управленческих структур государства, но и на их прямое разрушение. Для России информационный аспект взаимодействия с западными странами имел и продолжает иметь в современную эпоху особую, можно сказать, судьбоносную значимость для ее дальнейшего развития.

Научная литература, посвященная анализу различных аспектов взаимодействия России с внешним миром, огромна и необозрима. Ежегодно выходит большое количество печатных изданий по отечественной истории, по российской экономике, политике,

военной тематике, истории культуры и т. д. Незначительные тиражи этих книг многократно перекрываются огромными их объемами по 40–50 печатных листов.

Сложнее обстоит с философским осмыслением достижений конкретных наук. Между этими двумя видами теоретической деятельности существует большой разрыв, который не только не преодолевается, но наоборот, расширяется по многим причинам. Позиции ученых настолько отличаются одна от другой, что привести их выводы к некоторому общему знаменателю практически невозможно. С другой стороны, значительное большинство работ по философии истории посвящено истории развития собственно философских идей, а философское осмысление реального исторического процесса на основе постоянно растущего конкретного материала все ещё остается одним из слабых мест в отечественной философско-исторической мысли. Впрочем, ситуация постепенно меняется к лучшему, особенно на стыке философии и геополитики. Здесь происходит качественный скачок в осмыслении российской геополитики в прошлом и настоящем, по крайней мере сформулирован ряд реальных первостепенных по значимости задач, стоящих ныне перед Российским государством².

Среди работ по геополитике выделяются своей новизной и оригинальностью работы известного российского ученого В.Л.Цымбурского. В 90-е гг. прошлого века он выдвинул целый ряд интересных идей, связанных с пониманием отношений между Россией и Европой последних столетий. Он, в частности, отметил, «что для более или менее адекватного осмысления взаимоотношений России и Запада в последние три века наиболее плодотворным было бы именно закрепление в научном обиходе представления о возможностях таких объектов, как система цивилизаций»³. Притяжение Российского государства к западному сообществу привело к возникновению устойчивой системы, состоящей из двух цивилизаций – России и Европы. Западная Европа по мере становления в ней капитализма или, в другой стилистике, общества модерн превращается в Запад, западную цивилизацию. Как полагает В.Л.Цымбурский, Россия в течение последних трех веков выступает «цивилизацией-спутником» Запада, а последний – цивилизацией-лидером. В.Л.Цымбурский создает эвристически интересную, хотя и достаточно спорную в своей конкретике модель

циклического геополитического взаимодействия между Россией и Западом. Попадание России с XVIII в. в сферу притяжения цивилизации Запада приводит к появлению у неё специфической геостратегии – «похищения Европы». Россия за три века повторила здесь однотипную событийную схему-цикл, состоящую из четырех ходов⁴. Не вдаваясь в обсуждение деталей предложенной конструкции⁵, хотел бы только обратить внимание на то, что в конце каждого цикла происходила смена вектора российской политики с проевропейского на антиевропейский – евразийский.

Идея В.Л.Цымбурского о рассмотрении взаимодействия между Европой и Россией как носящего системный характер только намечена им и, конечно, требует своей дальнейшей конкретизации и разработки. Прежде всего требует объяснения само притяжение России к западному сообществу. При всей значимости географической связанности территорий и политических устремлений российской власти в какие-то периоды времени (её «европомания») за ними должны скрываться более значимые объективные обстоятельства. Важное значение имеет здесь характер связей между политикой и экономикой. Именно экономические отношения создают прочную и неразрывную систему цивилизаций «Европа-Россия». Но политические и экономические – не единственные отношения между цивилизациями. Отношения внутри системы в ходе развития цивилизаций становятся все более разнообразными, в них все более значимую роль приобретают информационные отношения. И, наконец, сами цивилизации имеют такое глубокое историческое своеобразие, что позволяет считать их качественно разнородными.

Система цивилизаций «Европа-Россия» или «лидер-спутник», предложенная В.Л.Цымбурским, есть только отдельный сюжет более глобального видения процесса становления капиталистической мир-экономики (КМЭ), который начался, как пишет И.Валлерстайн, в долгом XVI в. Центр этой мировой системы представляет собой ряд тесно взаимодействующих европейских государств, которые поочередно становятся лидерами в совместном процессе формирования раннебуржуазных отношений в Европе. К середине XVII в. Московское царство занимает прочное место на периферии капиталистической экономической мировой системы. Наряду с Россией периферией становящейся системы примерно в то же время оказываются, в разных смыслах, такие

империи, как Китайская, Османская, Персидская. Периферия и центр связаны неразрывными экономическими узлами, которые расширяются и становятся все более прочными. Но смысл большой системы взаимодействующих цивилизаций заключается в том, что внутри неё складывается устойчивое межцивилизационное разделение общественного труда, которое имеет решающее значение для понимания коренных различий в историческом развитии Европы и остального мира, в нашем случае – Российского государства. Вследствие этого обстоятельства характер отношений между Западом и Россией, другими незападными странами носит изначально асимметричный характер. Запад в принципе не может существовать без возникающих торговых, экономических, финансовых связей, чего нельзя сказать про незападный мир.

Принципиальное отличие западной цивилизации от западных состоит не просто в их отставании от неё. Это разные типы цивилизаций. Здесь находится ключ к разрешению главного противоречия эпохи глобализации, навязанного Западом всему остальному миру, – быть или не быть дальнейшему развитию западного мира. Западная цивилизация является уникальной, наряду с другими цивилизациями, а не универсальной, общечеловеческой цивилизацией по своему происхождению, настоящему и обозримому будущему.

За многообразием современных определений цивилизации явно просматривается ситуация, когда все они обнаруживают существенное единство. Практически во всех случаях речь идет об обществе городского типа. Для современного западного сознания понятие цивилизации связывается в первую очередь с современным типом общественного устройства, характерного для высокоразвитых стран Запада, которые достигли передового уровня технологического развития. Наличие гражданских, политических, социальных и правовых институтов обеспечивает поступательное, прогрессивное развитие общества, его относительную стабильность, самостоятельность индивида⁶. Если проанализировать такого рода определения, то они носят по своему смыслу социологический характер. Получается так, что общество модерн или общество классического индустриального капитализма представлено в качестве целостной системы и просто «упаковано» в цивилизационную оболочку.

Такое понимание цивилизации занимало господствующее положение в социальных науках на протяжении долгого времени, вплоть до 70–80-х гг. прошлого века, Оно существовало не только как работающее социологическое понятие, но и как модель общественного устройства для подражания и реализации его в жизнь во всех западных странах. Европейское понимание цивилизации составило основу модели догоняющего развития. Этим странам была навязана модель общества, на которую они должны были равняться в стремлении преодолеть в процессе догоняющего развития свою отсталость.

До сих пор продолжают бурные споры относительно природы цивилизации. В.М.Межуев обращает внимание на неясность сложившейся здесь ситуации: «Что имеется в виду под “цивилизацией как таковой” – общее понятие цивилизации или понятие общей (универсальной) цивилизации? ... Ученый, исследующий разные цивилизации, несомненно, должен иметь общее представление о том, что он обозначает этим термином, но отсюда ещё не следует признания им существования универсальной цивилизации в настоящем или будущем»⁷.

В частности, общее понятие цивилизации пытаются использовать в качестве эталона при рассмотрении состояния и перспектив развития российской цивилизации. Известно, что европейское понимание цивилизации XIX в. имело в качестве дополнения и своей оборотной стороны понятие варварства. Неэффективность объяснительных возможностей европейской модели «цивилизация – варварство» рождает в ответ в общественном сознании идею множественности цивилизаций, когда каждая из них сама решает, что она подразумевает под варварством и какими способами преодолевает его. Идея множественности получает свое оформление в культурологической теории цивилизации. Её автором стал русский ученый Н.Я.Данилевский, который утверждал, что в мире имеется целый ряд обособленных культурно-исторических типов исторической жизни человечества или самобытных цивилизаций. Европейский – только один из них. В основе каждого культурно-исторического типа лежит, говоря современным языком, своя культурная матрица, свой код развития⁸. На унификацию общественной жизни через принуждение к реализации проекта модерн последовал ответ в виде провозглашения самобытности локальных цивилизаций и отсутствия исторического единства между ними.

После провала догоняющей модели модернизации культурологическая теория цивилизаций в последней трети XX в. получила большое признание во всем мире. Но принципиальное различие между западной и незападными цивилизациями в связи с господством западного, либерального дискурса осталось в ней не раскрытым в должной мере⁹. Экономическое отставание и зависимость незападных государств от Запада, несомненно, имеет место, но все культуры признаются равноценными с точки зрения их значимости для человечества. Суть проблемы состоит в различии способов их существования.

С философской точки зрения незападная цивилизация представляет собой в развитом, сложившемся состоянии особый сплав целого ряда «элементов». Его можно трактовать, с нашей точки зрения, как органическое неразрывное единство природной среды – народа как ряда этносов (суперэтноса) – органов государственной власти – культуры. Это единство впервые было осмыслено евразийцами. Основатель евразийства П.Н.Савицкий утверждал, что «Россия – Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум” – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т. д. и т. п. “ландшафт”. ...Причем “месторазвитие” (согласно сказанному выше) нужно понимать как категорию синтетическую, как понятие, обнимающее одновременно и социально-историческую среду, и занятую ею территорию»¹⁰. Месторазвитие указывает на неразрывное единство социума и природного ареала.

Можно сказать, что содержание понятия цивилизации не ограничивается социально-исторической средой, общественными институтами, культурой в широком смысле слова. Оно включает в себя и территорию, тот природный ареал, в котором она живет и развивается и который определяет направленность, канал исторической эволюции цивилизации, а следовательно, её особое место во всемирно-историческом процессе. В 80-е гг. прошлого века была сделана попытка доказать, что цивилизация включает в себя не только всю социальную реальность, достижения материальной и духовной культуры, но и систему взаимодействия общества с природой, биологические факторы человеческого бытия. Однако эта точка зрения не получила положительной оценки, хотя эвристически очень интересна и оригинальна¹¹.

Самодостаточность, принципиальная возможность автономного существования – отличительная черта государства-цивилизации. Американский ученый Э.Сервис показал, что государство выступает составной частью цивилизации, и его точка зрения имеет многочисленных сторонников¹². В своем развитом состоянии государство-цивилизация приобретает вид централизованной (бюрократической) империи. Так можно говорить, к примеру, о Российской империи. Она есть государство-цивилизация, как и Персидская, Китайская, Османская, Византийская и другие империи.

К.Маркс, исследуя специфику древних и средневековых стран Востока, пришел к выводу, что государство на Востоке есть социальное образование, в котором власть основана на личных, непосредственных отношениях между людьми, имеющих сами по себе социальный характер, а не естественный, природный¹³. Эти личные связи, отношения непосредственного господства и подчинения определяют не только властно-управленческую структуру общества сверху донизу, но и сам тип довещной, т. е. личной формы социальности. Других связей, кроме личных связей и отношений, общества такого рода не знают. Известно противопоставление Марксом отношений непосредственного господства и подчинения и вещного характера отношений, оно указывает на важность исторического подхода для правильного понимания их субординации. Индивиды не могут подчинить себе свои собственные общественные связи и отношения, пока они их не создали. Это суждение кажется очевидностью, но сегодня при поисках оптимальной модели политического устройства незападных стран оно нередко преднамеренно игнорируется.

Вторая отличительная черта цивилизаций Востока состоит в особом типе отношений общинника (крестьянина) с природой. Экономическую основу древних и средневековых цивилизаций составляет аграрное хозяйство, они еще не смогли разорвать «пуповину», связывающую напрямую человека с природой. К.Маркс пишет, что член любой общины «существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно – в этих природных, неорганических условиях своего существования», которые образуют, так сказать, «лишь его удлинненное тело»¹⁴. Важно увидеть здесь все последствия, проистекающие из существования такой

неразрывной сращенности общинника (крестьянина) с землей, для понимания специфики аграрного общества, докапиталистических цивилизаций в целом.

Интересно, что примерно с таких же позиций рассматривает этнос Л.Гумилев. В своей работе «Этногенез и биосфера Земли» он пишет о том, что «мы имеем право рассматривать этнос как систему социальных и природных единиц с присущими им элементами. Этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы»¹⁵. Этническая целостность есть сложная динамическая система. Проблема устойчивости этой системы заключается не в самом наборе, количестве социальных и природных элементов, а в некоторой совокупности связей между ними, которая и делает её жизнеспособной. Это означает, подчеркивает Л.Н.Гумилев, что реально существующим и действующим фактором системы являются не предметы, а связи, хотя они не имеют ни массы, ни заряда, ни температуры.

Переход от средневекового общества к капитализму возможен при осуществлении разрыва сращенности между общинником и землей как неорганическим продолжением его собственного тела. Использование общинником орудий сельского труда не изменяет и не отменяет сращенности, подобно тому, как причесывание волос не отменяет естественного нахождения их на голове человека.

Но есть и другой вид сращенности, который также характеризует незападную цивилизацию. Это сращенность государства (государственной власти) и собственности (экономической деятельности). Два вида сращенности неразрывно связаны между собой, не могут существовать один без другого. Преодоление сращенности в принципе возможно, но это большой многовековой процесс, и для постепенного ее преодоления должны сложиться в ходе исторического развития определенные условия.

Западная цивилизация, возникшая первоначально на части европейской территории, по мере того, как в этом регионе складываются раннекапиталистические отношения, представляет собой исторический новый социологический тип общества, которому

органически присущ принципиально иной и более высокий тип связей и отношений между людьми. На смену отношениям непосредственного господства и подчинения приходят отношения между людьми, которые носят опосредствованный характер, поскольку они теперь возможны только при наличии быстро растущего и проникающего во все стороны жизни людей мира вещей-товаров. Общество все более рационализируется, что приводит к возникновению социальных наук и в первую очередь политэкономии, затем социологии и политической науки. Такой радикальный прорыв на новую ступень истории смог произойти по той причине, что в ходе своего становления западной цивилизации удалось поместить каким-то образом между собой и природой мир машин, техники, промышленное производство потребительских и всех иных товаров. Для общества модерн характерны общественные отношения в их вещной оболочке. Законы, по которым они складываются и развиваются, в рамках буржуазного сознания интерпретируются как неизменные, естественные законы, присущие обществу как таковому. И по-другому не может быть, ибо стремление к экономической выгоде есть доминанта буржуазного сознания с начала его возникновения и по сегодняшний день. Здесь не должно быть никаких иллюзий. Отсюда и возникает известное критическое суждение К.Маркса, высказанное им в 40-е гг. XIX в., о провозглашении буржуазными экономистами конца истории задолго до того, как его повторил Ф.Фукуяма¹⁶.

Но главная отличительная черта западной цивилизации состоит в том, что она единственная, которой удалось разорвать оба вида сращенности – как между крестьянином-общинником, крестьянской общиной в целом и землей, так и между государственной централизованной властью и собственностью на орудия и средства производства.

Западная цивилизация не является самодостаточной, и условием её существования становится изначально агрессивное отношение к окружающему миру. Прежде всего из-за отсутствия, с одной стороны, сельскохозяйственных, сырьевых, энергетических ресурсов, необходимых для развития индустриального производства и жизни людей, так и рынков сбыта производимой продукции, с другой стороны. Агрессивность есть онтологическое свойство самой цивилизации, присущее ей как таковой. Всё остальное,

вплоть до колониальных войн и тайных организаций, способствующих установлению господства над другими странами, их сырьевыми ресурсами и рынками сбыта, есть вторичное, производное от доминанты – безусловной непрерывности производственного процесса, которая и обуславливает получение экономической выгоды.

Известный культуролог Г.Д.Гачев в своей книге «Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством» (М., 1997) пишет о том, для Америки инстанция природы «есть чисто неорганический бездуховный объект завоевания и труда: не Матерь и не материя даже, но материал – сырье труду в переработку»¹⁷. Он называет американскую цивилизацию «ургийной» (деятельностно-перерабатывающей). Она не выросла из природы, а как бы спустилась с небес на чужую землю. Романо-германская как часть западной цивилизации совершала свой отрыв от природы мучительно и долго, не столь стремительно, как это произошло в США, в англосаксонской части западной цивилизации, но пришла примерно к тем же результатам.

Китай, Россия, Иран, Индия, другие государства-цивилизации и сегодня далеки по своему устройству от цивилизации западного типа. Использовать методологию анализа западной цивилизации для анализа этих государств–цивилизаций – это ненадежный и опасный путь, ведущий к ошибочным выводам в теории и на практике. Вся история последних столетий свидетельствует о том, что происходило и происходит всё более тесное взаимодействие этих двух типов цивилизаций, но это не меняет их сущностной специфики. И чем дальше сегодня развивается мир, тем более очевидным становится факт сохранения ими своей специфики при всей значимости многообразных изменений, происходящих в них.

Как свидетельствует современная история, никакая из этих цивилизаций не стала капиталистической страной европейского типа, тем более принадлежащей к ядру капиталистической экономики как мировой системы. Нынешняя модель капитализма Центра испытывает глубочайший системный кризис, поскольку его развитие достигло пределов как с точки зрения дальнейшего расширения масштабов получения сырья, энергоресурсов, так и рынка сбыта готовой продукции, не затрагивая здесь ряд других не менее важных аспектов. На развилке современной истории складываются различные тенденции дальнейшего развития человечества. Выбор будет

зависеть от того, как сможет незападный мир, в нашем случае Россия, выстроить свои отношения с Западом. В последнее время здесь возник целый ряд новых проблем, среди которых проблема информационной агрессии Запада является одной из ключевых.

Информационное «облучение» Западом российского общества и его последствия

Взаимодействие государств-цивилизаций есть исключительно сложное для теоретического анализа явление, поэтому рассмотрим здесь лишь некоторые самые общие вопросы с позиций теории управления. Совокупность хозяйственных, финансовых, торговых, политических и иных отношений составляет ту социальную среду, которая создается и поддерживается взаимодействующими между собой государствами-цивилизациями. Более сильное и развитое государство имеет огромное преимущество перед менее развитым, поскольку оно обладает более мощными экономическими, финансовыми, военными ресурсами и в состоянии создавать выгодную для себя асимметричность, направленность в этом взаимодействии. Другими словами, оно способно реально воздействовать на состояние более слабого государства.

Разнообразные достижения доминирующего государства-цивилизации проникают, распространяются в менее развитом государстве, которое одни достижения может принимать, а другие отвергать. Лишь в небольшой степени этот процесс носит спонтанный характер, в основном он и ранее, и тем более сегодня является изначально целенаправленным и контролируемым. То государство, которое фактически управляет параметрами социальной среды взаимодействия, по сути, начинает приобретать черты субъекта управления жизнью более слабого государства, особенно активно оно пытается влиять на направление и параметры процесса его развития, пытается его затормозить или направить на ложный путь. Преследуемые цели в конечном счете обуславливаются жизненно важными для доминирующего государства-цивилизации интересами.

Конечно, возможно, что это направленное воздействие будет иметь положительный характер. Но мировая история показывает, что взаимовыгодное и равноправное сотрудничество неравных по

уровню экономического и военного развития государств возможно, когда цели экономической, материальной выгоды не являются доминирующими, когда существуют иные, более высокие основания для такого сотрудничества. Модель диалога и равноправного сотрудничества и модель доминирования сильного над слабым порождают принципиально разные типы взаимодействия.

Власть более слабого государства при негативном для него значении параметров внешней социальной среды вынуждена искать адекватные способы и формы реагирования, менять свои функции или даже саму государственную, властно-управленческую структуру. Оно способно до определенного предела противостоять неблагоприятным воздействиям, идущим на общество извне, активно отвечать на них, добиваться общего баланса отношений в свою пользу. Если внешние факторы поддаются позитивному изменению лишь в незначительной степени, то у власти более слабого государства имеется довольно ограниченный набор вариантов поведения в такой ситуации.

Поскольку все незападные государства-цивилизации в значительной мере автохтонны, самодостаточны, они могут длительное время успешно существовать и в какой-то степени развиваться в занимаемом ими природном ареале. При принятии решения резко ограничить внешние связи, закрыться, такое государство может долго существовать в новых неблагоприятных внешних условиях. Но если длительные и направленные изменения параметров внешней социальной среды будут приобретать все более неблагоприятный характер, другими словами, если государство не может создать реальные механизмы контроля над внешними факторами, то возникающая ситуация приводит в конечном счете к нарастанию явлений застоя, скрытых до известного момента глубоких, системных противоречий, к постепенной деградации общественной жизни и в результате к общенациональной катастрофе. Конечно, у достаточно сильного государства-цивилизации, в отличие от слабого государства, есть абстрактные возможности ее избежать, но для этого абсолютно необходимо, чтобы власть и общество в целом ясно себе представляли, куда, в каком направлении движется страна, чтобы тенденциям разрушения и деградации они могли жестко противопоставить свою разумную и осознанную программу выживания государства-цивилизации, сохранения и даже частично-

го, неполного его развития. К сожалению, история, в том числе и нашей страны, показывает, что осознание грозящей исторической катастрофы наступает, как правило, **post factum**. А до этого момента мрачные прогнозы и предчувствия остаются уделом наиболее проницательных мыслителей и политических противников существующей в стране власти.

Это достаточно абстрактное описание взаимодействия государств-цивилизаций с управленческой точки зрения можно рассматривать как общую методологическую установку для анализа реального исторического процесса, в котором это взаимодействие приобретает, конечно, гораздо более сложный характер. Но в любом случае недостаточно говорить о том, что внешние факторы могут лишь замедлять или ускорять развитие страны.

В создании исторической ситуации катастрофы длительно действующие внешние факторы могут выступать определяющими. К примеру, распад Российской империи в 1917 г. можно считать последствием военного перенапряжения страны, но в целом это был закономерный итог длительно действовавших внешних – экономических, информационных, политических – факторов, которые не были осознаны с точки зрения значимости реальных угроз, исходивших от них и потому сыгравших определяющую роль в распаде империи.

Уровень экономического развития страны является определяющим фактором и в информационных отношениях между различными странами. Рост информационного «облучения» основывается прежде всего на несимметричности информационных потоков обмена между развитой и отсталой страной, который может быть во много раз больше, чем уровень и характер экономической или политической отсталости. И если эта асимметричность была не столь велика в предыдущие столетия, то уже в XX в., особенно после российской революции 1917 г., она становится все более заметной, превращаясь в мощнейший и весьма действенный фактор политики Запада в отношении России.

По мере увеличения разрыва в уровне экономического развития, экономической асимметрии все большее значение в информационном взаимодействии приобретают действия агрессивного характера. Неслучайно сегодня на первый план в изучении современных проблем отношений Запада к России вышли информационные

процессы, которые приобрели характер целого спектра информационных войн. В них в суммарном виде находит свое отражение внутренний смысл всего многообразия сегодняшнего противоборства в мире. Общая характеристика информационных войн Запада против России на протяжении столетий не изменилась.

Информационные войны есть достаточно новый для науки предмет исследования, хотя как общественное явление они имеют многовековую историю. В российской науке их глубокое изучение стало возможным лишь с начала 90-х гг. прошлого века. В советские времена много занимались анализом идеологической борьбы двух систем, но и в этих довольно ограниченных рамках было сделано тогда немало полезного. Сегодня отечественная наука и особенно практика ведения информационных войн серьезно отстает от зарубежного уровня. Изучение последних давно превратились в ключевую проблему социальных наук и философии, а они сами знаковой приметой времени.

Любая война ведется с целью поражения противника. В классических войнах сражаются армии. Военный разгром противника приводит, как правило, к признанию им поражения и либо к потерям части территории, либо к выплате контрибуции, либо к попаданию в зависимость от победителя. В информационных войнах целью выступает разгром противника через изменение его сознания. Они весьма разнообразны, поскольку речь может идти об изменении самых разных сторон и уровней сознания как общественного, так и индивидуального. В настоящее время подробно изучаются такие виды информационных войн, как политическая, экономическая, информационно-психологическая, культурная, социальная, мироустроительная, концептуальная, идеологическая, диффузная войны и, конечно же, война с историей как всеобщей, так и с российской¹⁸.

Сверхцель всех видов информационных войн – разрушение базовых духовно-нравственных ценностей, присущих народу, нации страны. Война в конечном счете ведется против тех высших смыслов, без которых страна не может развиваться, совершенствоваться, она может только деградировать и распадаться. На каждом историческом этапе цели войны обретают свои конкретные очертания.

В центре всего спектра информационных войн находится проблема смены культурного ядра враждебной цивилизации. Каждой развитой цивилизации присуща своя культурная матрица, в соот-

ветствии с которой она воспроизводит себя во всех своих жизненно важных проявлениях. Культура есть совокупность исторически сформировавшихся норм, обычаев, форм и технологий профессиональной и повседневной деятельности людей, но главное ее содержание составляют духовные, нравственные ценности. Культура – это в первую очередь высшие смыслы и ценности человеческой жизни, обретающие в обществе символическую форму. На концептуальном уровне культура решает вопросы исторического предназначения цивилизации, способов его реализации. Через механизмы культурного взаимодействия людей происходит в социуме передача от поколения к поколению всех форм идентичности: личностной, этнической, цивилизационной, классовой, гражданской или государственной. Это выступает абсолютным условием цивилизационного развития.

Россия попадает под постоянное агрессивное воздействие становящейся западной цивилизации как совокупности целого ряда западноевропейских государств, которое постоянно множилось по направлениям и увеличивалось по силе, начиная примерно с XVI в. Вопрос о масштабах внешнего давления на Россию, его последствий всегда вызывал и тем более вызывают в обществе сегодня ожесточенные дискуссии. Но бесспорно то, что западная цивилизация на протяжении всех последних столетий заботилась только о своих экономических интересах, о наращивании своего экономического и военного могущества, принимала для этого все меры, как открытые, легальные, так и тайные, «закулисные». В первую очередь это касается Англии (Великобритании), а впоследствии США и Англии. Глубокая общность их интересов фактически привела к образованию англосаксонской цивилизации, существующей в известной мере обособленно от континентальной, романо-германской. И никакие разоблачения не изменяют постоянного стремления англосаксов к могуществу, не отменяют и сегодняшние их все более активные действия, направленные к установлению своей экономической и политической власти над остальным миром. В отношении России их постоянная и неизменная цель на протяжении столетий остается предельно ясной – не допустить такого уровня экономического развития и военного могущества императорской России, СССР, а теперь Российской Федерации, который стал бы реальной угрозой для достижения Западом своих стратегических целей монопольного доминирования над всем остальным миром.

Среди всего многообразия внешних факторов, воздействующих на российскую цивилизацию, информационный остается наименее изученным. Обратимся к краткому рассмотрению особенностей информационного взаимодействия между российским государством-цивилизацией и западным миром, главным образом Англией, США, их союзниками.

Начиная с XVII в., как свидетельствует известный специалист по информационным войнам И.Н.Панарин, формирование определенного мировоззрения европейцев по отношению к России «было поставлено на широкую государственную ногу во всей Европе»¹⁹.

Самое общее отношение к России как к государству, к великой державе формировалось заведомо негативное. Такая общая оценка информационной политики Запада охватывает все его действия в течение последних столетий и «благополучно» доходит до сегодняшних дней. Если конечные цели информационного воздействия на Россию оставались и остаются неизменными, то стратегически они менялись в зависимости от поведения России, ее ответного реагирования на изменения своего положения и веса на европейской и мировой политической арене.

Три стратегические цели – одну за другой – выдвинул Запад для проведения своей информационной политики в отношении России. Каждая последующая из них была реакцией на нежелательное, с его точки зрения, поведение России, на осознание ею, так или иначе, внешних угроз и опасностей, возникавших перед страной. Первая, самая общая и самая ранняя цель хорошо известна и понятна: как реагировать Западу на осознание Россией своей отсталости. Сама по себе последняя была несомненным фактом объективного порядка, и потому вполне оправданы неоднократные попытки российских властей провести реформы в обществе, направленные на её преодоление.

К середине XVII в. Россия прочно занимает место на периферии экономической системы возникающего мира капитализма. Зависимый и отсталый характер российской экономики складывается и усиливается на протяжении последующих столетий вплоть до 1917 г. Политика Запада заключалась в том, чтобы российская экономика была привязана к западной именно в качестве надежного поставщика сельскохозяйственной продукции и природного сырья. Объективной основой для этого, что важно подчеркнуть,

явилось сложившееся международное общественное разделение труда. В течение двух столетий, примерно до начала XIX в., это разделение было взаимно выгодно, в том числе и с точки зрения получения прибыли, за одним исключением. В странах Западной Европы бурно росли мануфактурное, а затем и промышленное производство, объемы вывоза готовых промышленных товаров, для чего требовалось все больше сырья и продукции аграрного сектора, складывался новый общественный строй, всё то, что впоследствии будет названо обществом модерна. В России аграрно-торговый капитал подчиняет себе промышленный и способствует сохранению общинно-крепостнического строя, тормозит и неоднократно останавливает необходимые для развития экономические, социальные и политические преобразования.

Европейские страны всеми возможными способами стремятся к тому, чтобы в России шла точечная, выборочная модернизация только в тех отраслях, которые поставляли нужные для Запада товары. Российская экономика все больше приспособлялась к требованиям внешнего рынка, что усиливало ее неравномерный, неорганический характер. Расчетливая и эгоистическая политика Запада была направлена на то, чтобы Россия не смогла оставить путь выборочной и зависимой модернизации.

Чувство отсталости, которое возникает уже во второй половине XVII в., в разных словах выражают многие мыслители и государственные деятели, к примеру, это старообрядцы, Петр I, П. Чаадаев, Г. Плеханов. Оно становится по мере движения истории все более сильным и устойчивым состоянием сознания российского общества. В информационной борьбе против России это чувство использовалось, эксплуатировалось Западом до предела. Изображение русских, россиян полудикими людьми, варварами, неспособными к организации «нормальной» жизни, постоянно склонными к агрессии, становится весьма распространенной оценкой европейцами своих восточных соседей по Европе. Впоследствии она получила свое теоретическое обоснование и закрепление в разобранном выше определении цивилизации и его антиязы – варварства.

Сущность информационной агрессии Запада – демонстрация своих технических и политических достижений, всяческое поощрение стремления русских познакомиться с Европой и желания

там жить и работать, расчетливый показ себя с самой лучшей стороны и вместе с тем разжигание зависти, неодобрения существующих порядков в России, всяческое подчеркивание отсталости и непросвещенности русских людей. В 90-е гг. прошлого века в дискуссиях между либералами-западниками и антизападниками очень часто цитировались слова молодого лакея Яши из чеховского «Вишневого сада», с которыми он обращается к своей хозяйке, помещице Раневской: «Любовь Андреевна! ...Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно. Что ж там говорить, вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно. ...Вив ля Франс. Здесь не по мне, не могу жить. ...Насмотрелся на невежество – будет с меня»²⁰.

В информационной борьбе с Россией разыгрывание карты отсталости – совершенно беспроектная для Европы установка. Она гарантирует постоянное присутствие в сознании русских, россиян чувства недовольства своей страной на протяжении столетий. Избавиться от этого чувства жителю России трудно, даже если он этого желает, поскольку на путях догоняющего развития преодолеть отсталость невозможно, можно лишь сменить одну форму отсталости на другую. Судьба либерального западника в России очень показательна. Проходят столетия, а он занимает одну и ту же позицию. Он твердо убежден в том, что пока не будет перестроено российское общество по европейскому образцу, до тех пор страна будет считаться исторически несостоятельной, как и люди, в ней живущие. Если речь идет о либеральных реформах, то любые действия власти оцениваются им как недостаточные, а медлительность её должна вызывать всеобщее негодование. И сегодня, в XXI в., в России сложился целый социальный слой, прочно стоящий на этой позиции, который информационно постоянно поддерживается Западом и требует немедленного проведения радикальных реформ.

Но понимание того, что усвоение многих действительно прогрессивных достижений Запада не решает кардинальным образом судьбу страны, что способы преодоления отсталости не могут характеризоваться той однозначностью, которая навязывалась информационным «просветительством» с Запада, – всё это рождает в русском общественном сознании другое чувство: нужно искать

свой собственный путь решения существующих проблем. Скорее всего, дело не просто в отсталости. Ведь вместе с ней приходит зависимость от Запада, то, что впоследствии начинает все больше приобретать черты колониального превосходства последнего.

Уверенность в необходимости поиска национального пути является не сразу. Общепринято считать, что в 20–30-е гг. XIX в. в России складывается национальное сознание, начинаются споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе. По справедливому утверждению Н.А.Бердяева, на построениях философии российской истории формировалось в XIX в. наше национальное сознание. Когда на Западе появляется индустриальный капитализм и общество модерн как историческая реальность, тогда и становится во весь рост перед страной проблема национального пути.

Не один раз в течение последних пяти-шести столетий России приходилось отстаивать, нередко и силой оружия, право на выбор своего пути исторического развития. Идея национального пути – ключевая во всех отношениях России с Западом, она постепенно формировалась в общественной мысли страны в логике ответа на вызовы становящегося западного капитализма. Не допустить возникновения центра силы, могущего угрожать экономическому могуществу Запада, в первую очередь Англии и всей Британской империи, – вот главная причина её борьбы с Россией. Поэтому целью противостояния информационной агрессии со стороны Запада должна быть не просто защита российской культурно-цивилизационной идентичности, что само по себе исключительно важно, но и отстаивание необходимости следования по собственному пути, как единственно возможный способ сохранения своей культуры, своей идентичности.

Достижение этих целей, как показал исторический опыт не только России, но и других стран, требует существенного закрытия страны от угроз внешнего воздействия, как информационных, так и военных. Первоначальный образ осажденной крепости возникает не в советскую эпоху, а гораздо раньше, во времена Николая I.

Борьба против такой политической линии и таких умонастроений рождает совсем другие приемы информационной борьбы Запада против России. Разжигание зависти, внушение чувства отсталости и ущербности, обработка умов русских в этом

направлении продолжается. Каждодневное стремление принизить Россию характеризует информационную машину Запада в течение столетий. Но теперь главное в ситуации XIX в. – начала XX в. – это борьба против Империи. Всё зло, угрожающее Европе, идет от России как империи, а это совсем другая, более сложная задача, нежели эксплуатация идеи отсталости. На повестку дня ставятся вопросы нанесения военного поражения Империи, а ещё лучше – её разрушения.

Остановимся на этом вопросе подробнее. С начала XIX в. информационная агрессия в отношении России приобретает все более массированный характер. Наполеон впервые оказывает злобной русофобской пропаганде государственную поддержку. Ему принадлежит «сомнительная честь выпестовать, сформировать и выплеснуть на страницы книг и газет миф о русской агрессивности»²¹. С тех пор этот миф насаждается по всей Европе и, кажется, нет таких доводов, которые могли бы посеять сомнения в его лживости.

Англии удалось не допустить сближения России и Франции в начале XIX в. Война между ними была нужна английской буржуазии с целью устранения Франции как конкурента в борьбе за мировое господство на море. После триумфального входа русских войск в Париж в 1814 г., заключения Парижского договора и поражения Наполеона в битве под Ватерлоо Франция перестает быть стратегическим соперником Англии, которая становится морской владычицей мира. С этого времени начинается эпоха господства английского капитализма. Англия защищает и продвигает по всему миру свои экономические интересы и отличается широким использованием тайных операций и негосударственных учреждений.

С того момента, когда Россия становится общепризнанной после Парижского договора великой европейской державой, насаждение в Европе неприязни и недоверия к русским становится одной из важнейших целей в политике западных держав, в первую очередь, Англии и Франции.

Англия видела огромную опасность для себя в выборе Россией своего самостоятельного пути развития. Из всех императоров, кто правил страной после Петра I, самым национальным императором считается Николай I. И потому фальсификация его идей и стремлений как на Западе, так и отечественными радикальными либералами весьма показательна. Обычно принято

говорить об эпохе Николая I как об эпохе угрюмой и безжалостной бюрократии, существования жесткой цензуры, ограничений для русских в поездках за границу и в установлении контактов с Западом. Всё это вызывало у него резко критическую реакцию. Но, с другой стороны, именно в период правления Николая I впервые возникает национальное самосознание и национальное самоуважение, национальная русская литература, получившая мировое признание. Были достигнуты огромные успехи не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, музыке, театре. Русские люди перестают испытывать чувство неполноценности и зависти. Есть несомненная связь между политикой «удаления» России от Западной Европы, противостояния западной угрозе и достижениями в сфере культуры на национально ориентированном пути развития.

Освещение эпохи правления Николая I в современной прозаической литературе может служить примером непримиримой информационной войны в сфере истории. А.Янов, покинувший СССР в 70-е гг. прошлого века и живущий ныне в США, посвятил свою обширную трилогию «Россия и Европа» разоблачению ошибочности всего исторического пути развития России. В частности, в своей книге о Николае I он пишет, что за тридцать лет его правления разрыв между Европой и Россией «увеличился феноменально». Ссылаясь на американского историка Б.Линкольна (B.Linkoln), он утверждает, что производство чугуна во Франции в 1850 г. выросло за 30 лет почти на 400 % (с 113 тыс. тонн до 406 тыс. тонн), в Англии за это же время – на 540 %, а в России всего на 41 % за три десятилетия. «И так было по всем без исключения народнохозяйственным показателям. Если это называть экономическим прогрессом, то что же тогда называть катастрофическим отставанием?»²². Однако хорошо известно, что в XVIII в. Россия снабжала чугуном всю Европу. В отдельные периоды до 90 % производимого чугуна вывозилось за рубеж. Новые заводы в стране строились в первую очередь исходя из потребностей развернувшегося в то время промышленного переворота на Западе, прежде всего в Англии и Франции. Затем, когда стало для них экономически выгодно, они начали сами производить чугун. И тогда многие заводы в России были заброшены ввиду отсутствия спроса на чугун как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Это класси-

ческий пример утверждавшихся тогда тенденций зависимого полуколониального развития российской экономики. Между прочим, А.Янов ссылается на авторитет американского историка, а не на добросовестные исследования.

Однако он не пишет о том большом внимании, которое уделял Николай I развитию Академии наук, созданию большого числа новых научных институтов и учебных заведений, не упоминает о колоссальной сумме денег, отпущенных для строительства Пулковской обсерватории, о редактировании императором Устава Академии наук России, который в его редакции много десятилетий оставался действующим Уставом. А.Янов не пишет и о том, что Николай I много занимался строительством шоссейных дорог в стране, что он ввел протекционистские меры для защиты уверенно развивавшейся при нем национальной промышленности²³. Разумеется, одного этого шага было достаточно для того, чтобы представить императора и всю Россию в европейском общественном мнении в совершенно непривлекательном свете.

Антиевропейский вектор мог дать другое, но тоже перспективное направление развития страны, если бы линия Николая I была продолжена в дальнейшем. Пожалуй, это был тот самый момент, когда Россия могла стать центром иного, но тоже капиталистического развития. Но это была бы другая модель – государственного капитализма, в которой последний ставится на службу государству, способствует достижению им своих национальных задач, что с блеском продемонстрировала Германия Бисмарка. Не будем забывать, что с начала XIX в. немецкая мысль сразу после вступления Наполеона на земли германских княжеств стала на позиции воинствующего противоборства с идеями либерализма и демократии. Тем самым готовилась идейная почва для иного пути капиталистического развития страны. Не исключено, что Германия и Россия могли бы выступить в качестве единого центра другой модели капиталистического пути развития в противовес Англии и ее союзникам. Возникла бы ситуация двоецентриа в развитии капитализма, чего Англия, конечно, не могла ни в коем случае допустить, что она и сделала.

Реакция русской общественной мысли того времени на вторжение либеральных и республиканских идей Наполеона была совсем другой в отличие от Германии. Распространение этих идей

привело к восстанию декабристов, после чего на смену либеральным исканиям Александра I пришел Николай I, который отправил их под запрет на долгие тридцать лет.

Для Запада Николай I становится абсолютно неприемлемой фигурой. Он был всерьез напуган претензиями России на роль великой европейской державы, особенно преувеличивалась военная мощь страны. Решающую роль для достижения Западом своих эгоистических целей сыграло информационное оружие. Европа с его помощью превращает Россию в своего главного врага, Крымская война середины XIX в. была войной фактически всей Европы против России, против ее попытки отстоять свой самостоятельный курс национального развития. Ей предшествовала огромная информационная обработка европейского общества.

Как только новый император Александр II отменил в 1857 г. протекционистские меры на ввоз западных товаров, о нем стали писать в Англии как об умном и дальновидном императоре. Но то, что сделал Николай I в отношении национальной промышленности, включая и преодоление полукOLONиального тренда, сложившегося в эпоху Александра I, не оценено должным образом и сегодня. Между прочим, реформы Александра II были прямо противоположны американским реформам того времени, хотя страны находились в примерно сходных условиях. Америка пошла по пути формирования и защиты внутреннего рынка, своего пути развития национальной экономики, российские реформы вели к усилению зависимости от Запада. Информационная пропаганда западных либеральных идей после смерти Николая I приносит свои плоды. Верховная власть выбирает путь максимального экономического сближения с Западом. Это возвращение к модели зависимого и верхушечного капитализма. При этих условиях радикальные либеральные идеи вели к сокрушению империи, ведь империя – это варварство и отсталость. И потому альтернативные во многом идеи русских либеральных консерваторов остались невостребованными. В итоге российская империя попадает в особого рода историческую ловушку, не просто созданную самой историей, но умело и расчетливо сконструированную.

В течение всей второй половины XIX в. зависимость российской экономики от иностранного капитала неуклонно возрастает, значительная часть передовых отраслей промышленности при-

надлежат французскому, немецкому, бельгийскому капиталу. «Из 40 акционерных банков собственно русскими были только два... отнюдь не самые крупные. При этом нерусские банки не имели отделений в провинции ...работал насос, высасывавший деньги из страны, не давая ей по-настоящему развиваться и перекачивая их за рубеж ...Денежная и банковская реформы 1856–1861 гг. проводились российскими либеральными финансистами с учетом интересов западноевропейских финансовых кругов и не создавали необходимой финансовой основы для промышленного подъема в России ...Иностранные финансисты были придворными банкирами русских царей. Русские капиталы контролировались немецкими, французскими и другими национальными группами банкиров в создававшихся в России коммерческих банках»²⁴. Привлечение иностранного капитала в форме займов и инвестиций лежало в основе финансовой политики министра финансов Витте. Количество иностранных компаний росло в России невиданными темпами, несмотря на серьезную оппозицию политике Витте, в том числе и со стороны лиц царского двора. В конце XIX в. иностранный капитал превратился в мощное средство выкачивания внутренних накоплений из страны. К началу первой мировой войны Россия имела государственный долг свыше 9 млрд. рублей, из них половина – это внешний долг, который в два раза превышал все иностранные капиталовложения в экономику. Правящая элита во времена Николая II залезает в огромные долги, что приводит к невыгодной для страны смене союзников.

Более ясные контуры национального пути для России могли появиться лишь после объединения Германии в 1871 г., которая становится на путь форсированного развития экономики, капиталистического строя в целом. В Германии складывается иной путь капиталистического развития, принципиально отличный от английского, продолжается борьба против разлагающих страну идей либерализма. Аналогичные мысли начинает высказывать российская общественность. Русские экономисты пишут о национальной экономике и ее перспективах, необходимости проведения протекционистской политики.

В центре третьего направления информационной войны Запада против России оказываются отношения России с Германией. Германия – злейший враг Англии. Вся политика России и

все головы русских людей должны быть переформатированы. Россия и россияне должны стать врагами Германии и друзьями Англии и ее младшего союзника – Франции. Таким способом Лондон торпедирует реально возникающую идею альтернативного, но тоже капиталистического пути развития для России, который сложился к тому времени в Германии и который привел к потрясающим результатам, что и сделало последнюю настоящим врагом Англии.

В 1870–1880-е гг. в России складывается парадоксальная ситуация. Вся западная информационно-пропагандистская машина работает на строительство в России европейского капитализма, она категорически отрицает возможности использования экономического опыта Германии. Выпускается масса научных трудов, в которых показываются выдающиеся успехи России в её продвижении по капиталистическому пути. Эти работы и сегодня переиздаются, на них постоянно ссылаются. О национальном пути вспоминает Александр III, но было уже поздно. Либеральный консерватизм, который, однако, более адекватно отображал ситуацию, оказался не у дел. Но ему не хватило главного. Государственный капитализм или капитализм с российской спецификой должен был противостоять всем домогательствам англо-французской буржуазии, делать ставку на иной путь капиталистического развития. Это главное. Западная информационная пропаганда европейского капитализма прямым ходом загоняла Россию в исторический тупик, выход из которого был один – разрушение империи. Полный разгром главного исторического соперника – России – был теперь только делом времени.

Неудивительно, что Англия всегда поддерживала и продолжает поддерживать всех тех зарубежных деятелей, кто недоволен действиями властей в своих странах. Известно, что революционеры всех мастей, особенно в последние два столетия, находили в Англии политическое убежище, из чего она постоянно извлекала немалую пользу. Революционеры из России, Германии, Польши, стран Центральной и Восточной Европы, и не только из Европы, но и из Индии, Ближнего Востока и других стран долгое время могли жить в Англии и вести в ней революционную деятельность против своих правительств. Но при этом они не только не критиковали либеральные основы устройства Англии, но нередко ставили

её в пример. Так, А.И.Герцен, живя в Англии, говорил о ней как о единственной европейской стране, защищающей личную свободу. Британская империя была, как некогда супруга римского императора, вне критики и вне подозрений.

Конечно, в принципе Россия могла пойти по пути Германии и делала по нему первые и робкие шаги, особенно во внешней политике. Милитаризация экономики и страны в целом, как и рост бюрократии, этого главного инструмента для ускоренного проведения кардинальных реформ, есть специфическая черта иного, форсированного пути создания государственного капитализма. Россия, к примеру, вступила в войну с Японией. Но дальнейшее движение по своему пути для России оказалось невозможным.

Вместо Германии Россия вынуждена дружить с Францией и Англией, которым вскоре удалось столкнуть в войне Россию и Германию, вывести их из числа своих опасных конкурентов. Зачем России была нужна война с Германией, которая началась в 1914 г.? На это нет убедительного ответа. Полномасштабная война между Германией и Россией, которая унесла жизни более двух миллионов русских солдат и офицеров, до предела истощила страну и стала главной непосредственной причиной возникновения революционной ситуации в стране. С тех пор вступление России в войну с Германией в 1914 г. считается блестящей победой англо-французской дипломатии. 1917 год – это год разрешения того исторического тупика, в который попала Российская империя и который складывался в течение ряда столетий в результате победы аграрно-торгового капитализма, ориентированного на Запад, над национальным промышленным капитализмом. Решающую роль в крушении Империи сыграли привлекательные, но ложные цели и маяки западного капитализма, на яркий свет которых устремилась Россия и потерпела сокрушительное поражение.

Главный враг России – Англия выиграла и свою третью информационную войну против императорской России, где при выборе политической стратегии так и не поняли, что решение коренных российских проблем могло быть успешным только в союзе с Германией против Англии, против английского колониального капитализма, создавшего капиталистическую экономику как мировую систему, в которой для России и Германии были уготованы места только на её периферии.

Германия восстала раньше, Россия так и не восстала, а примирилась и получила то, что было давно задумано на берегах Темзы, – гибель Империи.

Причины развала СССР: связь внешних и внутренних факторов

В российском государстве на протяжении трех четвертей века сознательно и целенаправленно строилось социалистическое общество. СССР был и оставался осажденной крепостью не только во времена Сталина, но во все последующие годы своего существования. Самый поверхностный взгляд на проблему поражения советского социализма показывает, что более развитый и непримиримо враждебный Советскому Союзу мир капитализма оказывал огромное и постоянно растущее противодействие процессам строительства социализма. Враждебное отношение к Советскому Союзу, как выше сказано, имеет глубокие исторические корни, так что это не есть просто нелюбовь к советскому строю и образу жизни. Это отказ России в праве быть великой державой, искать и находить в конкретно-исторических условиях свой путь развития.

В конце 1920-х гг. Сталин говорил о том, что страна должна стать военной крепостью, решительно бороться против внутренних врагов, которые впоследствии были названы «пятой колонной», действующей в интересах Запада. Он говорил, что построить социализм в стране возможно, но «он не будет застрахован от внешнего нападения, и в этом смысле его победа не будет окончательной»²⁵. Эти рассуждения Сталина оказались пророческими, только внешнее нападение на страну явилось совсем в другой форме.

Военное решение вопроса было снято с повестки дня после создания Советским Союзом атомной и термоядерной бомбы. Чем дальше существовал СССР, тем больше внимания Запад уделял экономическому давлению и информационной войне против него, так что отход от первоначальных планов и перерождение советского социализма по многим параметрам явились почти запрограммированным результатом. Конечно, и в деформированном виде «реальный социализм» мог длительное время

существовать и успешно противостоять миру капитализма. Но двойного удара – извне и изнутри, со стороны собственной элиты – он, конечно, выдержать не смог.

Разрушительная роль Запада в том, что произошло в прошлом столетии со страной, огромна. Информационное оружие применяется против России на протяжении веков, но с конца 40-х гг. XX в. его использование вышло на совершенно новый уровень. Теперь главной мишенью информационной агрессии становится весь «красный проект» и вместе с тем сама способность государства и народа к стратегическому концептуальному мышлению.

Со второй половины 40-х гг. прошлого столетия проект «холодная война» разрабатывается как совокупность мер экономического, военного, политического, культурно-информационного характера, направленных на разрушение Советского Союза как социальной системы. Главное оружие – ведение психо-исторической войны, когда её авторы стремятся достичь целей без открытого применения военной силы с помощью целенаправленного воздействия на ценностные и смысловые ориентации советских людей.

Многочисленная литература содержит неопровержимые свидетельства того, что уничтожение СССР было стратегической целью прежде всего США, англосаксонских кругов Запада. Мощное, никогда не прекращавшееся давление на СССР шло по всем возможным каналам. Мотивы такого поведения предельно ясны и понятны. М.Тэтчер в ноябре 1991 г., выступая в США на одной из конференций, сказала: «Советский Союз – это страна, представляющая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Я имею в виду угрозу материальную. Благодаря плановой экономике и своеобразному сочетанию материальных и моральных стимулов, Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы Советского Союза, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза была вполне реальная возможность вытеснить нас с мировых рынков»²⁶. Как видно, никакой низкопробной русофобии, которая всегда была лишь средством, причем нередко эффективным, для защиты Западом своих прибылей, своей экономической, материальной выгоды.

Историк А.И.Уткин назвал одну из своих книг «СССР в осаде». Но эта осада с приходом Рейгана к власти в США в 1981 г. превратилась в полномасштабную стратегию, конкретно направленную на скорейший разгром СССР. Давление на Советский Союз в военном, экономическом, информационном отношениях стало расти с невероятной быстротой.

Теоретическое обоснование нового типа войны подробно изложил З.Бжезинский в работе «План игры», написанной им в 1980-е гг. Изданная на русском языке, она рассылалась по списку и осталась тогда практически без внимания со стороны поздней советской элиты²⁷. Зоной американских интересов становился весь мир, и любая активность СССР за пределами его границ немедленно объявлялась непосредственной угрозой Америке²⁸.

Информационные барьеры советская власть длительное время удерживала прочно. Это было условием успешного развития страны, формирования в людях устойчивой мотивации к производительному труду, необходимости вести трудовой образ жизни, сохранения социалистических ценностей и идеалов. Но с началом «оттепели» в середине 50-х годов, с ростом открытости страны и числа контактов именно внешнеполитические, внешнеторговые и культурные ведомства становятся теми каналами, по которым шла самая «достоверная» информация о том, как правильно организована жизнь на Западе, особенно в области демократии и прав человека, свободы информации, в бытовой сфере. У работников этих ведомств находили отклик и понимание либеральные идеи, в их головах постепенно вызревали идеи приватизации государственной собственности, о чем писал еще Л.Троцкий в работе «Преданная революция», опубликованной за рубежом в 1936 г. Он предупреждал о том, что советская бюрократия попытается защитить и сохранить свои привилегии через восстановление института частной собственности.

В 1960–1970-е гг. наступила эра двоемыслия, которая не могла продолжаться бесконечно. Советские граждане все больше сравнивали жизнь в Советском Союзе и на Западе и делали часто выводы отнюдь не в пользу своей страны. Власть жестко подавляла всякое зримое недовольство, отказывала научной интеллигенции в праве публично обсуждать реальную ситуацию в стране, что только усугубляло положение страны на мировой арене, тормозило давно

назревшие преобразования в идеологии, политической системе, экономике. Неизбежность перемен ощущалась и внизу, и наверху. Вопрос был в том, в каком направлении должна была дальше двигаться страна, какую ей выбирать модель «перестройки».

Первоначально перестройка официально трактовалась как намерение придать социализму второе дыхание. Четыре основные силы складываются к тому моменту в компартии: 1 – ретрограды, охранители; 2 – постиндустриалисты; 3 – рыночники; 4 – сознательные разрушители КПСС и Советского Союза²⁹. Несмотря на растущую угрозу кризиса страна могла бы уверенно развиваться и дальше, если бы партия сделала основную ставку на научно-техническую, на всю творческую интеллигенцию как на решающее условие прорыва в постиндустриальное общество. Но как только эти силы, организации и люди обозначили свое понимание целей перестройки, то их стали направленно и преднамеренно вытеснять из политического процесса, подвергать всяческой дискредитации. На авансцену вышли разрушительные силы, которые под предлогом борьбы с бюрократизмом (под лозунгом: бюрократизм – наш главный враг) потребовали слома так называемой административно-командной системы, перехода к западной модели демократического государства и рыночной экономики.

Важно констатировать прежде всего факт перерождения в советском обществе значительной части партийно-государственной номенклатуры или, следуя сегодняшней моде, правящей элиты. Она твердо знала, что нужно делать дальше со страной. Это – демонтировать «реальный социализм», отбросить национальные окраины, создать на манер запада национальное государство и «нормальный» капитализм, присвоить и перевести в частную собственность наиболее прибыльную часть собственности, пойти на сближение с Европой с целью создания единого общеевропейского пространства. И уже в рамках большой Европы стать самым влиятельным и могущественным государством. Одним словом, зажечь так же богато, как и Европа, открыто и ничего не пряча, как это приходилось делать номенклатурной элите при советском строе. Все эти преобразования казались возможными при таком богатстве природных ресурсов, сырья и энергоносителей. Но на сегодня из всего задуманного у той правящей элиты, кажется, по большому счету

ничего не получилось, кроме как присвоить, поделить и попрятать государственную собственность, которую они объявили вдруг в годы перестройки «бесхозной».

Перестройка и вылилась по существу в операцию прикрытия демонтажа советской системы. План действительно был, о нем пишет один из «архитекторов» перестройки, секретарь и член политбюро ЦК партии А.Яковлев в 1994 г. В книге «Горькая правда» он утверждает, что еще в декабре 1985 года написал большой трактат о болезнях советского общества и необходимых лекарствах для его излечения. «Итак, основные слагаемые перестройки: 1. Рыночная экономика с оплатой по труду. 2. Собственник как субъект свободы. 3. Демократия и гласность с их общедоступной информацией. 4. Система обратных связей»³⁰. О технологии реализации плана А.Яковлев поведал позже. Во вступительной статье к книге французских авторов С.Куртуа, Н.Верт и др. «Черная книга коммунизма», изданной в Москве в 2001 г. тиражом сто тысяч экземпляров, он радостно пишет: «Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще... с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна ... Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика... сработала»³¹. Так что план разгрома Советского Союза удался на все сто процентов, и у этого плана были свои творцы и исполнители. Недаром А.Яковлев назвал себя в одной из статей в конце 90-х гг. XX в. «подрывником» системы. Маловероятно, но возможно, что автор весь этот план придумал задним числом. Но ведь как у него написано, так и протекали идеологические процессы в стране в годы перестройки.

План предполагал нанесение смертельных ударов по всем скрепам советского общества. Центральной фигурой прикрытия был М.Горбачев, полностью посвященный в планы заговорщиков. В стране под флагом борьбы за гласность, за демократизацию общества, за ликвидацию административно-командной системы, за реформирование СССР начались совершенно другие процессы – тайного и бесконтрольного перевода огромной партийной

и государственной собственности в частную собственность партийных функционеров, высокопоставленных государственных чиновников, вывод в значительных размерах валюты и собственности за границу.

Что касается начавшихся в стране по инициативе Горбачева дискуссий о реформировании СССР, то они заведомо были направлены по ложному пути, т. е. по пути пересмотра Союзного договора 1922 г., что изначально ставило под сомнение легитимность СССР и его Конституции. Это означало, что ни одно из противоправных действий нельзя квалифицировать как однозначно антиконституционное. Так считали националистические лидеры в союзных республиках. Вот когда будет новый Союзный договор, когда появится новая Конституция, которая будет всеми признана, тогда можно требовать четкого соблюдения конституционных, правовых норм, а до тех пор разговоры о каких-то ограничениях при обсуждении вопросов о будущем СССР нужно категорически отвергать. Попытки реформирования Союза в таком контексте, при мощном нагнетании националистической истерии, с неизбежностью вели только к одному – к разрушению единого союзного государства.

В СССР и в годы перестройки сохранялась высоко централизованная система политического руководства страной. М. Горбачев занял пост Генерального секретаря ЦК компартии, а впоследствии и должность президента СССР. Несмотря на значительную потерю контроля над управлением экономикой, международными отношениями, идеологической ситуацией в стране, Горбачев умело пресекал все попытки лишить его властных полномочий. Так никто и не смог отодвинуть его от власти вплоть до августа 1991 г. Отчаянная попытка ГКЧП могла спасти страну по крайней мере от неконтролируемого распада. Но спасти страну могло лишь настоящее, а не декоративное введение чрезвычайного положения, на что путчисты не решились, хотя и сейчас трудно предположить реальную социальную цену такой попытки. Но судя по тому, что произошло потом со страной, эта цена могла оказаться вовсе не запредельной. Бездейтельностью членов ГКЧП воспользовался Б. Ельцин, который и совершил реальный, а не опереточный антигосударственный переворот, запустивший механизм немедленного и окончательного распада СССР.

Запад активно включился в перестроечную кампанию на стороне радикальных рыночных сил и вложил в нее колоссальные деньги. Госсекретарь США Д.Бейкер в 1992 г. говорил о триллионах долларов, которые США потратили не напрасно. Потому невозможно игнорировать наличие совершенно очевидных фактов непримиримой войны Запада с СССР, но именно так поступают либералы, которые связывают крах советского государства только с действиями части переродившейся элиты. Например, Е.Гайдар в своей работе «Государство и эволюция» высмеивает «идеи мирового заговора номенклатуры, инспирированного, естественно, из Вашингтона и Тель-Авива... вплоть до откровенного параноидального бреда про «агентов ЦРУ в Политбюро» и тому подобных галлюцинаций»³².

Но на самом деле оказалось, что субъектов разрушения СССР как целостной общественной системы было два. Демонтаж государства происходил не только изнутри, но и извне, поразительно согласованно, как говорится, в резонанс. Наступивший открытый кризис системы был умело доведен до огромной мировой геополитической катастрофы.

Россия сегодня находится не столько в кризисе, сколько в упадке, в процессе постепенно идущей деградации социума. Информационный «колпак», надетый Западом на страну, становится все более плотным и жестким. Если раньше распространялись тексты и радиопередачи, которые требовали от советского человека какой-то умственной работы, то в последние десятилетия информационное оружие строится на совершенно новых технологиях. С помощью телевидения, интернета, других СМИ создается такая виртуальная реальность, которая просто подменяет существующую, объявляет ее неподлинной и заставляет людей верить в то, что виртуальный мир и есть единственный подлинно реальный, в котором они живут. Глубинная цель сегодняшней информационной войны во всех её ипостасях – попытаться навязать стране ложную интерпретацию многовековой российской истории. Последствия разрушения всех позитивных ценностей и смыслов, которые еще сохранились в сознании и исторической памяти людей, могут иметь для страны катастрофические последствия.

Историческая память народа вмещает в себя признание религиозных корней русской культуры, культур других народов и этносов, восприятие государств как непреходящей ценности, патрио-

тизм, в том числе и мессианские настроения российского народа. Другими словами, сегодняшняя информационная война Запада с российской историей – это борьба с теми же смыслами, с которыми шла эта война на протяжении последних четырех-пяти столетий.

В ходе информационной войны предпринимаются все усилия с той целью, чтобы в умах российских людей сложилось искаженное, превратное представление о прошлой жизни страны, о современной реальности, чтобы создать за деньги непримиримую оппозицию. Российский народ должен понять, что все драмы и трагедии, происходившие с ним в истории, порождены его варварским, нецивилизованным состоянием, его отсталыми и дикими традициями, обычаями и нравами. Стране усиленно навязывается комплекс полуварварской страны, не преодолевшей еще своего «постимперского» синдрома, своих агрессивных намерений в отношении своих соседей – новых независимых государств. Внедрение новых «ценностей» в сознание российских людей открывает пути для программирования их поведения как в стратегических масштабах, так и на уровне повседневности.

Практические результаты такой обработки населения, в том числе и правящей элиты, состоят в том, что навязываемые стране социальная и историческая реальности перекрывают возможности понимания действительного состояния российского общества, а следовательно, и реальных перспектив самостоятельного развития. Именно по этой причине власть не может похвастаться успехами в деле возрождения страны. При принятии стратегически важных решений она во многом исходит из навязанной извне односторонней или откровенно ложной информации о российской истории и российском пути развития.

Странная, но вполне понятная ситуация. Ведь не может быть, чтобы такая богатая страна сама постоянно занималась самоедством и самоистреблением. Кто-то ей в этом усиленно помогает на протяжении столетий и делает это сознательно для защиты своих корыстных, эгоистичных интересов, что сегодня стало предельно ясно после разгрома Советского Союза в ходе беспощадной «холодной войны».

В сфере изучения информационной агрессии против современной России, ведущихся против нее разнообразных информационных войн имеются несомненные достижения в отечественной науке. На государственном уровне разработана концепция инфор-

мационной безопасности России. Концепция есть, а вот состояние общественного сознания вызывает всё большую тревогу: в последние годы хаос и сумятица прочно утвердились в головах многих миллионов российских людей.

Власть публичная, открытая и власть тайная, теневая

Сегодня стало совершенно очевидным, что публичная власть во всем мире все чаще оказывается отстраненной от принятия важных стратегических решений. За публичными политиками стоят мощные финансово-экономические группы и кланы.

В Новое время уже в период раннего доиндустриального капитализма европейское общество становится более рациональным в сфере политики, идеологии, экономики, в социальной сфере. Происходит, по М.Веберу, «расколдовывание» мира. В дальнейшем действия высших государственных органов и их руководителей на Западе, принятие ими политических решений начинают носить все более закрытый характер, становятся менее прозрачными. Тайный характер власти, если говорить только о Новом времени, нарастает по мере становления демократических порядков и институтов гражданского общества. Особенно это становится заметным с середины XIX в., с начала эпохи революций в Европе, роста классовой борьбы и обострения межгосударственных отношений. Соотношение между открытой и теневой властью на Западе решительно изменилось в сторону «тени» после окончания первой мировой войны и с появлением на исторической арене Советского государства.

Цели и задачи теневой политики – сохранение власти правящих в государстве элит. Чем дальше идет развитие западноевропейских стран, тем в большей степени явные, публичные действия выступают прикрытием заранее и тайно принимаемых решений, которые становятся императивами поведения для ведущих публичных политиков той или иной страны. Взаимопроникновение тайной, теневой и публичной, открытой политики оказывается важнейшей чертой общества классического капитализма. Тайная власть – это власть капитала. Манипуляция сознанием населения становится одной из главных функций правящего класса.

С возникновением индустриального капитализма и крупных банков начинается стремительная интернационализация капитала. Тайная власть капитала это прежде всего власть мирового капитала, который располагается в ядре, центре капиталистического мира. Таким центром постепенно становится Англия, а после окончания второй мировой войны тандем США и Англии, одним словом, англосаксонская цивилизация. Цель – завоевание и удержание не только власти в рамках своих стран, но и господства на мировой арене. При этом долговременная стратегия мирового капитала проста и понятна – утверждение вассальных (дружественных) режимов в различных странах и удержание последних в орбите своего влияния.

Весь мир западный капитализм втягивает в свою экономическую систему. В каждой стране, в том числе и в современной России, тайная власть национального капитала постепенно подпадает под влияние мирового капитала. И чем больше публичные институты демонстрируют свою демократичность и открытость, тем больше во властной структуре, в принятии важных решений скрытых механизмов и непрозрачности. Сегодня это понятие становится одним из наиболее часто употребляемых в политической публицистике.

Одним словом, есть мир национальных государств и публичной политики, и есть антимир закрытых и тайных обществ. Публичные политики, в том числе и высшие государственные деятели, оказываются сегодня на пересечении публичной и тщательно скрываемой теневой сферы, они все больше выступают исполнителями чужих тайных замыслов, но при этом вынуждены широко использовать демократические декорации. Реальная власть смещается в теневую, закрытую зону. Реальный субъект власти – группы людей, которые реализуют свои корпоративные, финансовые, иные интересы под прикрытием демократического государства. «Теневая власть, теневая политика, заговор, – пишет известный историк А.И.Фурсов, – есть обратная “темная” сторона демократии, публичности... темная сторона Модерна»³³.

Развитие демократии, усиление влияния левых партий в связи с ростом среднего класса стало приобретать в 1960-е гг. опасный для правящих классов Запада характер. Развитие зашло, по их мнению, слишком далеко. Революция 1968 г. показала это со всей

очевидностью. Поэтому в 1970-е гг. правящими элитами Запада предпринимаются серьезные попытки, которые были направлены на снижение политической активности граждан и демократических институтов. В 1975 г. был опубликован важный и откровенно циничный доклад «Кризис демократии», написанный по заказу Трехсторонней комиссии известным американским политологом С.Хантингтоном (США) вместе с М.Крозье и Дз.Ватануки. В докладе говорилось о том, что развитие демократии ведет к уменьшению власти правящих классов, серьезно нарушает баланс между властью и силами оппозиции. Необходимо умерить рост политической активности и демократию, которая вовсе не является, по их убеждению, универсальной организацией участия населения в работе государственных органов власти и управления. Управляемость демократией (the governability of democracy) «жизненно важна и абсолютно необходима»³⁴.

Мощное наступление «неоконсерваторов» на демократию принесло свои плоды. Среди негативных моментов, которые стали обнаруживаться в европейской жизни, следует указать в первую очередь на заметное «поправление» позиций социал-демократов, на все большее сближение их с правящими либеральными партиями по ключевым вопросам власти и собственности. Резко увеличивается теневая, «темная» составляющая публичных институтов власти, центры реального принятия стратегических решений оказываются надежно укрытыми от посторонних глаз. Наблюдается повышение значимости исполнительной власти, заметный рост численности бюрократии. Одним словом, механизмы принятия стратегических решений правящими элитами Запада становятся все более непрозрачными. Система многопартийности, публичная борьба партий, впрочем, как и остальные демократические институты, оказываются во все большей степени прикрытием неконтролируемых последними теневых структур реальной власти. В итоге все это можно охарактеризовать как кризис демократических институтов западного общества.

Несамостоятельность современного политика более чем очевидна. На Западе его формируют, готовят десятилетиями в закрытых от постороннего взгляда элитарных университетах. Известно, например, как на протяжении более десяти лет «лепили» из Барака Обамы политического деятеля, как его целенаправленно вели по

всем ступенькам политической карьеры, устраняли на этом пути всяческие препятствия. При обсуждении вопроса о субъекте нынешних и грядущих перемен в ходе модернизации российского общества самым важным является вопрос о том, как вообще можно противостоять тайным, теневым центрам власти как национальному, так и мирового капитала.

О методологии современных исследований проблем власти

Выше отмечалось, что помимо явной, публичной власти существует еще и тайная, теневая, масштабы которой нередко трудно себе представить. Как справедливо замечает А.И.Фурсов, «современная (*modern*) наука об обществе сконструирована так, что “видит” и изучает только видимую сторону, “материю”, “мир”, – для этого у нее есть триада “экономика, социология, политическая наука”. А для теневой “зоны”, т. е. для зоны, где принимаются главные решения, где происходит реальное управление обществом, психисторией в различных ее информпотоках, науки нет»³⁵. Отмеченная автором ситуация действительно не нашла должного отражения в отечественных науках, особенно в политологии, изучающей по существу только мир публичной политики.

Однако в современном мире существует явление, в очень сильной степени сдерживающее желание ученых заниматься проблематикой теневой власти. Имеется в виду конспирология, которая задолго до появления социальных наук стала активно разрабатывать, всячески эксплуатировать проблематику теневой власти, заговоров и тайных обществ. В последние полвека наблюдается огромный вал конспирологической литературы, оценить который просто невозможно. Описание различных тайных структур власти, мира заговорщиков стало модным, популярным занятием, втянувшим в себя огромное число пишущих людей. Конспирологический взгляд на мир стал устойчивым состоянием массового общественного сознания, глубоко проникшим во все его стороны – художественную деятельность, публицистику, политическую борьбу. Интересна работа А.Г.Дугина «Конспирология», в которой автор попытался проанализировать её как

социологическое и культурное явление, описать некоторые закономерности конспирологического сознания, его парадигмальные особенности, проследить логику наиболее типичных, ярких и показательных конспирологических теорий³⁶.

Сегодняшнее отношение к конспирологии со стороны настоящей науки в целом достаточно негативное. А.И.Фурсов отмечает, что «под конспирологией имеется в виду сфера знаний, в которой история, особенно серьезные повороты, рассматривается сквозь призму тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил – орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций»³⁷. Приведем ещё один пример из большого числа многочисленных определений конспирологии, представленных в электронных ресурсах. «Конспирология не просто один из способов объяснения истории, она – влиятельная форма существования мифологии в наши дни. Нередко она соседствует с магией, обещающей чудесным образом освободить “посвященных” от законов природы и власти людей, вместо того, чтобы изучать эти законы и менять эту власть. Там, где люди заражены конспирологией, любые требования демократии и сама её маломальская возможность исключены и смехотворны, ибо история есть тайная война секретных элит и в этой войне подлинная власть не может быть открыта и прозрачна»³⁸.

Перед учеными социального профиля встает весьма сложная задача: как правильно поставить реальную проблему и с каких позиций искать её решения. Можно ли говорить о необходимости создания конспирологии как настоящей науки или этому термину невозможно придать положительный смысл? Одна из сложностей при оценке конспирологических работ связана с тем, что конспирологи постоянно и в огромных масштабах ссылаются в своих разоблачениях на такие материалы и документы, подлинность которых бывает невозможно установить. Это обстоятельство открыло широкое поле деятельности для всякого рода авантюристов. Более того, оно стало расчетливо использоваться теми теневыми структурами, которые совсем не заинтересованы в их обнаружении и активно содействуют публикации явно тенденциозных работ и фальшивых документов. Тем самым решается важнейшая задача по дискредитации различных попыток научного изучения тайных, теневых структур

власти. Конспирологический флер над некоторыми реальными проблемами настолько плотен, что мало кто из серьезных ученых желает и стремится ими заниматься.

Так что науке еще предстоит пробиться к реальным проблемам через разрушение монополии конспирологов на изучение тайных сил истории. Что касается проблемы соотношения тайных и открытых сил, действующих в историческом процессе, то, несомненно, существовали и существуют заговоры, т. е. группы людей, которые тайно объединяются для достижения определенной цели. Как отмечает М.В.Хлебников, «конспирологический подход делает акцент на единстве заговора с некоторой идеологической матрицей, без которой толкование заговора теряет любой смысл»³⁹. Другими словами, основными вопросами, которые изучают конспирологи, являются тайные общества, их идейная основа, пути и средства достижения их целей.

Следовательно, во-первых, необходимо четко определить понятие политического заговора. К примеру, если часть правящей элиты тайно принимает властные решения в обход демократических процедур, если группа лиц внутри неё сговаривается между собой с целью государственного, «дворцового» переворота, то это и есть политический заговор, который вполне может стать предметом политического расследования без всяких конспирологических построений. Настоящая наука должна стремиться к тому, чтобы понять, как происходит взаимодействие и борьба элит в обществе, понять внутриэлитную борьбу, т. е. как рождаются тайные решения в элитной среде, как их пытаются реализовать и что получается в итоге⁴⁰. Такого рода исследования составляют реальную угрозу для конспирологов. А поскольку социальная роль конспирологических работ известна, то отсюда становятся понятными истинные причины написания многих из них. Вместо изучения правящих элит как сложного субъекта в конкретном обществе, борьбы в них отдельных групп, творящих реальную историю, конспирологи рисуют заговоры, борьбу одним только им известных тайных сил. В этой ситуации элиты могут спать спокойно. Мало кто отважится заниматься ими после того, как общественному мнению доподлинно известно, борьба каких тайных сил делает историю.

Отсюда становится понятной и та огромная роль, которая играет конспирология в информационных войнах, в том числе и против России. К примеру, граждане России по-разному относятся

к фигуре Сталина, и вряд ли в ближайшее время между ними будет достигнуто согласие. Но вот раскрыть и показать, почему именно Сталин больше всего и постоянно беспокоит Запад из всей истории советского периода, почему личность Сталина вызывает враждебные чувства у значительной части политической элиты Запада, это по силам современной науке. Западные политологи охотно используют конспирологические измышления для создания злодейского мифологического образа Сталина, который усиленно навязывается массовому сознанию и на Западе, и в нашей стране, благо, что информационные потоки такого рода сегодня вообще никем не контролируются. Сквозь создаваемый конспирологами образ мало кто может пробиться к реальному пониманию исторической ситуации, которая привела к превращению Сталина до известной степени в национального диктатора. Всё переворачивается с точностью наоборот. Оказывается, Запад никогда не представлял никакой угрозы для России. «Поскольку Россия особо подвержена конспиративизму, – пишет американский ученый, специалист по истории России Дж.Энтин, – то вызвать у русских страхи перед заговорами иностранных правительств против России оказалось совсем нетрудно. Навязанная И.В.Сталиным изоляция России намного усилила эти страхи и облегчала задачу контроля над населением». И далее: «Смерть Сталина и свежий воздух, который принес с собой Н.С.Хрущев, приоткрыли шторы конспиративизма, но не сняли их полностью. Ленинская теория империализма была извращена еще более, чем при Сталине. Империализм рассматривался не просто как объективно обусловленная стадия капитализма, но как состояние, которое требовало заговорщической политики от тех, кто пожинал ее плоды. Противники Советского Союза были не просто соперниками за сферы влияния в мире, но активными заговорщиками»⁴¹.

Другой пример. Американский автор Даниэл Пайпс в своей недавно вышедшей книге «Заговор: мания преследования в умах политиков» много внимания уделяет разоблачению того, как «в бредовых фантазиях Сталина возникло враждебное капиталистическое окружение. И английская буржуазия как главный враг»⁴². Но в действительности и в том, и в другом случае всё преднамеренно искажено. Сталин исходил, в общем, из реальной оценки дореволюционной России как полуколониальной империи, и он,

придя к власти, стремился к преодолению Советским Союзом экономического и военного отставания от Запада на путях достижения страной экономической и политической независимости, информационной безопасности.

Ни для кого сегодня не секрет фанатичное стремление Англии, англосаксонской цивилизации к экономическому господству в мире, и она этого никогда не скрывала. Как не скрывала и того, что она полна решимости не допустить становления экономически мощной России. Но эти рассуждения являются достоянием узкого круга деятелей науки, между которыми идет спор о размерах полукOLONIALной зависимости России, о цене индустриализации и коллективизации в 30-е годы прошлого века и т. д. А в массовом сознании господствует убеждение, навязанное конспирологами, что необходимость достижения Советским Союзом своей экономической независимости и её всемерной защиты – это плод параноидальных подозрений Сталина в существовании на Западе «тайного заговора».

Здесь следует развести разные вещи. Сталин говорил о том, что английская буржуазия – враг, а если говорится, что враг плетет заговоры против СССР, то здесь это слово имеет совсем другой и вовсе не конспирологический смысл. Заговор может иметь место в собственной стране, в окружении, в партии или в правящей элите, когда осуществляется сговор с целью, к примеру, устранения первого лица от власти. Если ряд лиц в стране идёт на секретный сговор с целью свержения законного правительства, то они государственные преступники. Такого рода события и являются предметом политического анализа.

Если правительство США создает секретный план или проект «холодной войны», направленный на слом советского государства, то это нельзя квалифицировать как конспирологический заговор. Сегодня доступны документы, есть прямые свидетельства лиц, причастных к организации и проведению в жизнь этого проекта.

В последнее время конспирология выполняет важную функцию обозначения главной проблематики сегодняшнего дня: кто принадлежит сегодня к «сильным мира сего», стремился и стремится к мировому господству. Транснациональные корпорации, глобальный управляющий класс, спецслужбы, кто ещё хочет быть

вершителем истории? Изучение этих вопросов должно стать одной из центральных задач научного анализа и проникновения на его основе по ту сторону видимой политической истории.

Примерами подобного рода исследований выступают такие работы, как Дж.Перкинс «Исповедь экономического убийцы», Д.Ергин «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть»⁴³. Из отечественных работ последнего времени заслуживает внимания книга В.Б.Павленко «Мифы устойчивого развития» (М., 2011), в которой на основе анализа огромного массива официальных источников и различных документов убедительно, на наш взгляд, показано, что проект устойчивого развития тщательно разрабатывался теневыми структурами власти на Западе. Его цель – слом сложившегося послевоенного устройства и создание «нового мирового порядка». Самой серьезной силой, препятствующей введению на планете этого порядка, оставалась и остается Россия⁴⁴.

Если был создан, к примеру, проект «холодная война» и реализован в истории, то он вполне может быть разоблачен средствами науки, что и делается с переменным успехом во многих отечественных публикациях. Поэтому теневые структуры власти на Западе развернули мощную и беспощадную борьбу с реальным пониманием истории с помощью конспирологии. Причем на уровне массового сознания сегодня это стало особенно очевидным. Если люди не знают и не понимают того, как и кто развивает историю, тогда вся история для них есть борьба таинственных сект и спецслужб, тайных советников, инопланетян, жителей параллельных миров, людей-оборотней и многих других мифических образований. Конспирология становится идеологическим оружием борьбы с целью сокрытия реальных властных рычагов, имеющих в распоряжении теневых структур и, наоборот, «раскрытия» заговоров тех политических сил и движений, которые представляют для теневой власти реальную угрозу. Вместе с тем для конспирологов сохраняется и сегодня огромное поле для деятельности – размышлять над тем, что тщательно скрыто от посторонних глаз. По справедливому замечанию М.В.Хлебникова, «дихотомия между внешней открытостью политической практики, оборачивающейся внутренней онтологической пустотой, и закрытостью корпоративно-финансовой сферы, которая становится объектом толкования, и определяет значение конспирологии на современном этапе развития»⁴⁵.

При всем негативном отношении, сложившемся в общественном мнении к конспирологической литературе, необходимость в подлинно научном анализе тайн власти становится все более актуальной. Существует огромная потребность в разработке методологических основ научной теории, ее понятийного аппарата, но пока нет ни того, ни другого. А без научного инструментария невозможен объективный анализ реальной проблемы соотношения явного, открытого и теневого, закрытого в работе власти и управления, раскрытия теневых механизмов воздействия на общество с целью изменения сознания граждан в нужном направлении.

Решение задачи обновления понятийного аппарата, возможно, следует начинать с обсуждения вопроса о соотношении влияния внешних и внутренних, явных и скрытых факторов на направление и темпы развития сегодняшнего российского государства-цивилизации.

О возможных путях трансформации российского государства

Из всего сказанного можно сделать примерно следующие заключения и выводы. Этап притяжения России к Европе, по видимому, завершается. В очередной раз он привел к взаимному их разочарованию. Россия постепенно меняет вектор стратегического развития. Из нацеленного на Европу, из проевропейского он становится антиевропейским, в том смысле, что теперь вектор направляется вглубь Евразии и далее к берегам Тихого океана. Россия вновь начинает свое движение на Восток.

Антиевропейский вектор политики включает также в себя ориентацию на поиск собственного пути развития, отказ от уподобления Западу и превращения в «нормальное» европейское государство. Первым шагом на этом пути становится формирование Евразийского Союза. Тем самым российская цивилизация еще раз демонстрирует свой незападный характер. Матрица российского государства, которая сегодня постепенно форматирует оптимальную структуру власти, еще раз показала, что она действительно существует. Она никуда не исчезла и не могла исчезнуть. Многие черты этой матрицы постоянно воспроизводили себя, поскольку

этого требовало выживание государства. Сегодня идет осознание ее неустранимости в условиях растущих угроз самому существованию российского государства. Любопытно, как один из ярких представителей радикального либерализма Л.Шевцова с сожалением констатирует в своей недавно вышедшей книжке «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом?», что после развала СССР «уже до того, как в Россию пошла западная помощь, Россия начала воссоздавать систему персоналистской власти и возвращаться к слиянию власти и собственности. ...Державничество строится на отталкивании России от Запада»⁴⁶.

В нынешних условиях глобальной конкуренции только высокоцентрализованное (импероподобное) государство может сделать Россию сильным и самостоятельным игроком на мировой арене истории. Это и означает, что матрица российского государства воспроизводит вновь жизнеспособную структуру власти, в которой решающая роль в сохранении и совершенствовании общества принадлежит государству. И дело не в апологии последнего. Если бы это было так. Разумеется, здесь не имеется в виду возвращение к православной дореволюционной империи Романовых и приглашение на престол некоторых дальних родственников последнего царя.

За такое импероподобное государство выступает значительная часть крупного бизнеса и бюрократии, ориентированных на развитие национальной экономики и создание для нее емкого внутреннего рынка. В его поддержку выступают различные круги научного сообщества и технической интеллигенции, значительные массы трудового народа индустриальных регионов страны.

Для централизованного (авторитарного, импероподобного, имперского в прошлом) государства характерны многие хорошо известные черты российской политической жизни, в том числе такие, как наличие верховной власти (первого лица) и непосредственно «завязанной» на нее вертикали власти, наличие у верховной власти мощной политической воли для управления бюрократическим аппаратом, способным и обязанным быть надежным инструментом проведения в жизнь стратегических политических целей, и, главное, наличие не рыночной, а раздаточной (распределительной) модели экономики, но при этом включающей в себя в качестве важных и не-

обходимых элементов частную собственность и рынок. Экономика должна быть жестко подчинена решению социальных, в том числе демографических задач государства, а не наоборот, когда высокая эффективность рыночной экономики достигается за счет максимального снижения социальных издержек государства.

Но если сохранение и совершенствование централизованного (импероподобного) государства – это перспективный путь его совершенствования, тогда, отталкиваясь от этой модели, можно и нужно строить планы достижения реальной политической стабильности и социальной консолидации российского общества.

Одна из самых важных характеристик централизованного государства, которая вызывает много споров, связана с нерасчлененностью государства и собственности. Сращенность органов власти и экономической сферы жизни общества выступает одной из онтологических сторон российской государственности, в ходе истории менялись формы их соединения, но и сегодня сохраняется их неразрывное единство. Российская модель в этом отношении далека от классической модели европейского государства. Эта невозможность отделения собственности от власти с помощью указов и постановлений вызывает очень много споров и находит прямое отражение в политической жизни страны.

Имеются в виду как депутатские и президентские выборы, так и те дискуссии, которые ведутся вокруг совершенствования избирательной системы в целом. Предвыборная атмосфера и обстановка голосования продемонстрировали недавно весьма своеобразную политическую культуру россиян. Возникавшие нередко драматические ситуации объясняются прежде всего тем, что на выборах любого уровня речь идет не просто о власти, не о том, кто будет возглавлять город или регион, кто будет сидеть в Думе или в Законодательном собрании и заниматься законотворчеством. Речь идет о том, что смена лиц у власти связана с новым переделом собственности. И несмотря на призывы к власти, особенно со стороны либеральных кругов, сделать радикальные шаги по разделению власти и собственности⁴⁷, всё остается на своих местах и ожидать здесь значительных перемен пока не приходится.

Независимо от всех дискуссий по поводу собственности сегодня ясно одно: российское государство не может нормально существовать и функционировать без идеологии. «Без идеологии

власть, – по замечанию В.Б.Пастухова, – не может контролировать саму себя ...Государство без идеологической смазки бессильно перед деструктивными силами»⁴⁸. Поэтому наряду с внешним государством, отмечает автор, должно быть внутреннее государство. Таковым, он считает, является партия. Без идеологии и идеологического контроля, чем партия днем и ночью занимается, государственный аппарат власти не может эффективно функционировать, поскольку он не в состоянии сам себя контролировать. Либо над аппаратом стоит партия и ее идеология, т. е. мы имеем дело фактически с идеократическим государством, либо власть поражается насквозь коррупцией с непредсказуемыми последствиями для государства и общества в целом.

Но с идеологией, а тем более с партийной дела обстоят сегодня крайне непросто. С одной стороны, у российского общества, можно сказать, аллергия на единственно верную партию, находящуюся у власти, имеется в виду компартия Советского Союза, ее бывшее всемогущество и высокомерие. Но если обратиться на Восток, то там партии в социалистических странах по-прежнему играют руководящую роль и делают это умело и грамотно. К сожалению, в российском общественном сознании не обсуждается серьезно роль компартии в истории страны, ее плюсы и минусы. Видимо, придёт время, когда это обсуждение начнется в обществе. Но пока речь идет о путях его консолидации, которая обычно начинается с восстановления идеи общего дела, что с необходимостью ведет к конкретизации ее на уровне стратегического проекта развития страны, появлению субъекта, заинтересованного в реализации проекта, затем к созданию идеологии развития, которая выступит надежной преградой на пути все ещё угрожающей стране в том или ином варианте «оранжевой» революции.

Как отмечает, С.П.Перегудов, «органическая связь, существующая между национально-государственной идентичностью и степенью консолидации государства, стала настолько очевидной, что вопрос о нормализации сложившейся здесь ситуации превращается в вопрос первостепенной значимости»⁴⁹. Вопрос в том, как раскрывается в исследованиях последнего времени эта идентичность. К сожалению, её идеологические аспекты, как правило, обходятся, и на первое место выдвигаются этнические и культурные традиции, военные победы и историческая символика. Поэтому

ощутимого прорыва в консолидации российского общества в ходе бесконечных поисков идентичности вряд ли можно ожидать. Национально-государственная идентичность раскрывается наиболее полно и содержательно именно через наличие у страны, государства-цивилизации, каким и является Россия, стратегического проекта, переведенного на четкий язык идеологии, поддержанного значительной частью трудового населения страны и выражающего его настроения, интересы и чаяния.

Движение по этому пути осложняется многими обстоятельствами. Массовое сознание сможет принять новый вариант централизованной (авторитарной) власти, и он будет исторически оправдан при условии, если власть принесет с собой по существу новый по духу тип развития российского общества. Другими словами, консолидация имеет еще и духовно-символический аспект. Важно наличие того общего дела, без которого централизованное (импероподобное) государство обречено на гибель. Есть много оснований утверждать, что Россия была, есть и будет великой державой или ее не будет вовсе. Державное мышление, мышление в категориях великой державы пока остается мощным архетипом, присутствующим в глубинах исторического сознания российских людей, несмотря на то, что либеральное мышление относится негативно к любым проявлениям державности в их мыслях, а тем более в поступках.

С тем, чтобы быть суверенным государством, чтобы сохранилась российская цивилизация, необходимо выдвигание концепции развития как дальнейшего продолжения реализации исторического предназначения, исторической роли российской цивилизации, которая, на наш взгляд, далека от завершения. Такой проект потребует моральной, интеллектуальной, финансовой, кадровой мобилизации, так или иначе, всего российского общества и, конечно же, появления новых форм народного энтузиазма. Разумеется, мобилизация российского общества в XXI в. будет носить совсем другой характер по сравнению с мобилизациями прошлых столетий. Отечественная интеллигенция много говорит об общем деле, о национальной идее, но пока все её варианты не вызывают в обществе подъема энергии, поскольку носят общий и отвлеченный характер.

Здесь и возникает новая проблема. Страна сегодня устремилась по капиталистическому пути, о чем приверженцы национальной идеи предпочитают не говорить и этого не обсуждать, отгоражива-

ясь от самой главной реалии нашей жизни. Как пишет Б.Капустин в статье «Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир», необходимость производить прежде всего сырьё и энергоресурсы и, соответственно, контролировать производство и поддерживать сложнейшую систему изъятия и перераспределения ренты привела к глубокому встраиванию государственных органов и особенно силовых структур в экономику. «Это – российская разновидность того, что польский социолог Ядвига Станицкис описала как феномен посткоммунистического “политического капитализма”. В его логике все государственно-политические институты перестраиваются в соответствии с задачами эффективного функционирования той разновидности периферийного капитализма, которая парадоксальным образом сочетает сильные элементы новейшего финансиализированного капитализма и “проклятие” самых грубых форм материального производства»⁵⁰. Здесь всё правильно сказано, только это встраивание государства в экономику или их сращенность родились не в посткоммунистической России, они носят сущностный характер, уходят глубоко в историю. Об этом уже говорилось в начале статьи как об одной из онтологических характеристик российского государства-цивилизации.

Капитализм как общественный строй в России потерпел поражение без малого сто лет назад. В принципиальном плане эффективный и самостоятельный капитализм возможен в стране, но именно как альтернативный, иной путь капиталистического развития по сравнению с западным. В противном случае страна оказывается на периферии капиталистической мировой экономики и начинает жить по законам зависимого и отсталого капитализма. Это и не капитализм в собственном смысле слова, а страна – сельскохозяйственный, сырьевой или энергетический придаток Центра – подлинно капиталистических стран Запада – англосаксонской и романо-германской двуединой цивилизации. Страна, прочно севшая на газо-нефтяную «иглу».

В настоящее время Россия представляет собой «классическую» страну зависимого и отсталого капитализма. Страна с таким вектором развития может уверенно двигаться в сторону парламентской демократии, что собственно и есть конкретная форма проявления этого вектора развития применительно к политической стороне общественной жизни.

Развитие России в последние десятилетия по пути зависимого и отсталого капитализма привело к появлению среднего или, как он себя называет, «креативного» класса, пока не очень многочисленного, но весьма своеобразного, по своей природе мелкобуржуазного, озабоченного сохранением и приращением своей собственности. Он начинает обретать свой политический голос и сегодня прежде всего требует отказа от централизованного (авторитарного) режима правления, создания буржуазно-демократического парламентского строя, расширения политического представительства в парламенте различных социальных слоев, иначе говоря, создания реальной, а не имитационной, с его точки зрения, многопартийности. Эти цели могут быть достигнуты, по мнению радикально настроенных лидеров, в результате свершения буржуазно-демократической революции, направленной как на устранение авторитарного режима, так и олигархических форм собственности.

При таком политическом строе демократическая по форме, но предельно жесткая по содержанию борьба различных социальных слоев и классов, семейных кланов и теневых структур власти, без сомнения, получит самое бурное развитие. Огромная опасность, однако, состоит в том, что эта борьба, весьма вероятно, приведет к резкому снижению уровня, а возможно, и к потере управляемости общественными процессами со стороны государственных органов власти, к дальнейшему росту сепаратистских настроений в регионах, особенно богатых природными ресурсами и желающих распорядиться ими самостоятельно, к массовым выступлениям обездоленных слоев населения, одним словом, к предельно высокому уровню открытого социального противоборства. В этих условиях о социальной консолидации общества придется забыть. Вместо неё в стране сложится ситуация, когда одна часть общества, стремящаяся до конца довести разрушение вертикали власти, твердо выступит против другой части общества, которая эту вертикаль власти поддерживает. Такая ситуация будет напоминать Западную Европу столетней давности с ее классовыми боями и социальными потрясениями.

Запад когда-то твердо решил не допускать постсоветскую Россию в Центр мирового капитализма. Сегодняшняя Россия не приближается, а удаляется от этого Центра, в том числе и по темпам создания новейшего, шестого технологического уклада. Сегодняш-

няя Россия, как уже сказано, – это страна зависимого и отсталого капитализма. В этой ситуации остается только одно решение, которое с предельной откровенностью выразила упоминавшаяся выше Л.Шевцова: «Если речь идет о сближении с Западом, то России придется, видимо, пойти по пути “подчиненного” либерально-демократического развития, по которому шли страны Центральной и Восточной Европы. И если не готова российская элита отказаться от своего “бензинового суверенитета”, то в таком случае нужно забыть о прорывах и остаться там, где мы сейчас находимся»⁵¹.

В российском обществе олигархическая и крупная собственность и находящаяся во власти номенклатура, которые тесно переплелись между собой, пытаются изменить статус российского капитализма в капиталистической мировой экономике. Они пытаются направить страну по пути создания альтернативного Западу центра капиталистического развития. Но если пойти по этому пути, тогда потребуется в условиях жесточайшей глобальной конкуренции, это важно подчеркнуть, другая модель государственно-го устройства, а именно, «корпорация-государство».

Из кругов олигархии и высокопоставленной бюрократии постоянно раздаются голоса о том, что государство в условиях глобальной конкуренции должно быть экономически эффективным, т. е. направленным в своей деятельности на всемерное снижение любых издержек производства. В социальном плане это означает, что все слои общества, которые не вписываются в модель экономически эффективного государства, должны быть под любым предлогом отсечены от общественного пирога или серьезно ограничены в правах на него, на что обращает особое внимание известный историк А.И.Фурсов⁵². Отечественная правящая элита с помощью такого устройства государства – «корпорация-государство» – надеется защитить свои финансовые интересы, умножить богатство и найти свое достойное место среди сильных мира сего.

Цели, о которых любит рассуждать вслух либеральная часть правящей элиты, скорее будут зависеть от внешних условий конкурентной борьбы, чем диктоваться потребностями развития научной, социальной и культурной сфер жизни страны. Несколько раз руководители российского государства уже объявляли Россию корпорацией, а себя ее менеджерами. Это очень опасный, если не гибельный путь для страны. Пока этот путь развития государства

не очень складывается, потому что социальные проблемы верховной власти приходится по-прежнему решать, а сбросить эти проблемы на усмотрение самих людей у неё не получается и вряд ли получится. Но о консолидации общества через эффективную организацию политического взаимодействия различных социальных сил на этом пути просто придется забыть. Скорее всего, речь будет идти о социальной поддержке правящей элиты со стороны малоимущих взамен на ответственность их за сохранение стабильности в обществе с помощью минимизации общественной активности граждан, их политических и социальных требований. Складывается впечатление, что в стране существуют мощные силы, которые продолжают мечтать о создании в стране такой политической и социальной ситуации. Как отмечает Н.М.Великая, «основной социальной опорой финансового капитала и административной элиты всегда являются маргинализованные, малообеспеченные слои населения»⁵³.

Борьба двух путей, двух векторов развития страны по капиталистическому пути ведет к весьма негативным и драматическим последствиям. Но к этой борьбе политическая жизнь в стране не сводится. Многопартийность стала важным фактором в политике в современном обществе, но пока нельзя сказать, что она ведет к стабилизации, к достижению солидарности и социальной стабильности в обществе.

Бескомпромиссная конкуренция проектов стратегического развития с большой вероятностью может привести к потере эффективности или к полному разрушению существующей формы государства, системы его органов власти и управления. Различные партии выдвигают и пропагандируют такие программы преобразований российского общества, которые отличаются высокой степенью несовместимости.

Поэтому до тех пор, пока партии соревнуются в том, чтобы доказать, чей стратегический проект развития страны лучше, вряд ли может быть какая-либо устойчивая политическая консолидация российского общества. Если представить себе переход высшей власти к оппозиционной партии сегодня, то он может привести к обрушению всей или большей части существующей формы государства, последствия которого трудно себе представить. Строительство фактически новой формы государственно-

сти будет вестись на руинах старой. Так было в 1917 г., так было в 1991 г. Так может получиться и в наши дни. Коммунисты, к примеру, говорят о возвращении к власти Советов, либеральные демократы Жириновского ратуют за создание унитарного государства и однопалатного парламента, социал-демократы имеют своей целью парламентскую республику, монархисты надеются на воссоздание православной империи, мечта и цель русских националистов – разделение России на ряд независимых государств и возвращение к Святой Руси. Партия власти сегодня есть орган реализации президентской программы, она не вполне самостоятельна и является фактически специфическим исполнительным органом президентской власти и подконтрольного ей правительства.

В сегодняшней ситуации, если стратегический проект развития страны будет выдвинут президентом и принят значительной частью общества, то скорее всего обойдется без очередной «перестройки», т. е. разрушения существующих государственных структур, а необходимые реорганизации структур власти будут носить контролируемый сверху характер. Таким стратегическим проектом вполне может стать «социальное государство». По справедливому замечанию В.И.Толстых, сегодня он «предстает как насущная и долгосрочная цель-задача, способная соединить и объединить усилия всех гражданских сил и объединений, независимо от их партийной принадлежности. Вряд ли кто рискнет открыто выступить против самой этой идеи, поскольку она впитала и воплотила в себе “рациональные зерна” всех гуманистически ориентированных течений мысли и общественных движений – либеральных, социалистических, национальных, консервативных и др.»⁵⁴.

Но это может произойти в результате смены политического курса, о чем постоянно говорят многие политики и дальновидно мыслящие политологи. Но пока президентские инициативы в большой стратегический проект «национального успеха» не складываются и особого энтузиазма не вызывают. Курс верховной власти по-прежнему направлен преимущественно на всемерное укрепление капитализма, особенно в его высших формах, могущественных финансово-промышленных корпораций, хотя политической власти олигархи и крупный бизнес в своих руках напрямую не имеют. Сегодняшняя борьба партий с принципиально различным

пониманием места и роли России в современном мире, с различными планами переустройства российского государства ослабляет и в значительной мере тормозит развитие страны.

Матрица российской цивилизации несет в себе и определенную модель экономики. Об этом нужно писать отдельно, но то, что страна по своей истории антикапиталистическая, означает, что капитализма (не путать с финансовым капиталом и частной собственностью) в России не будет, если иметь в виду широкую историческую перспективу. Капитал абсолютно необходим для создания эффективной экономики. Рынок и предпринимательство – это средства решения экономических проблем, но они не имеют однозначной формационной привязки. А потому сегодня становится все более обсуждаемой идея социалистического вектора развития страны, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Серьезный недостаток авторитарной модели государственной власти в России всегда состоял в отсутствии надежной обратной связи. Отсюда большие возможности развития многопартийности и при наличии централизованной (авторитарной) модели модернизации страны. Поэтому при любом выборе стратегического курса развития, видимо, целесообразным будет такое поведение существующих оппозиционных партий, которые, выражая настроения и интересы различных социальных слоев общества, не принимающих в целом курса, будут в своей публичной деятельности искать и находить место для реализации своих идей и предложений в рамках принятого стратегического курса развития страны. У оппозиционных партий должны быть возможности для критики допускаемых ошибок, несовершенства реализуемого проекта, более того, и гарантии оппозиционной деятельности, и возможности легальным способом прихода к власти ответственных оппозиционных партий, ставящих в практическую повестку дня, особенно в предвыборный период, вопрос о смене политического курса.

Одним словом, роль многопартийности продолжает быть весьма важной и после выбора страной стратегического проекта развития. Но как будет функционировать на деле многопартийная система, может показать только практика. Независимо от того, какого курса будет придерживаться президент, все равно должна существовать оппозиция и оппозиционные партии со своими про-

ектами развития страны, в которых будут выдвигаться другие цели и направления по сравнению с целями и приоритетами президентской стратегии. Но важно другое.

Внешние угрозы в отношении России, такие как военно-экономическое давление, информационная и культурная агрессии, разжигание религиозных конфликтов и т. д., становятся все более многочисленными и опасными. Среди внутренних угроз – это запредельное расслоение общества на богатых и бедных, рост выступлений против вертикали власти как левых, так и правых партий. В этой ситуации консолидация российского общества как практическая проблема требует для своего решения от всех политических партий и массовых движений предельной ответственности за судьбу Отечества. Но как пойдет социальная консолидация в стране в ближайшие годы – это задача со многими неизвестными.

Центральный вопрос для всех партий, по нашему глубокому убеждению, состоит не в ломке, немедленной глубокой трансформации государственного устройства, а в выработке такого политического курса, который был бы в состоянии блокировать, нейтрализовать не на словах, а на деле многочисленные угрозы как внешнего, так и внутреннего характера. Обсуждение этих вопросов, к сожалению, находится на периферии внимания политической теории, других социальных наук, а главное, здесь не хватает комплексных, системных исследований, которые позволили бы увидеть подлинные масштабы своеобразия сегодняшнего пути развития Российского государства.

Ситуация в мире требует мобилизации всей общественной системы с целью преодоления отставания и достижения приемлемого уровня национальной безопасности по всем базовым параметрам и прежде всего военно-экономической, политической, информационной безопасности. Сегодняшняя правящая элита постепенно осознает, что на Западе ее представителей охотно принимают только как преступников, криминальных элементов, которые стремятся получить статус политических беженцев. Одним словом, чем интенсивнее пойдут процессы консолидации в обществе, тем более сильным окажется модернизационный рывок российского общества и государства, тем больше будет сделано по реализации идеи социальной справедливости, которая является основополага-

ющей в культурной матрице русской, российской цивилизации, а следовательно, тем большую поддержку среди граждан страны будет получать проводимый курс.

Социальные науки в стране, в первую очередь, экономика, социология, политология, не говоря уже про российское общественное сознание, находятся, как нам представляется, под мощным внешним информационным «облучением», препятствующим адекватному пониманию той весьма неблагоприятной ситуации, в которой находится Российское государство и из которой оно сможет выбраться лишь с помощью фундаментальной разработки современной теории развития российского общества и мира в целом. Возможности для такой продуктивной работы пока имеются, но здесь нужны существенные изменения в идейно-духовной ситуации, сложившейся в отечественной социально-гуманитарной мысли, которые будут нацелены на разработку понятийного аппарата, способного уловить и отразить всё своеобразие исторического пути развития российского государства-цивилизации.

Примечания

- ¹ *Кургинян С.Е.* Исав и Иаков. Судьба развития в России и в мире. Т. 1. М., 2009. С. 212.
- ² *Горбунов А.А., Кретов Б.И.* Россия в новой системе международных координат: геополитика, глобализация и транспортные коммуникации. М., 2008; *Панарин И.Н.* Информационная война и геополитика. М., 2006; *Романов И., Забаев И., Чернов В.* Геополитика России: стратегия восточных территорий. М., 2008.
- ³ *Цымбурский В.Л.* Европа-Россия. Третья осень цивилизации ([archipelago.ru / authors/cimbursky/7library=2414](http://archipelago.ru/authors/cimbursky/7library=2414)).
- ⁴ *Цымбурский В.Л.* Циклы «похищения Европы» // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 2: Россия как субъект. М., 1995. С. 238.
- ⁵ См.: *Межуев Б.В.* Политическая критика Вадима Цымбурского. М., 2012. С. 74–92.
- ⁶ См.: Сравнительное изучение цивилизаций / Сост. Б.С.Ерасов. М., 1999. Введение. «Тем самым отвергается... сущностное значение чего-либо незападного, сводимого к “пережиткам” или “историческому своеобразию”, которое не имеет какого-либо значения ни для современности, ни для будущего». С. 32.
- ⁷ *Межуев В.М.* На пути к универсальной цивилизации // Вечное и преходящее в культурном наследии России. М., 2010. С. 10.
- ⁸ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 109.

- ⁹ См., например, *Терин Д.Ф.* Запад и Восток в институциональном подходе к цивилизации // Социол. журн. 2001. № 4.
- ¹⁰ *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997. С. 283, 288.
- ¹¹ См. подробнее: Г.Мишо, Э.Марк «К науке о цивилизации» // «Современные теории цивилизации». М., 1995. С. 15–31.
- ¹² См. подробнее: Сравнительное изучение цивилизаций / Сост. Б.С.Ерасов. С. 155–157.
- ¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 46. Ч. 1. С. 105.
- ¹⁴ Там же. С. 480.
- ¹⁵ *Гумилев. Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 00.
- ¹⁶ См. *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 142.
- ¹⁷ *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М., 1997. С. 490.
- ¹⁸ См. подробнее материалы по энергетической войне, культурной войне, социциду и ряду других войн, опубликованные в газете «Суть времени» (№№ 1–9. 2012); см. также: Информационные войны в современном мире. М., 2008.
- ¹⁹ *Панарин И.Н.* Информационная война и третий Рим. М., 2003. С. 100.
- ²⁰ *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 13. М., 1986. С. 236, 247.
- ²¹ *Мединский В.Р.* О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М., 2010. Гл. 3: Мифология Наполеона Бонапарта. С. 257.
- ²² *Янов А.Л.* Загадка николаевской России. М., 2007. С. 190. Сравни: «Происшедшая в конце XVIII в. переориентировка английского рынка на потребление собственного чугуна с последующим его экспортом стала началом глубокого спада его производства и экспорта в России. Спрос на внешнем рынке на российскую продукцию резко падает». *Бертран С.В.* Экспорт российского металла во Францию в XVIII–первой половине XIX в. // Металлургическая промышленность России XVIII–XX веков. Саранск-Екатеринбург, 2007. С. 257.
- ²³ Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 26 и далее.
- ²⁴ *Алексеева Е.А.* Диффузия европейских инноваций в России. М., 2007. С. 195.
- ²⁵ *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 118.
- ²⁶ www.usinfo.ru/sssr.index.htm.
- ²⁷ *Бжезинский З.* План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР. М., 1986.
- ²⁸ Так в кн.: *Швейцер П.* Тайная стратегия развала СССР. М., 2010 конкретно названа совокупность тайных мер, имевших своей прямой целью подрыв советской системы.
- ²⁹ См. подробнее: *Кургинян С.Е.* Горбачев сознательно развалил КПСС // Комс. правда. 03.03.2011.
- ³⁰ *Яковлев Н.А.* Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 21.
- ³¹ *Яковлев Н.А.* Большевизм-социальная болезнь XX века // *Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии* / Авт.: С.Куртуа, Н.Верт, Ж-Л Панне, А.Пачковский, К.Бартошек, Ж-Л.Марголен. М., 2001. С. 14–15.
- ³² *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 104–105, 106.

- 33 *Фурсов А.И.* Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними // *De future, или История будущего* / Под ред. Д.А.Андреева, В.Б.Прозорова. М., 2008. С. 286.
- 34 The crisis of democracy. Report on the governability of democracies to the trilateral commission. N.Y., 1975. P. 9.
- 35 URL: www.informachina.ru/analytic/2027-andrey-fursov-konspiroplogiya.
- 36 *Дугин А.Г.* Конспирология. М., 2005.
- 37 *Фурсов А.И.* Конспирология, капитализм и история русской власти (введение к программе-направлению «конспирология») // *Брюханов В.А.* Трагедия России. Царубийство 1 марта 1881 года. М., 2007. С. 7.
- 38 conspi.ru/news/bez-konspirologii/2010-12-27-41.
- 39 *Хлебников М.В.* «Теория заговора». Опыт социокультурн. исслед. М., 2012. С. 21.
- 40 «Надо понять, как можно хоть в какой-то степени управлять элитогенезом. Как сдерживать хотя бы самые разрушительные элитные конфликты». *Кургина С.Е.* Качели // Конфликт элит или развал России? М., 2008. С. 49.
- 41 *Энтин Дж.* Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. № 1 (vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ESSE/CONSP.NTM).
- 42 *Пайнс Д.* Заговор: мания преследования в умах политиков. М., 2008. С. 142.
- 43 *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. М., 2012; *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2011.
- 44 *Павленко В.Б.* Мифы «устойчивого развития» // «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот. М., 2011. Разд. 3: От «устойчивого развития» «к «новому мировому порядку».
- 45 *Хлебников М.В.* Теория заговора. Опыт социокультурн. исслед. С. 186.
- 46 *Шевцова Л.* Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М., 2010. С. 36, 135.
- 47 «Какой это капитализм, когда экономика сращена с властью?» // *Шевцова Л.* Одинокая держава... С. 144.
- 48 *Пастухов В.Б.* Предчувствие гражданской войны. От номенклатуры к клептоклатуре: взлет и падение «внутреннего государства» в современной России // Полит. исслед. 2011. № 5. С. 155.
- 49 *Перегудов С.П.* Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полит. исслед. 2011. № 3. С. 159.
- 50 www.russ.ru/Mirovaya_povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat.
- 51 *Шевцова Л.* Одинокая держава. С. 126.
- 52 *Фурсов А.И.* Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь» (forum/polismi.org/index.php?topic/1381-).
- 53 *Великая Н.М.* Политическая консолидация российского общества в контексте его социальной трансформации. СПб., 2003. С. 95.
- 54 *Толстых В.И.* Россия эпохи перемен. М., 2012. С. 335.

Российское пространство и власть над пространством в постсовременном мире

Во вступительной статье к фундаментальному энциклопедическому труду под названием «Атлас глобализации. К современному пониманию мирового пространства»¹ (Париж, 2010 г.) известный политический философ Бертран Бади, профессор целого ряда ведущих французских университетов и ученый французского Центра международных исследований, декларировал «конец территории»², как некогда Ф.Фукуяма провозгласил «конец истории». Как там, так и здесь речь, разумеется, идет о радикальном мировоззренческом перевороте.

Теорию «конца территории» Б.Бади выдвинул в середине 90-х гг. прошлого века. По его мнению, территория как базовая категория политической реальности сегодня «исчезает» вследствие наступления трех фундаментальных событий современности. Это прежде всего, конечно, глобализация, которая меняет инфраструктуру современного мира и становится точкой отсчета всех мировых процессов. Вторым маркирующим историческим фактом он считает окончание «холодной войны», которое уничтожило биполярность мира, глубоко уходящую корнями в территориальные привязанности. Наконец, третьим моментом он считает кризис государства, которое на протяжении всего вестфальского периода своего существования определялось как феномен, теснейшим образом связанный с территориальным суверенитетом. Отныне государства лишились если не полностью, то в значительной степени своей независимости. Причиной тому стали такие явления, как са-

мостоятельность финансовой деятельности, перешедшей границы отдельных государственных образований и, по сути, подчинившей себе государства; «конец государства всеобщего благоденствия», а также умножение пространств и акторов, недоступных вмешательству государства и даже диктующих ему свою политику. Среди последних называются, к примеру, появление «демилитаризованных зон», распространение неподдающихся урегулированию очагов гражданской войны и, разумеется, деятельность ТНК и неправительственных организаций, выходящая далеко за пределы государственной компетенции.

Теория «конца территории» не столько оспаривает проблему значимости территориальных захватов или территориальных агрессий в реальном мировом пространстве, которые, как мы наблюдаем в последнее время, вовсе не ослабевают, сколько говорит об «изъятии значительной части территориальной идентичности»³. Речь идет об «освобождении» пространства от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологическим феноменом. Главным действующим лицом современности провозглашается индивид, свободный от национально-ментального «бэкграунда», а картина мира, его география видятся как плод «креативного» индивидуального действия. На худой конец, признается возможность социального действия локального либо регионального наднационального уровня, замещающего вышедшего в тираж прежнего главного мирового игрока – государство.

Все эти процессы можно было бы считать естественным ходом истории, если бы при этом не происходило «перестройки» мира под нового мирового лидера, никем не оспариваемого и ничем не сдерживаемого, – США. Новый мир легко конструировать, когда кирпичиками мироздания являются «свободные» человеческие атомы, которые мощные «силовые поля» без особых усилий заставят принять удобную для себя конфигурацию. И потому проблема «конца территории» из историографической перерастает в идеологическую, а равно как и в практическую проблему реальной геополитики. Оба аспекта являются остро злободневными для России.

Власть над пространством: российская проблема?

В последние десятилетия мы наблюдаем агрессивное отношение мирового сообщества не столько к себе, сколько к нашему пространству. И это объясняется не только богатством природных ресурсов и отсутствием сильной власти, крепкой государственности. Аппетиты возбуждаются также тем, что сегодня российское пространство воспринимается как «пустое». А пустое пространство, как известно, является «призывом к действию и упреком лентяям»⁴, оно ждет своего завоевателя.

То, что российское пространство воспринимается как «пустое», связано не столько со степенью его реального экономического освоения или неосвоения. Причина тому лежит даже не в географической малодоступности и не в климатических особенностях обширных частей российской территории. Пространство «пусто» с точки зрения проекта, с идеологической точки зрения, с позиции наполнения его определенным смыслом. Но ведь именно смыслы, а точнее идеи, лежат в основании власти, движут массами, становятся политической силой и в конечном счете составляют фундамент крепкой государственности. Российское пространство, будучи на сегодня «безыдейным», тем самым автоматически становится ничейным.

Государство Российское стояло крепко в те периоды своей бурной истории, когда оформлялись цель и проект его существования, как правило, выходящие за пределы узко национальной ситуации. Московская Русь крепилась не только «грозою» царя и страхом опричнины, она была наполнена собственным смыслом – собиранием земель и народов для спасения в лоне истинной веры. Православие мыслилось как единственно способное защитить людей от вторжения антихриста. Русь была «святою», потому что продлевала существование человечества, оттягивала наступление конца света, которое, по убеждениям той эпохи, могло произойти только в царстве правильной веры. Пространство не было пустым, оно пребывало под напряженным током идеи, было сопряжено с динамизмом идеи, формировавшей его и создававшей его образ. И этот образ дожил до настоящего времени, он был воскрешен в особом институте старчества, связанном с

локальными пространствами, особыми топосами – «пустынями». Они суть реальные осколки, «острова» особого космоса, особого мира, именуемого Святой Русью.

Что касается Петровской эпохи, то она до сих пор вызывает самые ожесточенные споры и полярные оценки. И это отчасти объясняется тем, что России было предложено новое бытие – империи, но при этом не был выработан и заявлен духовный и идейный новаторский проект этого состояния. Копирование европейского цивилизационного проекта, которое, кстати, и ставится в вину российскому преобразователю, не есть инновация, достаточная для оправдания самостоятельности новой империи. Да, Россия при Петре расширила свои пределы. Однако само по себе пространство, территориальный факт огромности, с точки зрения «чистой идеи» империи, представляет необходимое следствие и результат движущей идейной силы, новой концепции бытия в мире. Оно составляет итог реализации идеи, которая форматирует вновь создаваемое большое пространство. Петровская же Россия фактически стала «подпространством» Европы, периферией ее цивилизации.

Петр заимствовал *европейскую* цивилизационную идею, которая к тому времени проходила этап преодоления имперской матрицы, данной ей Римом, и находилась в процессе формирования модели государства-нации. Но империя и государство-нация это фундаментально разные явления. Смысл последнего в соединении его с территорией, в «материализации» политики. Основу этого образования составляет индивид, позднее гражданин. Национальное государство создается прикреплением к определенному месту в рамках прочной политической формулы, которая опирается на прагматически ориентированного гражданина, укорененного в личной частной собственности. Национальное государство материально, основа его – суверенный народ. Его динамика – столкновения и конфликты внутри гражданского общества. Его фундамент – власть как *potestas*, как публичная *политическая сила*.

Империя изначально сверхтерриториальна и основывается на идейном принципе. Основа ее динамики – *могущество, духовная мощь, власть как imperium*. «Древнеримское понятие *imperium*... означает чистое могущество распоряжения, как бы мистическую силу *auctoritas*»... «Империя – это изначально не территория, а принцип, идея. Ее политический порядок на самом деле определяется не

материальными факторами и не протяженностью географической территории, но духовной или политико-юридической идеей»⁵. Нематериальный, духовный характер власти-могущества империи часто исторически приводил к сближению ее с религиозным динамическим импульсом, к наполнению ее теологическим смыслом. Для империи характерны мессианизм и сакрализация. Ее историческое задание видится как вселенское и одновременно священное.

Таким образом, заимствуя европейскую цивилизационную идею, Петр закладывал фундамент радикального грядущего противоречия бытия страны. Сам себя он мыслил и именовал первым Императором, но **неотрефлексирующая** «оглядка» России на Запад, которая с той поры преследует ее на протяжении всего исторического времени, заложила антагонистический дуализм в основу российской государственности. По сути и замыслу предназначение России духовно-имперское, и попытки **несамостоятельного, нетворческого** сращения политических элементов национального и имперского бытия периодически рушили страну. Конкретно-исторически Россия достигала пика своего могущества как империя и падала с потерей основного начала, с вырождением идеи, ее питавшей. Территория из пространства идеи превращалась в номенклатуру земель, которые рассыпались и обособливались или исчезали под властью иного государства.

Образец империи, данный Римом, вначале создал идею, принцип, позволяющий собирать разные народы без уничтожения их самобытности. «Принцип *imperium*, проявившийся даже еще и в республиканском Риме, отражал волю к осуществлению на земле порядка и космической гармонии, вечно находящейся под угрозой... Можно было быть римским гражданином (*civis romanus sum*), не теряя национальности»⁶. Империя объединяет без подавления. «Она созидает целое так, что оно оказывается крепче, чем автономные части»⁷. Она зиждется на идее общей судьбы. В полном соответствии с таким принципом «русская идея» всегда была больше идея, чем русская, и потому объединяла, а не эксплуатировала, реализовывала имперский «владыческий» принцип, а не империалистический материально-колониальный.

Качественно новый этап развития страны связан с идеей социализма. Сталин как первый исполнитель социалистического проекта, с одной стороны, был завершителем дела Петра, но, с

другой – именно ему выпало на долю наполнить империю новым идейным и идеологическим смыслом. Отсюда и сохранение привлекательности этой политической фигуры, и определенная ностальгия по той эпохе.

Советская Россия воплощала не только новаторскую социалистическую идею, но и по сути была системным проектом антикапитализма, который нес в себе грандиозный планетарный импульс, представленный, по В.Хлебникову, в идеале новой «республики ЗемШара»⁸. Такой код бытия, несомненно, достаточное условие для зачисления данной матрицы в разряд больших духовно-имперских идей. Примечательно то, что рождение масштабной мечты группой русских поэтов-«будетлян» (от слова будет), к которой принадлежал В.Хлебников, датируется началом 1910-х гг., т. е. задолго до революции 1917 г. Таким образом, эта идея не была искусственной программной установкой одной партии. Она, что называется, «носилась в воздухе», составляла мироощущение эпохи. Позднее В.Хлебников заметил: «Мы бросились в будущее с 1905 года»⁹.

Известно, что сам поэт-футурист одно время увлекался исследованием чисел и пытался вывести на этой основе закономерности исторического развития. Осенью 1911 г. он послал министру А.А.Нарышкину письмо, озаглавленное «Очерк значения чисел и о способах предвидения будущего». В мае 1912 г. им была издана брошюра «Учитель и ученик», в которой Хлебников попытался рассказать об открытых им «законах времени», в том числе предсказал бурные российские события 1917 г., Февральскую и Октябрьскую революции: «Не сто́ит ли ждать в 1917 году падения государства?»¹⁰, – писал он.

Сегодня индикаторы общественного сознания констатируют остаточные следы имперского ментального состояния российского бытия. Мы все еще продолжаем ощущать себя жителями «большого политического пространства». Народное сознание все еще расценивает свой мировой вес как «одну шестую часть суши»¹¹. Современного россиянина отличает представление о своей стране как «“бескрайней”», то есть бесконечно большой или хотя бы самой большой в мире»¹².

Глобальный масштаб восприятия своей страны, ощущение себя «миром» как отголосок некогда имперского – общемирового смысла ее христианско-православного предназначения, воплоти-

лось в известном дореволюционном опыте отождествления «народа» и «мира». Крестьянская Россия именовалась «миром», но он подразумевает безграничность, что составляло основу энергетики русской экспансии, колонизации незанятых территорий. Последствием стало то, что границы, будучи установленными, стали восприниматься как сакральные, которые нельзя менять. Земли нельзя отдавать, ибо они суть «мир», они «мы», наше «тело». Территория и населяющий ее народ мыслились как единое нерасчленимое целое. Исторически сформировалось сознание себя как «мы» – сообщества, неразделимого с масштабностью территории. Неистовость обороны в периоды военных действий подкреплялась подсознательно ощущением «самообороны», сохранения собственной «телесности». В этом отношении характерно замечание современных исследователей о том, что российское коллективное «мы» отличает пространственное, «почвенно-земляное» представление о себе, собственной стране¹³.

Некоторые исследователи считают, что такие ментальные сопоставления свидетельствуют о том, что сама российская наука об обществе, в частности социология, остается имперской. Если это и верно, то лишь отчасти. Возможно, причины кроются в глубинах коллективного бессознательного, которое мыслит свое спасение именно в категориях «духовного могущества», «силы духа и силы воли», былинных образах русской крепости. Фактом остается то, что сегодня отсутствует главное – собственный проект развития страны, что делает ее идейно «пустым» пространством, порождающим алчность новых завоевателей современности, которые стремятся «прибрать к рукам» ничейную территорию. Россия сегодня «открыта всем ветрам» куда более, нежели когда-либо ранее. Она уязвима тем более потому, что у нее нет собственного взгляда на мир, прочного самоосознания, понимания своих особенностей и бытия себя в мире.

Поиски «нового» смысла

Сегодня в наши рассуждения о самоидентификации все чаще возвращаются гиперборейские мотивы. Возможно, здесь работает логика мифологического сознания, исповедующая вечное возвра-

щение к истокам, к которому коллективное бессознательное становится особенно чувствительным в периоды смут и идейных переломов. Сегодня все чаще говорят о России уже не как о «западной», «восточной» и даже «евразийской» державе, а как о «северной». Действительно, выработка самостоятельного, независимого от западных конструкций пространственного образа для России возможна на основе поиска новой точки отсчета в ее существовании как приарктической державы.

Попытки интерпретации цивилизационной или социокультурной сущности России исключительно как евразийской грешат тем, что «все споры о специфике русского типа развития сводятся к выяснению соотношения европейскости и азиатчины – чего больше. В зависимости от “подсчета” получается либо Евразия, либо – Азиопа. Ну а на практике все сводится к борьбе за развитие по европейскому или азиатскому направлению, тогда как собственно русское, северное, а не западное или восточное, исчезают»¹⁴.

До сих пор, правда, приоритет получал «европейский» вектор сопоставления: предлагалось осмысление России как в основном европейской страны, в образах европейской ментальности, навеянных дискурсами Просвещения. Процесс дистанцирования концепта русской Евразии по отношению к образам Европы и Азии, преодоление дуализма Запада и Востока видится современными авторами на пути формирования нового метагеографического образа Севера Евразии, или Северной Евразии. Он может стать фундаментом обретения Россией собственной пространственно-мифологической миссии и аутентичности, гарантией от поглощения ее более крупными и мощными цивилизациями или политическими образованиями¹⁵.

Стремление укрыться в «высоких широтах» в эпохи неустойчивого развития страны, находящейся на грани катастрофы, отмечалось в истории России с начала ее возникновения как государства. Иван Грозный в самые опасные периоды своего царствования был охвачен идеей перенесения столицы Руси на северные рубежи – в Вологду, и только случай заставил его отказаться от своей затеи¹⁶. Принимая во внимание особую историософскую значимость концепта столицы для российского государства (Московская Русь, Петровская Россия), следует считать замыслы первого русского царя симптоматичными. Смена местоположения главного города

предстает как территориальное оформление разрыва с прошлым: «Москве Грозный противопоставляет Александровскую слободу и Вологду. Первая – это личная резиденция царя... а вторая призвана быть столицей новой России. В Вологде царь строит Успенский собор (называемый также Софийским) по образцу московского, который в свою очередь через владимирский Успенский собор преемственно связан с киевской Софией»¹⁷.

Северное направление привлекательно и тем, что оно единственное открывает прямой выход к морю. Старая геополитическая дихотомия «морских» и «континентальных» государств исторически постоянно оказывала давление на политические стратегии страны. Стремление выйти к морю было неистребимым лейтмотивом политики всех российских царствований. «Прорубить окно в Европу» через Балтику, «омыть сапоги в Индийском океане» – все эти политические стремления и мифы были порождены логикой развития европейского капитала, согласно которой в основе успешного развития лежат коммуникации. Самыми выгодными естественными мировыми путями всегда признавались моря. Более того, море связывалось с образом «колыбели цивилизации», а потому принадлежность к нему создавала алиби цивилизованности, что само по себе уже стало признаком прогресса и восхождения по мировой лестнице позитивной самооценки нации. Единственным морским пространством, которое принадлежало России изначально, неоспоримо, «по праву первородства», был, очевидно, Северный Ледовитый океан. Его геополитический смысл рано или поздно должен был проявить себя в качестве опоры для построения Россией собственной цивилизационной идентичности.

Сегодня говорят о конце проекта модерн и переходе к новому, который можно было бы назвать спационалистским или геоспационалистским (от space – пространство). Специально подчеркивается, что речь не идет о традиционном географически понимаемом пространстве эпохи модерна, когда авторов интересовали его экономические, политические и социальные атрибуты¹⁸.

Новый спационалистский подход, в частности, мотивирован идеями М.Фуко. В середине 80-х гг. прошлого века появилась его работа «Другие пространства», в которой он рассуждает по поводу понятия «гетеротопия», ставшего ныне очень популярным. Оно, правда, не получило однозначной интерпретации и понимается

по-разному различными авторами, исходя из их методологических установок и разнообразия решаемых теоретических проблем. Это связано с тем, что сама статья представляет собой лишь предварительный набросок, очерк, задающий возможное направление исследовательской мысли¹⁹.

Не отрекаясь от концепта времени, не отказываясь от истории как великой и даже «навязчивой» идеи европейской мысли последних веков, мысли «благочестивых потомков времени», философия политики предлагает анализировать современную эпоху через призму пространства. Сегодня мир воспринимается не как «великая жизнь, проходящая сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собой точки и перекрещивающая нити своего клубка», пишет М.Фуко²⁰. Отношение к пространству, указывает он, менялось исторически. В Средние века главной категорией анализа была локализация, после открытия Галилея ее заменила протяженность. В XX в. настала пора заинтересоваться «местоположениями», и среди них такими, которые так соотносятся с другими пространствами, что фактически противоречат им, выпадают из общей однородности. Фуко называет их гетеротопиями. Он анализирует образцы «других пространств»-гетеротопий внутри западноевропейской культуры. Таковы, например, пространства музея или библиотеки, которые накапливают время. Его интересуют такие «гетеротопии», как больницы, кладбища, публичные дома, курорты, и т. п., которые контрастируют с остальными возможными местоположениями и в которых возможны социальные отношения и модели поведения, исключенные из нормального порядка повседневной жизни. Фуко акцентирует прежде всего структуралистский аспект исследования, гетеротопия представляет собой особого рода пространственно-временное единство, связанное с анализом субъективности.

Расширение современного инструментария для анализа приводит к тому, что в разряд «других пространств-гетеротопий» попадают свободные экономические зоны; площади городов, бурлящие манифестациями, бунтами и бескровными революциями; участки, захваченные повстанцами; сквоты анархистов и экологические поселения. Применительно к российскому пространству идеи Фуко расцениваются в проекции переноса акцента на локальные объекты. Однако преимущественное внимание к «локусам» имеет по-

бочный эффект упразднения идеи общего пространства, которое благодаря утрате адекватного ему типа власти и развития сегодня и без того плохо связано. Нет артикулированных общих принципов и идеала устройства пространства в целом. Более того, отдельные окраинные регионы включаются в различные подсистемы и макро-регионы мировой экономики, еще более растягивая пространство. Усиливается тенденция «обкальвания» российских окраин из-за тяготения отдаленных территорий к экономически более развитым зарубежным районам. И в дополнение ко всему этому формируется устойчивая когнитивная рамка отношения к пространству как исключительно региональному феномену.

Некоторые авторы, впрочем, предлагают расширить горизонт обзора «других пространств» до политических перспектив и признать гетеротопию в качестве теоретического инструментария геополитики. В таком случае гетеротопиями могут выглядеть такие государства с проблемным суверенитетом, как Косово, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия и другие, которые настаивают на важности своих культурных, религиозных и традиционных факторов²¹.

Исходя из подобных общетеоретических положений, Россия в целом, в со-пространстве с Европой, есть огромная гетеротопия, «другое пространство», «другая Европа», «вторая Европа», «сверхъЕвропа», «левая сверхъЕвропа». Успешно или нет, но она реализовала утопию антикапитализма, которая по замыслу была обратной аналогией капитализму, его системным антиподом²². Именно советский опыт выявил по контрасту «слабые места» капиталистического мироустройства и позволил ему позитивно эволюционировать. Таким образом, понятие «другое пространство» позволяет уравнивать шансы на цивилизованность и на важность в мировой истории любого региона мира, будь только на то политическая воля этого конкретного «локуса».

«Море» против «суши» – «текучая современность» против твердых тел

Давно существующую и всем известную геополитическую концепцию противопоставления цивилизаций «морья» цивилизациям «суши», морских держав континентальным в последнее

время нередко предлагают рассматривать не более чем метафору. Слишком уж красочно она выглядит, и на удивление ладно встраиваются в эту концепцию исторические события, по-другому трудно и сложно объяснимые. Словом, возникают сомнения: а не миф ли это, не сказочная ли интерпретация серьезных фактов, непригодная для строгого анализа.

Опасения такого рода, однако, начинают выглядеть напрасными с появлением новой работы крупного английского социолога З.Баумана «Текущая современность»²³. Ученый констатирует изменение качества европейской цивилизации, которая сегодня переходит на новый уровень развития, уже не поддающийся описанию в известных категориях постмодерна, информационного и сетевого общества. Новое состояние общества он трактует как переход от мира плотного, обремененного множеством условий и обязательств, к пластичному, лишенному барьеров и границ, который знаменует собой превращение «тяжелой» современности в «легкую». И это требует переосмысления всех параметров существования индивида и социума. Центральными категориями исследования, несмотря на многообразие аспектов, выступают время и пространство.

В современной литературе по изучению западной и восточной, в частности, российской истории неоднократно утверждалось, что время есть главный атрибут европейского модерна. Европейская цивилизация даже определялась как «цивилизация времени» в отличие от российской цивилизации, которая считается «цивилизацией пространства»²⁴.

В своих рассуждениях английский социолог несколько не противоречит этому дуализму. Он также отмечает, что история времени началась с современности и что «современность, помимо всего прочего, возможно, даже в большей степени, чем все прочее, является историей времени»²⁵. Главным принципом существования европейской цивилизации М.Вебер назвал «инструментальную рациональность». В полном соответствии с этим принципом и благодаря техническому прогрессу в области средств передвижения, отмечает З.Бауман, время стало использоваться как инструмент для преодоления сопротивления пространства, как «оружие» по его покорению.

Главной метафорой, позволяющей наилучшим образом постичь характер настоящего этапа в истории современности, следует считать «текучесть» или «жидкое состояние». Но для жидкостей имеет значение прежде всего время²⁶. Таким образом, цивилизация Моря, развивая свои сильные стороны – способность легко перемещаться, огибать, просачиваться и затоплять «твердые тела»²⁷ (сушу, цивилизацию пространства) – наследует прежнюю схему отношений. Представленные стратегии «текучей современности» по затоплению «твердых тел» замечательно переключаются с классическими схемами действия «морских держав» в теории геополитики.

Изначальный антагонизм земли и моря был замечен с давних пор, и еще в конце XIX в. имевшуюся тогда напряженность в отношениях между Россией и Англией любили изображать в виде битвы медведя с китом. Кит обозначал огромную мифическую рыбу, Левиафана, медведь – одного из многих представителей наземных животных. Согласно средневековым толкованиям, всемирная история суть не что иное, как борьба между могущественным китом, Левиафаном, и столь же сильным наземным животным Бегемотом. Бегемот старается разорвать Левиафана своими рогами и зубами, Левиафан же стремится зажать своими плавниками пасть и нос Бегемота, чтобы тот не смог есть и дышать. Это предельно наглядное, какое только позволяет дать миф, изображение блокады континентальной державы морской державой, которая закрывает все морские подходы к суше, чтобы вызвать голод, пишет К.Шмитт²⁸.

Качественный сдвиг, произошедший в эпоху «текучей модерности», изменил тактику действия, но не самую суть противостояния. В мире «программного обеспечения», когда перемещения осуществляются со скоростью света, пространство может быть пересечено буквально за «нулевое время»²⁹. Власть становится поистине экстерриториальной. Тяжелая современность была эрой прямых территориальных завоеваний. Она требовала неприступных стен, охраны границ и сохранения тайн местоположения. Новая техника власти использует в качестве своих главных инструментов свободу и искусство ускользания. Для новых властителей-кочевников, от которых зависит судьба менее подвижных партнеров в отношениях, важно в любой момент ока-

заться за пределами досягаемости. «В “жидкой” современности правят те, кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения»³⁰.

Однако обесценивание пространства вовсе не означает прекращение войны миров. Чтобы власть была текучей, необходимо освободить мир от заборов, барьеров, укрепленных границ и контрольно-пропускных пунктов. Все препятствия, основанные на территориальном принципе, нужно убрать с пути. В новом типе войны в эру текучей современности на карту ставится не завоевание территории, а сокрушение стен, препятствующих потоку новых, текучих сил. Прототипом новой тактики стал принцип «нападай и убегай». Этот новый способ реализации власти был ярко проиллюстрирован во время войн в Персидском заливе и в Югославии. «Удары, нанесенные самолетами-невидимками и “умными” самоуправляющимися и самонаводящимися на цель ракетами – неожиданно прилетевшими ниоткуда и немедленно исчезнувшими из вида, – заменяли территориальное продвижение отрядов пехоты и попытки вытеснить врага с его территории»³¹.

Таким образом, очевидно, что в условиях «легкой» современности ведущими категориями анализа продолжают оставаться пространство и время. Однако новый этап в жизни человечества знаменуется вовсе не синтезом и добродетельным сотрудничеством «цивилизации времени» и «цивилизации пространства». Противостояние не только продолжается, оно приобретает новые качественные особенности, рожденные новым технологическим укладом современности и новыми, неизвестными ранее возможностями, с ним связанными.

Изменилась тактика действия, но не самая суть противостояния. Вместо примитивного захвата территории, практиковавшегося в прежние годы, ныне достаточно всего лишь выбить из головы врага желание устанавливать собственные правила. Таким образом «невоенная» по видимости власть получает возможность раскрыть для своих действий недоступное доселе пространство.

Все это нисколько не умаляет фактической преемственности современных тактик «текучей современности» относительно «твердых тел». В прежнем – «морском» и «земном» – языковом контексте внутриматериковое пространство также осмысливалось по-разному. Для «детей моря» оно было «hinterland», «внутренняя

земля», для «детей суши» – «heartland», «сердце земли». Первые рассматривают сушу всего лишь как береговую линию, которая ограничивает родное для них морское пространство, *плюс* «хинтерланд» как придаток к береговой линии и как еще **незахваченную** территорию. «Английский мир, – писал К.Шмитт, – мыслил морскими базами и линиями коммуникаций. То, что было для других народов почвой и родиной, казалось этому миру простым хинтерландом, незахваченной территорией. Слово континентальный приобрело дополнительное значение отсталости, а население континента стало “backward people”, отсталым народом»³². Земля с этой точки зрения есть всего лишь скопище предметов, выброшенных морским прибоем на берег (бесхозных предметов, которые ждут своего хозяина).

С точки зрения сухопутно мыслящего человека внутренняя часть материка, «хартленд», напротив, есть самое важное – «сердце» его существования. Она есть то главное, что находится за его спиной, что поддерживает его и что он обязан защитить, **отстоять, удержать** даже ценой жизни. Там его дом, родители, дети. Там его прошлое, настоящее и будущее. Там его родина, отечество, «сердцевина», цель и смысл его бытия. Два разных взгляда, две различных стихии, два темперамента, предопределяющие особенные варианты исторической жизни и исторических свершений. Тактика эпохи «текучей современности» стремится размыть это противостояние, нивелировать разницу «характеров» путем простого действия – установления единых для всех правил, оригинальное издание которых находится в одном центре мира.

И все же, несмотря на особое внимание к идее пространства, в связке «пространство-время» западное мышление отдает приоритет второму, делая его инструментом, «пожирающим пространство». Современная революция в средствах коммуникаций – последний штрих европейской исторической ставки на ускорение, которая на деле превращается в завоевание пространства, его покорение одним властителем, правда, новыми средствами. В связи с этим уместно будет вспомнить об особой роли России, призванной выполнять свою глобальную миссию, проистекающую именно из ее естественного приоритетного масштабного пространственного качества. Как справедливо замечает А.И.Фурсов, главное богатство России, ее геоисторический капитал, который она в нужные

моменты бросала в качестве сверхтяжелой гири на Весы Истории, всегда было именно пространство³³. Свойства пространства в отношении времени проявляются прежде всего в том, что оно склонно нейтрализовать воздействие времени, эффективно сопротивляться его ходу или делать его нерелевантным.

Последний тезис, кстати, был высказан З.Бауманом, но на практике неоднократно апробирован нашей страной. Все великие войны Запада против России от Наполеона до Гитлера планировались как блицкриг. Ответом была тактика затягивания, снижения импульса быстрого наступления методом «заманивания» вглубь территории, где постепенно затухали все порывы и делались расплывчатыми и неэффективными «ускорительные» стратегии. Глубоко осознавая преимущество российского огромного пространства, О.Шпенглер остерегал в свое время немецких лидеров от вторжения в Россию именно на основе таких аргументов. Такое государство невозможно победить, отмечал он, ибо народ будет уходить в бескрайнюю глубь собственных территорий. «Население этой огромнейшей на Земле континентальной страны недосягаемо для внешних нападений, – писал он в 1933 г. – Удаленность есть сила, которая политическими и военными средствами еще никогда не была преодолена... Что толку врагу от завоевания больших территорий? Чтобы сделать даже попытку такого завоевания бессмысленной, большевики переместили центр тяжести своей системы все дальше на Восток... Весь район западнее Москвы... представляет сегодня фантастический вал против “Европы” и может быть легко отдан, не приведя к крушению всей системы. Но поэтому любая мысль о нападении с запада стала совершенно бессмысленной. Она наткнулась бы на пустое пространство»³⁴. Россия, таким образом, оказывается ныне единственной страной, обладающей классическими преимуществами физически «пустого» пространства, которое использовалось в истории мировых противостояний народов как аргумент против иноземных вторжений. «Глубина» территории превращает линейные границы в «полосы», растягивает их, делает более прочными и протяженными. Но такое положение дел входит в противоречие с главным кредо современного мира, в который вброшен лозунг – «мир без границ». Россия как «цивилизация пространства» по сути выполняет великую функцию противостояния новой тенденции мирового бытия.

Параметры новой «текучей» современности совпадают с главной идеей глобализации – «мира без границ». Сегодня глобализация видит свою главную цель в упразднении границ и рекламирует себя как великое благо для человечества именно как способ сделать это. Однако в реальности мир от этого не становится безопаснее, ибо смысл глобализации вовсе не в достижении мирного сосуществования, а в унификации пространства, которое должно стать легкой добычей «повелителя времени». Именно снятие всех барьеров и препятствий дает возможность свободному продвижению «текучей современности», которая есть продвижение на мировой карте без границ общих и единых для всех правил игры. Вопрос в том, кто эти правила устанавливает и кто выигрывает в такой игре.

Этот вопрос приобретает ныне особую актуальность, ибо некогда сформулированный девиз глобализации как «мира без границ» после 11 сентября трансформируется на наших глазах в реальную «войну без границ». Совершенно очевидно, что мир и человечество подошли к той роковой точке, когда необходимо искать реальные пути противостояния глобальной стратегии нового гегемона и диктатора современности. И России в решении этой проблемы отведена далеко не последняя роль. Именно на такой поворот в развитии мировых событий указывает известный американский исследователь цивилизаций С.Хантингтон, когда пишет: «Коллапс марксизма в Советском Союзе и его последующая реформа в Китае и Вьетнаме не означают, однако, что эти общества способны лишь импортировать идеологию западной либеральной демократии. Жители Запада, которые так считают, скорее всего, будут удивлены творческой силой, гибкостью и своеобразием незападных культур»³⁵.

Перед Россией стоит задача дать достойный «идейный» ответ Западу. Точкой опоры для такого «мирного мирового» переворота может и должно стать осознание себя как «северной» страны, тящее в себе неразгаданную мощь спасительного гиперборейского мифа. «Возвращение к истокам» с неизбежностью приведет к доформлению качественно иной по отношению к Западу русской цивилизации. Как справедливо заметил американский ученый, «на протяжении четырехсот лет отношения между цивилизациями заключались в подчинении других обществ западной цивилизации»,

и «лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять бешеной атаке Запада и поддерживать самодостаточное независимое существование»³⁶.

В этом отношении северный вектор развития России, хотя бы и виртуальный, таит в себе сразу несколько преимуществ. Во-первых, он дает возможность полномасштабного обзора горизонтально растянутого географического пространства новой России. Северная точка отсчета идеальна для визирного луча северного прожектора, охватывающего из этой позиции территорию в ее целостности.

Во-вторых, он позволяет России осознать себя как качественно «другое пространство». Это создает так необходимую нам сегодня точку опоры для нового российского самостояния. Одновременно северный «архетип» может стать стартовой чертой для созидания ее нового истинного **духовно-имперского** бытия, тогда мир в целом обретает шанс вернуться в равновесно-устойчивое состояние и реализовать подлинную многополярность с перспективой появления двух и более центров.

Наконец, восстановление идейного фундамента эволюции России закладывает условия для переосмысления идеологически «нагруженной» валлерстайновской формулы глобального «миросистемного» развития. Вместо претенциозного наступления «добрый» «мир-экономики» на «злую» «мир-империю» вырисовываются контуры противостояния «мир-идеи» «мир-капиталу».

Логика капитализации пространства в западной цивилизации

Для европейской цивилизации идея «простиранья», т. е. пространства всегда была материей, находящейся вне ее территориальных пределов. Внутренние земли были настолько плотно населены и хозяйственно освоены, «капитализированы», что о самостоятельной сущности идеи пространства как имманентного фактора развития говорить не приходится. Именно поэтому, когда речь идет о пространственном векторе эволюции в применении к западной цивилизации, то на практике имеется в виду колонизация новых земель. Инструментом последней выступает время, преобразованное в материализованный труд – капитал, позднее в виртуальную

его разновидность – финансы, финансовый капитал. В соответствии с этой категорией происходит инвентаризация «освоенных» регионов. Так, классические европейские исследования выделяют три географических региона по оси Запад – Восток, соответствующие трем типам модернизации. Увиденные через призму «капитала», который есть одновременно синоним «свободы вообще» и «свободы предпринимательства и свободы рынка» в частности, они обозначаются соответственно как «капитализированный», «смешанный» и «принудительный» типы модернизации³⁷.

Зона формирования городов-государств, некогда расположенная в центре Европы, прародина современного европейского капитализма, рассматривается как область преимущественно «капитализированного» развития. Восточный ареал, к которому относят Россию, характеризуется очень слабой капитализацией, а значит, по логике «капиталоемкости» в нем возможна только «принудительная» модернизация. Регионы, расположенные между Центральной Европой и Россией, относят к «смешанному» типу. Следует отдавать себе ясный отчет, что идеологическая «нагрузка» термина «принудительная модернизация» по отношению к России логически вытекает из самой стратегии романо-германской Европы как родины либеральной цивилизации по отношению к землям, идущим по стопам мир-экономики Запада. Это не столько «ругательный» эпитет для России, сколько отражение западного мышления, которое заранее видит эти территории как внешние аграрно-сырьевые провинции.

Фактор «капитала» как фундаментальной идеи модернизации порождает соответствующую стратегию и тактику поведения. На практике речь идет об использовании новых регионов для жизнеобеспечения центра – европейской цивилизации. Для этого вовсе не обязательно добиваться реального территориального присоединения–завоевания данных пространств, достаточно посылать в них управленческие импульсы, эффективным средством для которых является та или иная денежная масса. Понятно, что исполнение указанной задачи сильно упрощается с разворачиванием процессов глобализации, дарующей новые технологические средства скоростной реализации воздействия на новые «заморские» территории. При этом важно проникновение внутрь других стран на уровне модели управления, единая матрица которой и внедряется в них под знаком «эффективности».

Именно так поступают сегодня США, которые выработали конкретную политическую стратегию по «перестройке» других государств, облеченную в форму помощи по «транспортировке своего институционального потенциала» «странам-неудачникам»³⁸. Конгресс США ежегодно рассматривает все новые и новые программы финансовых затрат на политику формирования в подобных ареалах «эффективно действующих правительств». Как свидетельствует Ф.Фукуяма в одной из своих последних работ «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке», на деле американская политика навязчивой передачи «институциональных навыков» другим странам привела к тому, что в них фактически был разрушен весь местный институциональный организационный потенциал.

Американская политика, декларирующая стремление «восполнить недостаток административного элемента» других стран, по факту содержит в себе искус именно такого административного добавления последних к своей империи³⁹. В связи с этим пересматриваются прежние основания международного права. Заявляется, что отныне суверенитет и легитимность не могут автоматически дароваться тем, кто де-факто находится у власти в стране. Объявляется, что внешние силы, действующие на основе соблюдения прав человека и демократической легитимности, имеют право и обязаны вмешиваться во внутреннюю жизнь «слабых стран», стран-реципиентов, с целью реконструкции местной институциональной инфраструктуры. Допускается периодическое нарушение суверенитета других государств и принятие Соединенными Штатами на себя руководства ими⁴⁰. Такова логика развития «цивилизации времени».

Что касается «цивилизации пространства», в частности российской, то здесь можно говорить о пространстве как самодовлеющей сущности. Именно оно и его поверхностные и внутренние богатства составляют главный «капитал» нашей страны. Исследователь «капитализированного развития» Чарльз Тилли упоминает о том, что исторически в России главным средством вознаграждения были участки территории, земли, которыми цари награждали своих холопов за верную службу⁴¹. Таким образом, сформировался особый тип властвования – тесная связь между монархом и его подданными, крепкая властная вертикаль. Главная функция

власти в «пространственной цивилизации» состоит в стремлении организовать подвластную территорию как единое целое и обеспечить эффективный контроль над ним. Чтобы создать органическое единство, нужен объединяющий проект, а значит, некая общая идея существования, идея общего блага.

Пространство и «общее благо»

Современное состояние западной цивилизации как итог многовекового развертывания детерминанты «времени» позволяет четче увидеть и осознать существенные моменты «цивилизации пространства». Сегодня эволюция «цивилизации времени» с ее малоземельем, теснотой и скученностью разворачивается в направлении наращивания разного рода виртуальных разновидностей пространства, «квазипространств», заместителей классических вариантов общего пространства. Нарастает кризис «общественного пространства», его патология⁴². Это проявляется в падении значимости и в усилении скепсиса по отношению к «общему благу», «общему интересу», «общему делу», «хорошему обществу», «справедливому обществу». Причина кроется в коррозии и постепенном распаде самой идеи гражданства, что стало оборотной стороной индивидуализации, столь желанной и перспективной для глобализации, проявлением естественной логики ее развития. Ведь гражданин – это человек, который видит возможность достижения своего благополучия через благополучие сообщества в целом.

Концепция общего блага претерпела длительную эволюцию, в XX в. оно было ограничено понятием «общественного блага». Соответственно, постепенно менялся смысл общественного пространства как места встречи для разрешения общественных проблем. Общение как «агора», «общее собрание» постепенно исчезло из жизни социума. Перерождаясь под давлением частных забот, «общественные места» перестали быть теми, где рождалась коллективность. Они стали «пространствами вежливости», т. е. такими местами, где люди стараются максимально не мешать друг другу, ограждать других от бремени самого себя.

Сегодня социальное пространство все более сводится к потребительскому. Фактическое сведение всей жизнедеятельности человека до утилитарной функции делает главной разновидностью объединя-

ющего пространства «храмы потребления». Но заполняющие их толпы являются «скоплением, а не собранием; наборами, а не группами; совокупностями, а не единым целым. Сколь бы переполненными они ни были, в местах коллективного потребления, нет ничего “коллективного”»⁴³. Такие потребительские пространства дают ложное чувство утешения, что индивид является частью сообщества.

В мире компьютерных технологий размывается прежнее понимание единства общества, оно все более сводится к «подключению к сети». При этом мотивы взаимодействия людей друг с другом далеки от стремления договориться о значении общего блага. В большинстве случаев общение ограничивается обменом советами и психоневрологической разгрузкой. «...Это “сообщества-вешалки”, кратковременные собрания вокруг гвоздя, на который многие одинокие люди вешают свои индивидуальные страхи»⁴⁴.

Первопричина кризиса общего пространства восходит к «истощению идеала общей судьбы»⁴⁵, замене его понятием идентичности, которая в конечном счете предполагает поиск этнических ниш в обществе и мечту о территориальном отделении, о праве на отдельное якобы «защищенное пространство». Идентичность призвана заместить нацию, для которой первичными и естественными целями было формирование единства, солидарности и братства – качеств, которые провозглашались в эпоху расцвета идеи государства-нации. Но именно эту последнюю призвана преодолеть и превзойти идея глобализации. Она должна вызвать к жизни новое качество – новое общее пространство. И оно, если верить исследованиям, уже существует. Внимательное изучение его характеристик, однако, вызывает большие сомнения относительно торжества идей добра и справедливости в рамках этого нового пространства и относительно его способности реализовать наконец давнюю мечту человечества о «вечном мире» на земле.

Сегодня Россия, перенимая западные модели, вбирает все негативные издержки вырождения идеи «общего блага» и «общего интереса». Помимо указанных аналогий, можно отметить принцип избирательного доступа к пространствам, который прекрасно реализовался в зонах особого «жизненного пространства» российского элиты, «антигетто» российского «гламура». К последствиям заимствованного «кризиса единения» следует отнести насто-

женное и враждебное отношение к «чужакам», «другим» и, как следствие, многочисленные стремления разделить страну на этнически однородные «квартиры», попытки территориального раздробления общего тела России.

Однако исходные условия и параметры существования российской телесности иные, нежели на Западе. Для нас первостепенными были и остаются мотивы «общей судьбы», специфические для российского восприятия солидарности, которые на протяжении всей ее истории способствовали формированию атмосферы органического единства, целостности общества. «Без *общего интереса*, без *всеобщей* (т. е. *всем общей*) цели, без *солидарности* государство не может существовать»⁴⁶, – писал И.А.Ильин. Солидарное чувство в обществе вырастает из самой сути общежительности – из чувства «общего достояния», которое связывает всех между собой. Люди проникаются ощущением своей общности, глубоко осознают это как чувство необходимости друг в друге, что в историческом времени рождает настроение связанности общей духовной судьбой. Образуется специфическое состояние общества, которое И.А.Ильин обозначает как «некую великую *совместимость*»⁴⁷. Из рационализации этих эмоций складывается правосознание. И.А.Ильин описывает это так: «...От каждого идет нить отношений к каждому другому и, кроме того, – нить отношения к нашему общему достоянию. Мы, что называется, *со-отнесены* друг с другом – мы связаны *коррелятивностью*. ...Мы есмы *одно*. Мы – *единая духовная и правовая община, управляющаяся единой верховной властью и связанная единством жизни, творчества и исторической судьбы*. Мы – государство»⁴⁸.

Сегодня, несмотря даже на копирование западной модели развития, важными остаются общественные пространства, играющие роль места общения, функцию «агоры». Об этом свидетельствуют недавние сходки людей на площадях, которые, хотя и начались под предвыборными лозунгами, в реальности были «коллективными» действиями, нацеленными на поиск решений в сфере «общих интересов» и «общего блага». Они перекликаются с исторически сложившимися практиками и стремлениями к «общему делу» и «коллективизму», рожденными особой ролью большого пространства в жизни народа и истории страны.

Мотивы «общей судьбы» для России по-прежнему очень важны, особенно если принять во внимание катастрофичность как логику ее развития. Давно замечено, что страна испытывает периоды подъема коллективности, сплоченности, в том числе народа и власти, в периоды «отечественных» войн, когда возникает угроза всему государственному бытию в целом. И это вполне ясно, ибо тогда решается судьба страны, государства, народа. Потому и все повороты российской истории определяются эпитетом «судьбоносный».

Контроль пространства требует создания определенной структуры властвования. Особенности российского пространства (обширность, труднодоступность, малая капитализация, низкая масса прибавочного продукта) привели к формированию совершенно особого типа власти, не имеющего аналогов в мире, который обозначается в числе прочих эпитетов как «сверхсубъектность»⁴⁹.

Одним из исторически сложившихся качеств этого типа власти является ее «блюстительный» надзорный характер, выводящий ее за пределы не только трех ветвей власти и, соответственно, их конкретных функций, но налагающий на нее ответственность за сохранение баланса власти и общества в целом. Моральная коннотация такой ответственности повышает значимость «общего блага» в структуре общих национальных ценностей.

Более того, возникает тесная корреляция большого единого пространства и «общего блага» народа. Все периоды модернизационного подъема страны отмечены мощным ростом энергетики совокупной человеческой массы, которая только и способна реализовать «прорывные» проекты российской истории. Власть как «моносубъект» выдвигает идею-проект. Народ, мобилизованный добровольно (партизанское сопротивление) или принудительно (великие петровские и сталинские стройки), осуществляет марш-бросок истории. С другой стороны, прорыв становится успешным только тогда, когда все огромное пространство и его богатства «работают» на народ в целом в прямом смысле или косвенно: укрывают и спасают от врага через уход экономики, людей в глубины территории.

В российской диалектике властвования исторически повторяется конфликт между моновластью и «элитой», управляющим или стремящимся к управлению слоем. Последний имел вид боярства, дворянства, чиновнической бюрократии. Противостояние, перехо-

дя из Московского царства в Петровское, советскую эпоху и пост-советскую, всегда заканчивалось смутой или революцией. Преодоление кризиса всегда совершалось на пути прямого обращения верховной власти к народу. Народ спасал власть, власть находила опору и поддержку в массе. Важность такого «спрямления» связи власти и народа соответственно повышала значимость «общего блага», идеи «общей судьбы» для «общего пространства», именуемого Россией.

Трансформация идеи общего блага

Для мира, базовыми элементами которого безоговорочно признавались национальные государства, обладавшие безусловным суверенитетом, значимость идеи общего блага для единства нации полагалась аксиоматической. Общее благо – это высшая цель развития государства, то, ради чего государство создается. Определение государства как общины, организованного ради общего блага, данное в свое время Аристотелем, считается в политической философии до сих пор бесспорным. Однако постулат о том, что общая цель объединяет, в современном плюральном и даже мозаичном обществе теряет свою твердость.

Существует, правда, аксиологическое измерение общего блага, которое могло бы дать дополнительную скрепу для объединения общества на уровне ценностей. В самом деле, общее благо признается высшей ценностью, эталоном, с которым соизмеряются все другие ценности. Это – финальная ценность, по отношению к которой такие понятия, как свобода, равенство, закон и др. – не более чем субценности, служащие для его достижения. Однако и эта идея в обществах Нового времени оказывается поколебленной. Дело в том, что возрастает операционная значимость идеи права, которая фактически вытесняет идею общего блага.

У философии истории есть, правда, еще один аргумент, который способствовал становлению идеи общего блага в политике. Он имеет прямое отношение к территории. Исторически завоевание новых территорий далеко не сразу стало важным фактором, свидетельствующим о мощи государства. Территориальные завоевания в Древнем мире рассматривались более с точки зрения

грабежа добычи или поставки рабов, а не сами по себе. Присоединение новых земель в смысле приращения территории страны первоначально не имело практического значения. Территориальный фактор стал важным, когда начался процесс образования наций-государств. Главными аргументами стали следующие. Постоянство пребывания на одной и той же территории способствует развитию национальных склонностей и в дальнейшем консолидации сообщества. Территория есть одновременно защита народа. Кроме того, она превращается в символ нации и становится средством отстаивания национальной идеи. Таким образом, с того момента, когда территория перестает быть исключительно источником награбленной добычи любого рода, когда роль власти переходит от личного господства к управлению общей деятельностью группы, территория становится «инструментом необходимого авторитета для достижения Общего Блага... С этого момента политика развития физического объединения имеет не только экономический смысл. Она дает духовное единство сообществу. Через определение территориальных рамок руководители переводят национальное чувство в план конкретных реальностей»⁵⁰.

Приоритетность до сих пор существовавшей идеи общего блага была справедлива при условии, когда государство признавалось высшей формой социальной организации. Однако именно этот статус государства в современном мире пошатнулся. И здесь два главных тренда. Первый – это логика развития политического либерализма, второй – глобализация. Политический либерализм подрывает государство «снизу», глобализация наступает на государство «сверху». Знаменательно, что обе тенденции ставят одновременно вопрос о пересмотре концепции общего блага.

Логика развития политического либерализма такова, что мощная экономическая составляющая, которая в нем первенствует, фактически подменяет понятие общего блага понятием общего интереса – экономическим по сути. Наследуя римскую традицию, западное общество интерпретирует общее благо, во-первых, как вещи, а во-вторых, как вещи, которые принадлежат всем. И здесь заложен алгоритм эволюции идеи общего блага в европейском сознании. Суть его в том, что метафизическая интерпретация его как высшего предельного понятия заменяется материальным понятием публичных благ.

Истоки процесса восходят к базовым понятиям римского права: *res publica* в буквальном переводе и означает «общая вещь». Римское право различает различные вещи: сакральные, которые принадлежат богам; публичные, которые принадлежат государству или в античной традиции городу; общие, такие как, например, море; частные, которые принадлежат людям⁵¹. Из этой классификации ясно, что государству в европейской традиции соответствует фактически публичное благо. Недаром лоном развития западной цивилизации признается город – «полис». Именно ему как фундаментальному истоку капиталистического бытия и гражданского состояния европейцев посвящено одно из центральных произведений М.Вебера под одноименным названием. «Общественное благо» в таком случае видится как логически закономерный итог развития западного мира.

Политический либерализм базируется на философском, который еще более проясняет тренд «снижения» метафизического накала в интерпретации «общего блага». Существует культ индивида. В соответствии с его постулатами не индивидуальное «Я» ориентировано на конечные высшие цели, а само это «Я» определяет цели по своему произволу. Философский либерализм, таким образом, делает из индивида высшую инстанцию, которая устанавливает, что есть добро и зло.

Индивидуализм не ориентирован на конечные, финальные цели и ценности. Поскольку благо определяется исключительно индивидуальным выбором, то и кредо либерализма соответствующее. Оно звучит так: «Государство должно позволять каждому индивиду определять свою собственную концепцию блага»⁵². И далее: «Государство должно быть нейтрально, т. е. оно не оказывает предпочтения никакой частной концепции блага»⁵³. Крайности такой позиции верно отметил выдающийся русский мыслитель, идеолог «творческого традиционализма» Л.А.Тихомиров: «У людей изолированных не может быть государственных интересов, таким людям государство не нужно и составляло бы для них лишь бесполезное иго»⁵⁴.

Но тогда встает вопрос, способна ли эта модель гарантировать существование самого этого общества. Может ли такое государство найти в самом себе необходимые мотивации для того, чтобы его граждане не только пользовались своими свободами и права-

ми, но были готовы в случае необходимости на жертвы ради их защиты? Ставится под сомнение само пребывание данного сообщества в мире, существующем под знаком конфликтных интересов.

К тому же подрывается фундамент легитимности власти в глазах граждан, ибо ее нравственное оправдание только одно – когда она действует, исходя из общего блага и в интересах общего блага. Сам закон признается обществом, когда он основан на доводах справедливости. В этом сила закона. Если отходят от этого правила, власть и закон воспринимаются как насилие, власть вырождается в подавление. Возникает недоверие сначала к бюрократии, а затем к самому государству.

Экономическая сущность общего интереса в отличие от финальности идеи общего блага означает, что он складывается из выгод кооперации, совместных усилий. Но он же и ограничивается этими выгодами, не выходит за экономические рамки. Он не предусматривает такого этического понятия, как служение. Без идеи общего блага вырождается управляющая элита. Если эгоизм влияет на поведение простых людей, он также влияет на людей власти. Они используют свои властные полномочия в личных целях ради личного интереса, в интересах группы давления. А эти последние находятся под прессом экономического интереса, идеологии или мафиозной группы. Таким образом, когда нет служения пресловутому «общему благу», нет больше настоящего авторитета. Сами законы к тому же могут быть несправедливы, не уважать священные права человека.

Если политический либерализм размывает высшее предназначение государства и общего блага «снизу», от элемента общества, от его «атома», от индивида, то глобализация совершает тот же процесс «сверху». Она ставит под вопрос само существование традиционного государства. Но, что любопытно, одновременно переосмысливается понятие общего блага.

На первый взгляд значимость его возрастает – появляется термин «мировое общее благо». Однако указанная выше прочно сложившаяся традиция материалистической интерпретации общего блага плюс логика мирового масштаба глобализации приводят к тому, что в качестве общих благ называются следующие: вода, воздух, озоновый слой, источники энергии и т. д.⁵⁵, т. е. в первую очередь природные богатства планеты, в которых человечество испытывает дефицит. В соответствии с теорией они должны при-

надлежать всем, всему человечеству. Ибо, по определению, общее благо – это вещь, которая принадлежит всем. Этот последний постулат вполне четко объясняет известные современные претензии мирового сообщества в целом и наций-лидеров в частности на природные ресурсы других стран, которые должны быть переданы в ведение так называемых эффективных государств, поскольку последние имеют все шансы воспользоваться ими более рационально, нежели современные их обладатели.

Любопытна логика приводимой аргументации. П.Цукерман в статье с симптоматичным названием «Государство общего блага», помещенной в интернете под рубрикой «Будущее мировое общество», рассуждает так. Развитие человеческого общества шло от стада к племени и далее к тому, что можно назвать традиционным государством. Но негативные стороны социального развития привели к плохому управлению этими государствами. Чтобы исправить эту ситуацию, мы должны перейти от традиционного к «государству общего блага». Но распространение последнего в мировом масштабе требует того, чтобы этот процесс возглавило самое могущественное традиционное государство современности, Соединенные Штаты Америки, ибо само собой новое состояние не родится, а другого типа государств, кроме «традиционных», на данный момент нет.

Подчеркивается, что в основе новой американской международной политики должно лежать стремление ликвидировать плохое управление и сократить иностранный военный потенциал. Ибо слаборазвитые страны и страны с авторитарным и тоталитарным строем, имеющие мощные вооруженные силы, отвлекают ресурсы от их позитивного использования на благо человечества. Новая политика по созданию «мирового государства общего блага» получила название Большой Нравственной Стратегии. Ее целью должен стать новый мировой порядок, который и приведет к распространению по всему миру «государств общего блага», обеспечив тем самым дальнейший прогресс человечества⁵⁶.

Как замечают некоторые западные исследователи, декларируемая идея общего блага оказалась в резком противоречии с реальными результатами новой политики США после окончания «холодной войны». Один из выступающих на международной конференции «Общее благо как политический ответ глобализации»,

прошедшей в 2001 г. в Канаде, заметил, что военные интервенции последних лет приблизили мир вовсе не к трансгосударственному объединению на основе идеи общего блага, а к объединению государственных интересов вокруг идеи роста общих рисков⁵⁷.

Одновременно отмечается размытость современной трактовки «мирового общего блага», которая возрастает по мере победного шествия шестого технологического уклада, осваивающего новые технологии коммуникаций. В текстах так называемого «инновационного» направления под термином «мировое общее благо» подразумевается, например, интеллектуальная собственность, основанная главным образом на интернет-ресурсах⁵⁸. Эклектизм доходит до того, что к разновидности общего блага сегодня причисляют даже европейский синдикализм и европейское правительство⁵⁹. При такой интерпретации, кстати, становится понятной логика присвоения Нобелевской премии мира за 2012 г. Европейскому экономическому сообществу. Указанные прагматические ракурсы интерпретации подтверждают тезис о том, что высший предельный смысл общего блага в западной мысли основательно забыт.

Особенности российской интерпретации общего блага

Сегодня Россия произвела «трансляцию либерального проекта», и это, безусловно, ставит ее перед определенными обязательствами. Ведь если мы принимаем этот проект, то должны принимать выводы и следствия, которые из него вытекают. В частности, мы должны подчиниться требованиям «рационализации» использования наших природных ресурсов на благо «мирового сообщества», т. е. в первую очередь стран, которые его возглавляют. Или же предложить свой, иной проект, исходя из российской интерпретации общего блага, которая базируется на иных принципах.

В самом деле, если современная либеральная доктрина фактически отказалась от идеи общего блага как системообразующей для государства, то в истории русской мысли устойчива традиция возвышения, трансцендентализации этого понятия, желание придать ему смысл абсолютного, верховного качества. Существование государства на протяжении всей российской истории оправдывалось не общественным договором, а именно тем, что государство

рассматривалось как единственная инстанция, которая способна и должна стремиться к реализации общего блага. Здесь были единомыслители всех идеологических течений. Для либерально-консерватора П.Б.Струве служение общему благу синонимично служению «национальному духу»⁶⁰. Вл.Соловьев, известный своими европейскими симпатиями, считал, что только ориентация государства на исполнение высших духовных задач общества может действительно реализовать благо индивида. Первой ступенью «благого» состояния общества он называл экономическое общество, второй – политическое, третьей – духовное. Первые два он признавал неудовлетворительными для реализации воли человека к благу. Последнее, заключал он, «определяется такими началами, которые находятся за пределами как природного, так и человеческого мира, и только такое общество, которое основывается непосредственно на отношении к этим трансцендентным началам, может иметь своей прямой задачей благо человека в его целостности и абсолютности»⁶¹. Наконец, и российские либералы-западники, представители школы естественного права, такие как Б.А.Кистяковский, писали, что государство приобретает нравственный авторитет, действуя в соответствии с нравственным законом в интересах общего блага⁶². Сегодня эта ситуация, к сожалению, сохраняется лишь в той ее части, которая связана с требованиями общества по отношению к власти, призывами к ответственности власти. Важно, что такие запросы есть и становятся все настойчивее.

Понятно, что в такой ситуации не могло произойти замещения понятия общего блага сакрализацией закона. Это, очевидно, плохо с точки зрения выстраивания правового состояния общества. И это надо исправлять. Но, как во всякой плохой ситуации, здесь отыскивается плюс, а принимая во внимание современную новую апелляцию к общему благу, весьма существенный плюс. Нужно напомнить о том, что в отсутствие утилитарного правового механизма в российском обществе его компенсировал на протяжении всей истории такой специфический российский социальный феномен, как служение. А это явление высокоидейного, духовного, этического свойства. Служение непосредственно сопрягалось с понятием общего блага. Действительно, в условиях недооценки роли закона в общественном сознании служение было единственным подлинным инструментом реализации общего блага. Именно

в этих терминах интерпретировалась ответственность перед народом верховной власти, а также и других слоев общества. Идея служения воспринималась как высшее духовное призвание, причем не только «государевых слуг» по должности, но как неотъемлемый моральный долг всех и каждого⁶³.

Первенство в иерархии вознаграждений за служение, сопряженное с общим благом, отдавалось не материальным стимулам, не богатству, а позитивным и негативным нравственным и религиозным побуждениям. И.П.Тургенев, сибирский помещик и дворянин, член кружка известного писателя-просветителя Н.И.Новиков писал: «Существенное благо общества... зависит от прилежного и ревностного исполнения должностей общественных... Но какие суть сильнейшие побуждения к отправлению должностей гражданских..? Обогащение ли, доставляемое полезному члену общества? Отнюдь нет!.. Во главе всех побуждений к исполнению должностей должно считать... служение совестливое, служение не материальное, а, так сказать, духовное...»⁶⁴.

В российском контексте взгляд на служение непосредственно не соотносится с социальным статусом и функцией в административно-управленческой системе, как в западноевропейской мысли. Общепринятой делается мысль не столько о правовом его характере, сколько о служении «по глубоким духовным эмоциям, по чувству долга и любви»⁶⁵. При этом само «служение по праву» воспринимается как трансцендентно нравственное, как исторический аналог оформления нравственных начал. Государство, подчеркивает М.Волошин, строится отказом от личных страстей и инстинктов, т. е. самоотречением и самопожертвованием⁶⁶. Поддержание соответствующего нравственного уровня представителей власти требует, по мнению российских правоведов XX в., привлечения в политику «умственно и нравственно развитых личностей». Нравственный авторитет власти сопряжен с особым подбором людей, обладающих высокими духовными качествами, моральными приоритетами заботы об общем благе. Они должны быть привлекаемы «не шкурными своими интересами(!), а интересами общего блага», эмоционально заявил в своей речи на заседании I Государственной Думы профессор права Л.И.Петражицкий⁶⁷. Именно «служение» не позволяет русской философии «снизить» понимание общего блага до интерпрета-

ции его в прагматическом и утилитарном ключе и в конечном счете отождествить и заменить его понятием права, как это произошло в западноевропейской мысли.

Сегодня эта тенденция сохраняется, и основы ее продолжают воспроизводиться. Чтобы полнее ощутить разницу, расхождение, дистанцию между западной и российской интерпретацией, восприятием общего блага в коллективном сознании, следует упомянуть о том, что западный менталитет апеллирует к «здравому смыслу» (англ. Common sense), российское сознание тяготеет к «Правде», которая есть аналог и Справедливости, и Закона. Один из американских сайтов, именуемый «Общее благо» (common good; кстати, одно из значений good – товар, вещь), строит дискуссию о новом современном понимании общего блага вокруг идеи возрождения здравого смысла⁶⁸. Наши люди до сих пор острее всего реагируют на проявления несправедливости в обществе. Фактически именно под лозунгом справедливости, нарушения её в современном российском обществе прошла волна подъема гражданского самосознания в конце 2011–начале 2012 г.

Это говорит о том, что в России сохранился потенциал апелляции к высшим ценностям и прежде всего к общему благу как самоценности, как системообразующему принципу существования государства. А потому сегодня возможен и необходим возврат категории «общего блага» в научный дискурс и, что еще более важно, в дискуссионное поле общества, в общественную риторику.

Футурология новых пространств и «мирового общего блага»

Сегодня мы стоим на пороге открытия новых «ничейных пространств», которые представляют собой перспективу для грядущего мирового передела, а значит, присутствуем при появлении новой «географии»⁶⁹. Таким вновь появившимся пространством называют киберпространство как уже ставшую реальность, получившую наименование новой виртуальной Америки, которая ждет своей колонизации. История, однако, напоминает нам о том, что всякая новая «география», которая открывает новые «ничейные» земли, заканчивается разделом мира между самыми могуществен-

ными империями эпохи. И такой раздел не проходит бесследно для народов, населяющих «ничейные земли». Он определяет их судьбу на многие века вперед.

Эпоха великих географических открытий XV–XVI вв. открыла новые пространства, которые, будучи «ничейной землей», практически сразу были поделены между мировыми державами той эпохи – Испанией и Португалией. Поскольку открытое пространство было вполне материальным, такой же конкретной была и «мировая линия» раздела, которая проходила по меридиану, 1170 км западнее островов Зеленого Мыса. К западу от этой «глобальной линии» народы и земли принадлежали Испании, к востоку – Португалии. Это простое обстоятельство объясняет тот факт, что вся Латинская Америка в настоящее время говорит на испанском языке и лишь одна страна, Бразилия, на португальском.

То, что происходит на наших глазах, разворачивается в ином технологическом контексте, но смысл и последствия происходящего, несомненно, будут аналогичными, считает французский эксперт современных коммуникаций и руководитель Центра аудиовизуальных исследований Филипп Кео⁷⁰. Тем более, что киберпространство – это только первый этап новой информационной революции. Мы стоим на пороге открытия новых «ничейных пространств», которые образуются совокупностью наномира и нанокосмоса и представляют собой перспективу для грядущего мирового передела.

Фундамент новых пространств составляет совокупность инфо-, нано-, био- и когнитивных технологий, которые уже имеют свою аббревиатуру – БАНГ (биты-атомы-нейроны-гены). Это новое пространство, вероятно, выйдет далеко за пределы старой коммуникационной революции, опиравшейся на такие новации, как телефон, телевидение, информатика, кульминацией которой стало формирование современного киберпространства. БАНГ-технологии дают старт новой социетальной революции, последствия которой будут намного более впечатляющими, чем информационная революция. Что стоит одна только концепция «Homo sapiens, версия 2.0» на основе реинженерии человеческого тела и наномедицины!

И здесь, по мнению Филиппа Кео⁷¹, снова возникает проблема определения «мирового общего блага», поскольку сегодня не существует консенсуса между странами относительно того, ка-

кую концепцию развития считать универсальной – только лишь европейскую или некую иную, «мультикультурную». Во всяком случае, на сегодняшний день имеется много народов, которые все не готовы признать приоритет в этом отношении за европейскими ценностями.

Исторические аналогии, считает французский исследователь, говорят в пользу того, что нас ждут новые «огораживания» земель, появление новых мировых лидеров, которые овладеют новым мировым «публичным пространством» постиндустриального общества. Мы находимся в преддверии учреждения нового «номоса Земли», по знаменитому выражению Карла Шмитта⁷². И потому сегодня с новой силой встает вопрос: где пройдут новые мировые силовые разделительные линии нового мирового информационного порядка: по жесткому диску? По территориям? По законам? По генам? По умам?⁷³

К сожалению, современная реальность уже дает первые ответы на эти роковые вопросы, и ответы эти, увы, далеко не утешительны.

Реальность такова, что современные теоретические объяснения нового состояния глобального миропорядка трудно отличимы от доктринального оправдания нового мирового господства.

Сегодня новая схема управления миром, по признанию некоторой части западного ученого сообщества, проявляется в «гегемонии» США – термин, которому придается позитивное звучание. «США, конечно, имеют возможность и политическую волю формировать современную международную систему отношений, но главное состоит в том, что они это делают, исходя из интересов системы в целом и исходя из интересов входящих в такую систему государств»⁷⁴, – таково обоснование апологетов нового мирового порядка. Современная конструкция, по мнению специалистов, якобы не имеет ничего общего с имперским поведением Америки времен знаменитой доктрины Монро эпохи Рузвельта. Ибо тогда осуществлялся прямой контроль и прямое вмешательство во внутренние дела других стран.

Подобного рода рассуждения привели к оживлению более общей дискуссии о смысле и сути «империи». Знаменательно, что акцент делается на разведении негативно нагруженного понятия империи и нового его эквивалента – «гегемонии». Империи ставится в вину то, что она неминуемо ведет человечество к порабощению, ибо строится по принципу «вертикальной иерархии», тогда как

фундаментом гегемонии якобы являются «горизонтальные унифицированные связи», которые позволяют частям системы сохранить свою независимость⁷⁵.

Более того, гегемония признается совершенной противоположностью империи. Исходной посылкой для такого суждения является исторический пример античной Греции, в которой гегемония рассматривалась как разновидность власти, способной устроить и провести в жизнь определенный порядок вещей. Считается, что в противоположность персидской империи греческие города-государства реализовали подобную гегемонию сначала на примере Спарты, а позднее на примере Афин. Внутри образовавшейся таким образом Лиги греческих городов каждый из них был автономным образованием и представлен на совете Лиги на равноправных с другими условиях.

Стремления развести понятия империи и гегемонии и избавиться последнее от нежелательного колониального флера породили такие новые идеологические изобретения-оксюмороны, как «империя по приглашению»⁷⁶ или «демократическая империя»⁷⁷, которые призваны создать «доброе имя» империалистической, по факту, политике США. Наконец, если и признается имперская сущность актуальной американской политики, то при этом совершенно в духе новой парадигмы существования США именуется «нетерриториальной империей»⁷⁸.

Как замечает Дарио Батистелла, профессор политических наук Института политических исследований в Бордо, сама концептуальная посылка относительно греческой гегемонии до определенной степени сомнительна и не позволяет установить окончательного и четкого разграничения империи и гегемонии. Ибо сама греческая гегемония в эпоху Пелопонесских войн плавно трансформировалась в империю в ее отношениях с государствами Лиги, которые более не могли проводить самостоятельную финансовую политику и добровольно покинуть альянс. При этом Афины недвусмысленно вмешивались во внутренние дела подчиненных государств. И действительно, эта историческая параллель, несомненно, рождает малопривлекательную картину будущего современного человечества, живущего в эпоху американской гегемонии: где гарантии того, что благие намерения и забота о человечестве не превратят жизнь этого человечества в новый Гулаг по-американски?

Новая гегемония или новая империя?

Как указывают зарубежные исследователи, современная политическая наука долгое время практически не уделяла внимания понятию империи⁷⁹. Сама идея последней мало кого интересовала. Однако в последние годы эта тема активно возвращается в научные дискуссии.

История эволюции идеи империи в политической философии совпадает с магистральной логикой разветвления консервативной и либеральной оптики анализа мирового процесса. Имперский взгляд на мир определяется как принципиально гоббсианский, поскольку логика существования империи подразумевает легитимное поглощение сильным центром слабых элементов системы. Именно таково классическое понимание империи, которая предстает как интегрированная и иерархизированная сущность во главе с центральной властью, осуществляющей свое влияние на периферические зоны. Отношения при этом организуются строго вертикально, а политическое господство используется в целях перераспределения ресурсов в пользу доминирующего центра.

Антагонистом гоббсианской считается либеральная логика теории Локка, которая составляет фундамент построения мира на базе национальных государств. Идея суверенитета и независимости каждого такого образования приводит к замене вертикальной иерархии империи горизонтальными связями между единицами системы. С этого момента мир рассматривается как место для анархически свободной конструкции, лишенной какой бы то ни было центральной власти и составленной из равноправных субъектов. Именно в этот период создаются работы, объявляющие имперскую матрицу строения мира устаревшей и отклоняющейся от «нормы». Появляется понятие тоталитаризма. Оно призвано идеологически уничтожить приверженцев имперской мысли и снять с повестки дня возможность обсуждения идеи империи как позитивной ценной категории философско-политического анализа.

Несмотря на столь радикальный замысел, сегодня мир вновь потрясают имперские дискуссии. Понятно, что главным объектом споров и аналитических изысканий становятся США. При этом республиканская традиция – главный политический козырь Америки – императивно требует прояснения соотношения поня-

тий республики и империи. В самом деле, главная страна Нового Света не только исторически оформилась как образец республиканского правления, сама ее просветительская политическая миссия в мире строится по сию пору исключительно как продвижение образцово-показательной идеи республики. В то же время американские политики отовсюду слышат укоры в империалистической сути их акций, которые, помимо всего прочего, имеют место в прогрессивном посттоталитарном мире, сам факт существования которого есть результат победы над империей. Возникает закономерный вопрос: могут ли совмещаться две столь диаметрально противоположные вещи, как империя и республика? И не являются ли в таком случае США образованием нового типа – имперской республикой?

Классическая политическая философия решает первый вопрос однозначно и негативно. Для Ш.Монтескье империя и республика – вещи несовместимые. Республика способствовала возвышению Рима, империя – его упадку. Наследники Рима с нового Капитолийского холма, на первый взгляд, до сих пор свято чтят традицию. В самом деле, во времена самой разнузданной империалистической экспансии европейских государств Старого Света в XIX–XX вв. Америка выступала с решительными осуждениями колониальных захватов и империалистической политики европейских государств. Ведь сами США в тот период только что освободились от британского владычества. «Америка противопоставляла себя Европе как новое старому, как прогресс упадку, как вестник свободы колониальному порабощению. Уже тогда она ощущала себя носительницей святой миссии продвижения идей демократии и капитализма во всем мире, а значит свободы в ее политической и экономической форме»⁸⁰.

Именно эти черты американской политики, полагают зарубежные авторы, продолжают составлять ее современное ядро, что позволяет определить эту политику скорее как мессианскую и гегемонистскую, нежели строго империалистическую. И главным аргументом здесь становится **территориальный** тезис. Если и можно сегодня говорить о каком-либо имперском аспекте в отношении действий США, пишет, например, профессор Сорбонны и главный редактор журнала «Город» Ив Зарка, то это империя совершенно особого рода, поскольку она не посягает на приобрете-

ние колоний как **территорий**. Новая гегемония вовсе не требует захвата чужих земель. Она реализуется другими путями: через экономику, финансы, культуру. Что же касается некоторых эпизодов прямого военного вмешательства, то оно происходит вовсе не с целью захвата территорий, а во имя торжества свободы и демократии во всем мире⁸¹.

Таким образом, мы видим, что территориальный фактор, а точнее **иллюзия отрицания территориального элемента** в новых империалистических войнах является крайне важным идеологическим элементом в обосновании новой имперской политики главного гегемона современности. Теоретические работы, которые помогают создать новую идеологию всемирного господства, шаг за шагом подготавливают общественное мнение для восприятия нового мирового владычества именно как порядка – благого и даже справедливого.

Той же конечной цели подчиняется и доктринальный пересмотр концепции суверенитета. Логика здесь такова.

Исторически идея суверенитета была выработана и реализована в борьбе против империй, из которых выделились отдельные части – национальные государства – как самостоятельные и независимые сущности. Идея суверенитета, таким образом, изначально противостояла идее империи. Фундаментом новых образований была идея гражданства. Но беда состоит в том, что она была дискредитирована в эпоху новых освободительных движений в колониальном мире. Страны, получившие суверенитет, не выработали идею гражданства, что стало истоком кризиса идеи суверенитета⁸².

События 11 сентября, утверждают западные аналитики, позволили отчасти нащупать пути для преодоления этого кризиса, ибо отныне фундаментом суверенитета стала идея безопасности. Последняя также приобрела **экстерриториальный** характер из-за специфики террористических атак 11.09. Возникла необходимость в мировом лидере, который смог бы экстерриториально поддерживать и гарантировать безопасность других государств, получив легитимное «право на вмешательство» от международных организаций.

Таким образом, в вопросе о взаимоотношении пары «империя–суверенитет» также важным является снятия **«проблемы территории»**. Действия по овладению чужими богатствами, которые, конечно, привязаны к территориям, интерпретируются как

посреднические операции и переводятся в виртуально гуманитарную плоскость «оказания помощи» другим странам для гарантии их безопасности.

Таким образом, сегодня исследователи отмечают фактическое появление новой иерархии, которую, правда, предпочитают именовать «новым лидерством». При этом подчеркивается, что оно имеет доброжелательный, а не злонамеренный характер⁸³ и отличительной чертой его якобы является самоограничение⁸⁴. Происходит эволюция терминологии. В частности, как уже говорилось, буржуазные аналитики настаивают на необходимости различения понятий империи и гегемонии.

Идея о том, что современная власть США над миром, их исключительное положение в мировой геополитике не есть реализация идеи мирового господства, стимулирует появление целого ряда работ о новой, якобы безобидной разновидности власти – гегемонии. Отличие империи от гегемонии негласно поддерживают и современные неомарксисты. Тот же И.Валлерстайн предпочитает именовать современную систему мирового капитализма «мир-экономикой», а вовсе не «мир-империей» на том основании, что в ней отсутствует единая политическая система. Наличие множества конкурирующих центров в условиях рынка, по его мнению, позволяют избежать прямого принуждения и насилия в отношениях между сторонами. Тем самым главному гегемону современности обеспечивается алиби и отрицается его причастность к какому-либо империалистическому проекту. В то же время другие авторы заявляют о «конце империализма»⁸⁵, поскольку сегодня никакая нация не способна осуществить настоящий империалистический проект. Такие подходы на деле маскируют империалистические по сути американские практики, ведущие к фактическому захвату чужих территорий под видом рационализации контроля над энергетическими ресурсами. Однако практика демонстрирует, что для реализации этих целей используются классические агрессивные военные средства и приводят они к вполне реальным человеческим жертвам.

Симптоматично, что усиленное внимание к разработке понятия гегемонии не ограничивается внутренним американским научным сообществом. Американские исследователи отмечают, что наметилась тенденция переформатирования современной евро-

пейской науки согласно американским взглядам на предмет. При этом американская модель одновременно выглядит как модель, как вызов и как угроза⁸⁶.

Американское влияние на европейскую науку задумано как мобилизация возможностей последней для «больших политических целей, а точнее, для использования ее в качестве инструмента по выстраиванию американской послевоенной гегемонии»⁸⁷. При этом акцент делается на том, что с гегемонией не следует связывать традиционные категории порядка, контроля и командования. Американская послевоенная элита подчеркивает органический природный характер альянса рыночной экономики, свободы и демократии, что составляет особую специфику Америки и ее лидерства. Как следствие этого проводится мысль о том, что гегемония не столько должна быть навязана, сколько с вожделием принята самими европейскими государствами и миром в целом. Желание оказаться под эгидой такой власти предлагается рассматривать как естественное и как такое, которому сопутствует стремление принимать активное соучастие в строительстве Нового мира (по крайней мере со стороны старушки Европы)⁸⁸. При этом набирает силу «терминологический прогресс», в частности, ненавязчиво вводится в оборот понятие «консенсусной гегемонии». Она основана на том, что европейская элита, тесно вовлеченная в новое строительство, в общем и целом разделяет все основные ценности, сопутствующие фундаментальной триаде современности: рынок–свобода–демократия.

Но если и говорить о какой-либо новизне ситуации и новом качестве гегемонии, то главная и потрясающая до основания классическую политическую логику новость состоит в том, что впервые в человеческой истории реализовалась и длится ситуация, когда государство доминирует над государствами(!). Речь уже не идет даже о создании какого-то наднационального органа, «мирового правительства», международных контролирующих органов и т. п. Адекватным признается фактически прямой диктат самого могущественного государства современности себе подобным. Появляется понятие «гиперсуверенитета»⁸⁹, т. е. абсолютного суверенитета. Абсолютной мировой власти. Фактически осуществляется давняя фантастическая мечта сильных мир сего, до сих пор казавшаяся несбыточной.

При этом, как уверяют американцы, они не собираются ни управлять миром, ни учреждать новую территориальную империю. Да и какая в том надобность, когда современные информационные технологии позволяют и собирать информацию, и действовать на расстоянии, что полностью совпадает с давним стремлением США осуществлять «внешний контроль», так сказать, бесконтактный бой с заранее известным победным исходом. В таком случае территориальный имидж как фундаментальный признак классически понимаемой империи не только устаревает, но его изъятие из концепции империи может оказаться весьма полезным для формулирования нового содержания абсолютного мирового господства – бесконтактного, «нетерриториального», но окончательного и бесповоротного. Такой «самоназначенный» суверенитет на деле превращает США в мирового международного регулятора – мирового американского копа, предопределяющего ход всех внутренних политических процессов других стран.

Новый мировой порядок решительно реформирует не только прежние понятия, но самые новейшие идеологические достижения теории глобализации. Нарушается идея независимости, заложенная в исходной концепции суверенитета, подрывается этическая основа мультикультурализма как примирительного фундамента глобализации. Суверенитет превращается в привилегию одного и единственного сильнейшего государства. Фактически выстраивается мир по образу и подобию американских ценностей. При этом не только откровенно отрекаются от общечеловеческой интерпретации общего блага, но беззащитно пренебрегают национальным общим благом во имя строгого подчинения этическому эталону, который задается на имперском Олимпе. Гипердержава полностью аннексирует национальный суверенитет. Это хорошо видно на последнем примере с Ираком. Дело доходит до того, что, несмотря на горячие заверения американской администрации относительно грядущих демократических перспектив свободного развития страны, разработка иракской конституции будет осуществляться за океаном американским специалистом Ноа Фридманом⁹⁰.

Ж.Ассейяг, директор Французского центра исследований в области гуманитарных и социальных наук, считает, что на наших глазах рождается новая американская идеология. Ее основаниями

являются два главных постулата. Первый гласит, что в мире международного терроризма отныне не будет существовать строгого разделения политики государства на внутреннюю и внешнюю. Второй предполагает повсеместное распространение двух фундаментальных общечеловеческих ценностей – рынка и демократии. При всем желании затемнить суть происходящего это означает, что все очевиднее становится тот факт, что таким образом выстраивается новое «колониальное настоящее»⁹¹.

О современной политике США говорят как о политике так называемой «легкой империи»⁹², т. е. империи без колоний в традиционном понимании. Другие страны рассматриваются в такой перспективе как нуждающиеся в опеке, потому что они без внешней помощи не могут реализовать у себя американский образ жизни, отличающийся «совершенством либеральной демократии».

Американская стратегия представляет США как «всемирную универсалистскую нацию», «исключительную и провиденциальную имперскую республику», которая изрекает глобальные общечеловеческие ценности и от их имени уничтожает «врагов цивилизации». Тем самым действия американского правительства отождествляются самими американцами с действиями этакого гегелевского «мирового духа» в истории. Но такое уже случалось, и не единожды. Когда-то именно так расценивались деяния Наполеона. А спустя полтора столетия некоторые авторы ассоциировали с действием «мирового духа в истории» «чудо-оружие» нацистской Германии, «оружие возмездия», гитлеровские ракеты Фау-2. В начале третьего тысячелетия нас призывают увидеть воплощение «мирового духа» в американской армии, несущей всему человечеству избавление от «мирового зла»⁹³.

В реальности такая модернизация через колонизацию не может принести ничего, кроме онтологического разделения на «своих» и «чужих», на два вечно враждующих лагеря, на возвращение в мир архаичного варварского противостояния – непримиримого конфликта между «мы» и «они».

В конечном счете, не происходит ничего нового. Сегодня мы являемся свидетелями войны двух миров, обозначаемых, как и несколько лет назад, как «империя добра», воплощением которой является Америка, и «империя зла», под которой сегодня подразумевается «незападный» мир. Но разве не та же терминология

использовалась всего несколько десятилетий ранее для описания противостояния других двух миров – США и СССР, капитализма и коммунизма? После окончания «холодной войны» произошла лишь смена цивилизаторских табличек – идеологический «железный занавес» был заменен бархатным занавесом мультикультурализма. Но колонизаторская суть происходящих изменений от этого не становится менее очевидной.

Сколько бы ни были тонки и трудноуловимы указанные теоретические различия империи и гегемонии, все они теряют свою убедительность перед фактами нарастающего и реально осязаемого военного давления главного гегемона современности и роста человеческих жертв в международных конфликтах, ставших следствием прогресса «горизонтальной унификации». Несмотря на все попытки теоретического оправдания, действительность ярко демонстрирует быстрое перерождение якобы невинной гегемонии в открытые посягательства на независимость отдельных государств, провоцируя гегемона однополярного мира на атаки, откровенно империалистические и по замыслу, и по исполнению. В таком контексте необходимо переосмыслить роль и место России как особой «цивилизации пространства», которая имеет свою мировую миссию и на которой лежат определенные обязательства перед человечеством, не меньшие, чем обязательства гегемона «цивилизации времени».

Политико-философские аспекты становления геополитической картины мира в третьем тысячелетии радикально отличаются от всех предшествующих моделей. Взаимосвязанность мира в рамках «текущей современности» возрастает. Одновременно возникает опасность давления новой техногенной цивилизации и ее лидеров на органические культурные основания существования наций. Для России эта дилемма остро злободневна, если принять во внимание не только особенности ее стратегического геополитического положения, но также последствия глубокого внутрисистемного кризиса в стране.

«Пустота» российского пространства всегда воплощалась в понятие «смуты» – отсутствия цели, идеологии, смысла существования. И это были трудные времена не только для самой России, они были прелюдией к катаклизмам поистине мирового масштаба. Слабость России рождала глобальные вожелания для нового

передела мира. И потому сегодня перед нашей страной вырисовывается новая миссия, пока геополитического свойства. Цивилизация «суши» должна стать «волнорезом» для девятого вала новой мировой гегемонии. Возможно, миссию эту она будет выполнять не обособленно, а в содружестве с другими государствами. Это покажет время. Но сам факт необходимости корректировки нового мирового порядка назрел.

Масштабность новой грядущей миссии России станет отправной точкой внутреннего возрождения. Она неизбежно придаст новый импульс исконно русскому тяготению к «общему делу», теоретической опорой которого всегда была идея «общего блага», пронесшая сквозь века накал высокого метафизического напряжения, желания служить высоким идеалам, нации, народу, человечеству. Таким образом, как и предупреждал некогда П.Б.Струве, устремленность государства к внешней великой цели – желание стать великим – это такая же организующая сила, которой на индивидуальном уровне соответствует высокая цель жизни, идея, которой человек подчиняет все свои силы и способности. Порыв государства к внешнему могуществу есть высшая духовность, основа его существования. Такая телеология глубоко субстанциональна. Именно она выводит конкретную человеческую экзистенцию, эгоистичную и недалекую в своих требованиях к жизни, на уровень мобилизационного подъема, напряженности существования, а значит, его подлинности, истинности. В этом отношении имперская устремленность государства – фактор **идеальный**.

Но одновременно имперская направленность государства есть фактор **собирательный**, объединяющий, консолидирующий разрозненные человеческие личности в единое тело – нацию. Она создает совокупный мощный энергетический импульс, который собирает национальную волю и реализует ее в истории. Точно так же, как человек без великой цели теряет смысл жизни, государство без высокого порыва распадается и гибнет. Государство ценно для личности, когда оно могущественно, подчеркивает П.Струве: «Переставая исполнять это самое важное, наиболее тесно связанное с мистической сущностью государства назначение, власть начинает колебаться и затем падает»⁹⁴. Логика государственной мощи означает, что не внешняя политика зависит от

внутренней, а наоборот. Другими словами, общество успешно благоустраивается экономически, социально и культурно, когда у него есть такой внешний порыв.

Структура момента для России сегодня такова, что обе цели – внешняя, геополитическая и внутренняя, собирательная и мобилизационная – совпадают. Более того, из фактора внутреннего спасения они все очевиднее перерастают в общечеловеческое ожидание. Россия должна ощутить свое новое мировое призвание, вновь «войти в историю». Совершенно очевидно, что мир и человечество подошли к той роковой точке, когда необходимо искать реальные пути противостояния глобальной стратегии нового гегемона и диктатора современности. В однополярном и даже «полуполуполярном» мире любые прогрессивные технологии превращаются из общего блага в «мировое зло», несущее гибель общему пространству всего человечества.

Примечания

- ¹ *Badie B. De l'international au mondial // Durand M.-Ph., Copinnschi Ph., Martin B., Mitrano P., Placidi-Frot D. Atlas de la mondialisation. Comprendre l'espace mondial contemporain. P., 2010. P. 6–7.*
- ² *Badie B. La Fin des territoires. P., 1995.*
- ³ *Badie B. De l'international au mondial. P. 6.*
- ⁴ *Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 124.*
- ⁵ *Бенуа А. де. Идея империи // Бенуа А. де. Против либерализма. К четвертой политической теории. СПб., 2009. С. 441, 442.*
- ⁶ Там же. С. 447–448.
- ⁷ Там же. С. 447.
- ⁸ *Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории // Рус. ист. журн. 2001. Т. IV. № 1. С. 15.*
- ⁹ См., напр., Велимир Хлебников (<http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/newtime/hlebnikov/index1.html>).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Филлипов А. Смысл империи: к социологии политического пространства (<http://old.russ.ru/antolog/inoe/filipp.htm>).*
- ¹² *Левинсон А. Война и земля как этические категории // Неприкосновенный запас. М., 2005. № 2–3. С. 106.*
- ¹³ См., напр.: *Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997; Левинсон А. Война и земля как этические категории // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3; Глебова И.И. Политическая культура России. Образы прошлого и современность. М., 2006. С. 82–92.*

- 14 *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (<http://holmogorow.nigilist.ru/archive/fursov/eurazia.htm>).
- 15 *Замятин Д.Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Полит. исслед. 2009. № 1. С. 71–90; *Замятин Д.Н.* Пришествие геократии. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Независ. газ. 23. 07. 2008.
- 16 *Лихачев Д.С.* О национальном характере русских // Вопр. философии. 1990. № 4. С. 5.
- 17 *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 177; *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха. // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002.
- 18 *Замятин Д.Н.* Россия и нигде: Географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И.Г.Яковенко. М., 2007. С. 341–367; *Он же.* Геоспациализм. Онтологическая динамика пространственных образов. Ст. 1: На пути к геоспациализму: пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 129–138; *Замятин Д.Н.* Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов (<http://www.podoroga.com/caasem5.html>); *Филитов А.Ф.* Гетеротопология родных просторов // Отеч. зап. 2002. № 6(7). С. 48–63.
- 19 *Беззубова О.В.* Гетеротопии городского пространства: К истории концепта // Эстетика архитектуры и дизайна: Материалы Всерос. научно-практ. конф. (4–6 окт. 2010 г.) М., 2010. С. 27–31.
- 20 *Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 191.
- 21 *Славин Л.* Фуко: дискурс знания и география власти (<http://geopolitica.ru/Articles/861/>).
- 22 *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории. С. 15–114.
- 23 *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
- 24 См., напр.: *Панарин А.С.* Цивилизации и культуры. Вып. 3. М., 1996. С. 38; *Фурсов А.И.* Колокола истории. М., 1996. С. 83–88; *Шевченко В.Н.* Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии власти // Политические стратегии российского государства как философская проблема. М., 2011. С. 28–37.
- 25 *Бауман З.* Текучая современность. С. 120.
- 26 Там же. С. 8.
- 27 Там же.
- 28 *Шмитт К.* Земля и море. Рассказ для моей дочери // *Шмитт К.* Номос земли. М., 2008. С. 581.
- 29 *Бауман З.* Текучая современность. С. 128.
- 30 Там же. С. 131.
- 31 Там же. С. 18.

- 32 Шмитт К. Земля и море. Рассказ для моей дочери. С. 630.
- 33 Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (<http://holmogorow.nigilist.ru/archive/fursov/eurazia.htm>).
- 34 Шпенглер О. Годы решений (1933) // Шпенглер О. Политические произведения. М., 2008. С. 95.
- 35 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006. С. 67.
- 36 Там же.
- 37 Tilly Ch. Contrainte et capital dans la formation de l'Europe. P., 1992; Rokkem S. Dimensions of State Formation and Nation Building // Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975. P. 562–600; Giddens A. The Nation-State and the Violence. Camb., 1987; Birnbaum P. States and Collective Action. Camb., 1988.
- 38 Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 169.
- 39 Там же. С. 168.
- 40 Там же. С. 164–165.
- 41 Tilly Ch. Contrainte et capital dans la formation de l'Europe. P., 1992.
- 42 Бауман З. Текучая современность. С. 117, 119.
- 43 Там же. С. 106.
- 44 Там же. С. 45.
- 45 Zukin S. The Culture of Cities. Oxford, 1995. P. 263.
- 46 Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 242, 243.
- 47 Там же. С. 243.
- 48 Там же.
- 49 Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории (<http://holmogorow.nigilist.ru/archive/fursov/eurazia.htm>).
- 50 Burdeau G. L'Etat. Traite de science politique. Т. 2. P., 1967. P. 84–99.
- 51 Giffard A. Distinguer bien commun et bien(s) commun(s), Consulté le 26 mars 2010 (<http://www.boson2x.org/spip.php?article146>).
- 52 Berten A. Sur la distinction du public et du prive, entre les liberaux et les communitariens // Rorty R. Ambiguités et limites du postmodernisme. P., 1994. P. 188.
- 53 Putallaz F.-X. Liberalisme philosophique et bien commun // Etat et bien commun: perspectives historiques et enjeux éthico-politiques: Colloque en Hommage à Roger Berthouzoz. Lang, 2008. P. 31.
- 54 Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 41.
- 55 Материалы Круглого стола «Les ressources naturelles, un bien commun?» (<http://www.repid.com/Les-ressources-naturelles-un-bien.html>); Descola Ph. A qui appartient la nature? // La Vie des idées, 21 janvier 2008; Le bien commun (<http://voiretagir.org/BIEN-COMMUN-LE.html>); Bien commun. Dictionnaires et Encyclopédies sur 'Academic' (<http://fr.academic.ru/dic.nsf/frwiki/212670>).
- 56 Zuckerman P.A. Common Good State: The Next Phase of Human Societies (<http://www.wfs.org/zuckerman.htm>).

- 57 *David Ch.-Ph.* La Mondialisation de la securite: espoir ou leurre? (<http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/FD001391.pdf>).
- 58 *Giffard A.* Distinguer bien commun et bien(s) commun(s) (http://alaingiffard.blogs.com/culture/2005/01/bien_commun_et_.html).
- 59 Ibid.
- 60 *Струве П.Б.* В чем же истинный национализм? // *Струве П.Б.* Избр. соч. М. 1999. С. 15.
- 61 *Соловьев В.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 148–149.
- 62 *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 427.
- 63 *Санькова С.* Либеральный консерватизм как неотъемлемая составляющая государственного национализма (www.conservatism.narod.Ru 08.11.2004).
- 64 *Тургенев И.П.* Кто может быть добрым гражданином и верным подданным? // Антология мировой политической мысли. Т. 3. М., 1997. С. 594–595, 597.
- 65 *Алексеев Н.Н.* Современная политическая наука о государстве и ее ближайшие задачи // *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 530.
- 66 См.: *Сытин С.В.* Политико-нравственная доктрина российских правоведов (русская философия права второй половины XIX – начала XX века) // Социально-гуманитарные знания. М., 2000. № 5. С. 250.
- 67 Цит. по: Там же. С. 250.
- 68 Common good (<http://www.commongood.org/>).
- 69 *Quéau Ph.* «Terra nullius» et bien commun // Dimanche 21 mars 2010 (<http://queau.eu/?p=988>).
- 70 Ibid.
- 71 Ibid.
- 72 *Шмumm К.* Номос земли. М., 2008.
- 73 *Quéau Ph.* Op. cit.
- 74 *Battistella D.* La notion d'empire en théorie des relations internationales // Questions internationales. P., 2007. № 26. P. 30.
- 75 Ibid. P. 27–32.
- 76 *Lundestad G.* Empire by Invitation? The United States and Western Europe 1945–1952 // Journal of Peace Research. 1986. № 22(3), sept. P. 263–277.
- 77 *Gaddis J.L.* We Now Know. Oxford, 1997.
- 78 *Strange S.* The Future of American Empire // Journal of International Affairs. 1988. № 42(1), automne. P. 1–17.
- 79 *Battistella D.* La notion d'empire en théorie des relations internationales. P. 27–32.
- 80 *Zarka Y. Ch.* Un nouvel empire? // Cités. 2004. № 20. P. 4–5 (<http://www.jstor.org/stable/40621211>).
- 81 Ibid. P. 5.
- 82 Ibid. P. 6.
- 83 *Tammen R.* Power Transitions. Strategies for the 21 Century. N.Y., 2000.
- 84 *Ikenberry J.* After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. P., 2001.
- 85 *Хардm М., Негру А.* Империя. М., 2004.
- 86 *Gaudillière J.-P.* The U.S. in the Rebuilding of European Science // Science. N.Y., 2007. Vol. 317. № 5842. P. 1173–1174.
- 87 Ibid.

- ⁸⁸ *Krige J.* American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe. Cambridge, 2006.
- ⁸⁹ *David D.* Les souverainetés au temps de l'après-guerre froide // Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation. Swiss Political Science Review. 2004. № 10(1). P. 102.
- ⁹⁰ *Badie B.* Souveraineté et évolution des relations internationales // Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation. Swiss Political Science Review. 2004. № 10(1). P. 99.
- ⁹¹ *Assayag J.* Quand guerre et paix s'emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // Cités. P. 2005. № 24. P. 5.
- ⁹² Ibid. P. 27.
- ⁹³ Ibid. P. 31.
- ⁹⁴ *Струве П.Б.* Отрывки о государстве // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 269.

Чудо в российской истории: в поисках теоретического осмысления

Мир вступает сегодня в иную, очень опасную эпоху. Рушатся государства, исчезают прежние договоры и альянсы, возникают многочисленные катастрофы, одна за другой вспыхивают войны, свирепствует террор, лихорадит глобальную экономику, корчится в конвульсиях мировая финансовая система, распадается либеральная модель рынка, гибнет идея суверенитета. Все это – очевидные признаки смены эпох.

Резкое ускорение изменений, разбивающее все преграды, дало повод известному британскому социологу Э.Гидденсу говорить о «сокрушительной силе современности», превращающей ее в такой генератор социальных преобразований, которыми не только проблематично управлять, но последствия которых уже невозможно и предвидеть.

Россия сегодня более чем кто-либо живет в ожидании неизвестного будущего, вползая в опасное и нестабильное межвременье. Как будет протекать дальнейшее развитие государства, никто не может предсказать с полной уверенностью. Поток сложнейших проблем и противоречий в стране резко усилился, а адекватная система методов и процедур их решения до сих пор отсутствует. В такой ситуации, которая становится все более неопределенной, с непонятным исходом, к решению проблем должны быть привлечены новые способы исследования, возникшие, в частности, в рамках синергетики, нелинейной динамики, теории неравновесных систем, а также и философии.

К последней, к сожалению, менее всего обращаются и политические аналитики, и власть предрержащие. Отчасти, может быть, потому, что ее понятийный аппарат не вполне отражает реалии настоящего времени, сложные коллизии современности. Привычные понятия, выработанные в академической тиши прежней социальной философией, не работают, не улавливают звуков тектонических разломов в государственных и общественных сферах. Именно поэтому процессы, происходящие в России, чаще всего описывают популярным современным синергетическим термином – бифуркацией, когда многое зависит от неучтенных обстоятельств и факторов, складывающихся в окрестностях точки бифуркации.

Совершенно ясно, что в этих условиях необходимо обновление философско-политического аппарата, включение в него таких понятий, которые были бы производными от социально-политических практик, имевших место в российском государстве как в прошлом, так и в настоящем.

Для России с ее сложной и драматичной судьбой, когда постоянно приходилось пребывать в предельной, пограничной ситуации и стоять перед выбором – выжить или погибнуть, задача поиска новых и в то же время адекватных ее истории понятий является особенно актуальной. Недаром же А.С.Пушкин ясно говорил, что «объяснение русской истории требует другой формулы». Представляется, что такой формулой и таким емким понятием, отражающим отчаяние и в то же время последнюю надежду миллионов людей в России, является понятие чуда. Это понятие воплотило в себе опыт выживания народа в исключительных исторических и политических обстоятельствах. Оно наилучшим образом выражает способность государства и народа в экстремальной ситуации справиться со всем грузом трудно решаемых проблем. Поэтому отказываться от такого опыта, нашедшего свою ценностную фиксацию в понятии чуда, было бы неразумно. Более того, это понятие заложено в самом основании культуры и даже стало составным элементом национального менталитета, заключая в себе весь комплекс экзистенциальных, социальных и мировоззренческих проблем.

Сегодня большинство людей в России разуверилось и в окружающей действительности, и в своих силах что-то изменить рациональными средствами. Характерным признаком этого явилась

огромная очередь к поясу Богородицы (2011), которая не столько знаменует пробуждение «христианского рвения», религиозного порыва, сколько является прямым свидетельством тяжелейшего недуга страны. Измученный народ в массе своей надеется уже только на ЧУДО как решение зачастую совершенно простых житейских вопросов¹. Но не только народ уповаet на чудо, это свойственно также и некоторым представителям интеллигенции. Так, например, в драматические 1990-е гг. знаменитый русский ученый и писатель Игорь Шафаревич пришел к выводу, что с точки зрения логики никаких надежд на то, что Россия выживет, нет... но ведь бывает же чудо! Вот на него и надо надеяться. А известный писатель Захар Прилепин писал: «В России осталась только одна рациональная категория – это русское чудо. Вот в него я искренне верю и на него уповаю, потому что все остальные мои представления о действительности не столь радужны»².

Констатируя то или иное чудо, авторы, пишущие на эту тему, как правило, употребляют его в виде лаконичной метафоры, емко выражающей необычайные достижения и успехи, и не рассматривают в качестве философского понятия. В результате вне поля зрения остается необычайная глубина, непознанность и многогранность понятия чуда именно как философского в практике исследования исторических, социально-политических, экономических явлений. Его забвением и игнорированием можно объяснить существенные лакуны в теоретических исследованиях, посвященных социально-политическим проблемам. Непривычность обращения к такому понятию может вызвать в качестве первой реакции недоумение, а возможно, и неприятие, ибо привычным стало его восприятие лишь как метафоры, а не как философского понятия и тем более междисциплинарного концепта, содержащего важные эвристики. Однако представляется, что именно оно применительно к России может закрыть некоторые зияющие объяснительные пробелы.

Конечно, русская история описывается экономическими, политическими, социологическими и другими законами и осмысливается в соответствующих понятиях, но совершенно очевидно не исчерпывается ими. Над нею все-таки в экстремальной ситуации властвует до сих пор до конца не осмысленный, требующий своего исследования феномен «чуда». Неслучайно ряд американских

исследователей и публицистов, анализирующих далекое и близкое прошлое России, исходит из того, что все происходящее в этой огромной стране объяснимо лишь в рамках концепции чуда, поскольку слишком многое в русской истории нельзя объяснить рациональным, логическим путем. Однако, за небольшим исключением³, всерьез никто и нигде в философском плане не обсуждал не только феномен чуда в России (его условия, предпосылки и даже, если можно так выразиться, «технологии» – постфактум, конечно), но также его проективную силу и возможности.

Хотя «русское чудо» семантически стоит в одном ряду с немецким, японским и прочими примерами чуда, их основания существенно различаются. Не вдаваясь в подробности этих различий, отметим лишь, что к истории российского государства это понятие применимо более чем к чему-либо. Прежде всего чудом было само возникновение русского государства. Тот факт, что не слишком многочисленное славянское племя, сумев одолеть своих недругов, собрало вокруг себя около сотни народов и, охватив своим творческим порывом самое большое и суровое в мире пространство, создало величайшую державу, которую успешно обороняло в течение столетий, – безусловно, есть *геополитическое чудо*. Его наглядной иллюстрацией является географическая карта, которая даже сейчас, в уменьшенном варианте, есть напоминание об этом чуде и действенное лекарство от комплекса неполноценности, усиленно внушаемого русскому народу.

История России как *история непрерывных оборонительных войн* складывалась таким образом, что без событий невероятных, т. е. чуда, она, возможно, уже не существовала бы. Согласно подсчетам известного историка С.Соловьева, Россия в течение своего *первого* сравнительно спокойного периода (около 800–1237 гг.) должна была отражать военное нападение *каждые четыре года*. В период 1240–1462 гг. ей пришлось отражать *двести* новых вторжений, т. е. *почти каждый год*. По данным современного историка И.Фроянова, за 537 лет от Куликовской битвы до Первой мировой войны Россия воевала 334 г. Из них одна война против девяти держав, две войны против пяти держав, двадцать пять войн против трёх держав и тридцать семь войн против двух держав одновременно⁴. Это значит, что на *каждые три года* жизни приходится *два года войны и один год мира*. После Первой

мировой войны – революция 1917г., гражданская война, Великая Отечественная война, «холодная война», события 1990-гг., принесшие хаос, две чеченские войны, разруху и деградацию страны. По всем рациональным выкладкам экономического и политического порядка Россия уже как бы не должна существовать. И то, что она всё ещё существует, как отмечает известный отечественный философ А.Л.Казин, уже есть чудо.

Некоторые философские и научные подходы к пониманию чуда

С понятием чуда может быть связан определенный вклад философии в решение острейших проблем России. Тем не менее проблема чуда по сравнению с другими философскими проблемами находится до настоящего времени в недостаточно разработанном состоянии. Крупные философы касались её больше мимоходом и лишь в редких случаях делали предметом более или менее обстоятельного обсуждения. Главная причина такого положения в том, что проблема чуда не может получить философского решения независимо от исследования основных положений гносеологии и метафизики и, следовательно, предполагает то или иное мирозерцание, основой которого является понимание причинности.

Различные необычайные и необъяснимые явления становятся чудом только при определённом способе их истолкования. Однако при скептической или естественнонаучной оценке всегда есть возможность отрицать наличие чуда и объяснять такие явления или фальсификацией фактов, или галлюцинациями, или неизвестными ещё явлениями и законами природы. Любое чудо можно объяснить недостаточной суммой знаний законов природы или общества в конкретной области. Поэтому мы обыкновенно под чудом понимаем событие, не вытекающее из законов природы или естественных человеческих возможностей, т. е. это особый вид причинного воздействия.

О том, что такое чудо, размышляли многие выдающиеся умы, и хотя это понятие давно не встречается в философском обиходе, все же оно имеет длительную философскую традицию. В западной философии все мыслители, начиная с древних греков и кончая

современными философами, уделяли ему определенное внимание. Поскольку рамки данной работы не позволяют подробно рассматривать многочисленные философские концепции, посвященные проблеме чуда, приведём лишь несколько основных, наиболее распространённых точек зрения.

Древнегреческие философы, например, трактовали понятие «чудо» в рамках религиозно-мистических верований. Такой подход нашел отражение в мировоззрении Гераклита, а еще больше – у *пифагорейцев*, признававших непосредственное влияние богов и демонов на человеческую жизнь и установивших мистические культы героев и праотцов. Впрочем, религиозно-мистические элементы, открывавшие широкий доступ всему чудесному, присущи были в той или иной мере воззрениям большинства философов древности, начиная с Фалеса, утверждавшего, что «все полно богов», и кончая неоплатониками. Общий вывод, вытекавший из представлений древнегреческих философов о чуде, заключался в том, что вся природа сотворена Богом и является продуктом Его воли; чудесное есть лишь необычное проявление Божественной воли.

В средневековой философии так же, как и в древнегреческой, понятие «чудо» вводилось в область религиозно-философских взглядов, но так, что оно не вступало в противоречие ни с гносеологическими, ни с метафизическими постулатами того времени.

Только в философии Нового времени по мере всё большего познания законов природы понятие «чудо» встречает решительный протест не только со стороны философов-материалистов, но и тех, которые в ряде случаев придерживались и религиозных взглядов. Б.Спиноза, например, в своём основном капитальном труде «Богословско-политический трактат» подвергает решительной критике понятие «чудо». В этом трактате Спиноза высказывает следующие постулаты: «Бог и природа – одно и то же бытие» (*Deus sive natura*); «сущность и провидение Бога гораздо лучше познаются в явлениях природы, закономерно обусловленных, чем в предполагаемых чудесах». Согласно Спинозе, всё совершается по неизменным законам природы, а если какие-либо явления представляются людям нарушением этих законов, то это обусловлено лишь человеческим неведением истинной связи действующих причин. Он прямо отождествляет понятие «чудо»

с неведением. В ходе дальнейшего развития философии понятия «чудо» уже базировалось в той или иной степени на приведенных постулатах Спинозы.

Так, *Лейбниц*, исходивший из своей гипотезы о предустановленной гармонии, мог допускать чудо лишь как неизбежно вытекающее из предшествующих событий, т. е. как нечто заранее предопределенное в развитии мира. Чудеса, утверждает Лейбниц, точно так же входят в порядок вещей, как и естественные действия, но отличаются от последних только своей необычностью. Единственным чудом в строгом смысле слова является у Лейбница сам факт предустановленной гармонии, имеющий свое основание исключительно в свободной воле Бога.

Еще более решительные возражения против чуда последовали со стороны представителей *эмпиризма*, считавших законы природы всеобщими и необходимыми нормами в последовательности явлений из-за их постоянного подтверждения как обыденным, так и научным опытом. Соответственно любая причинная связь имеет закономерный характер, т. е. может быть подведена под какое-нибудь правило, имеющее самостоятельное значение или выводимое из другого, более общего правила. Чудо как нарушение закономерного хода природы не является, с точки зрения эмпиризма, чем-то абсолютно невысказанным и невозможным. Но поскольку закономерность причинной связи имеет под собой всю совокупность научно проверенного опыта, а чудесные события еще никогда не были констатированы как несомненные, исключаящие всякую возможность естественного объяснения, то их вероятность сводится почти к нулю. Классическим выразителем эмпирической критики понятия чуда является *Юм*, посвятивший целую главу своего «Исследования о человеческом разуме» вопросу о чуде.

К решительным противникам чудесного следует отнести также *Канта*, осмеявшего в своих «Грезах духовидца» видения *Сведенборга*. Однако в своей критической философии он дает иное обоснование неизменности естественного хода природы. Причинность, т. е. неизменное правило следования последующего за предыдущим, является здесь *априорным* принципом рассудка, предваряющим всякий опыт и его обуславливающим. Мир не может мыслиться иначе как подчиненным неизменным правилам последовательности, выражающимся в законах природы. И законы эти

оказываются у Канта логически безусловными нормами человеческого опыта и познания. Поэтому нарушение их не только весьма маловероятно, как в эмпиризме, но даже логически немыслимо. Так как чудо предполагает нарушение естественной закономерности явлений, что было бы, с точки зрения Канта, нарушением и закона причинности, то оно должно быть отрицаемо, как нечто абсолютно немыслимое и невозможное, по крайней мере в мире феноменов. Вообще чудесное, как вещь в себе, есть, по Канту, нечто абсолютно непредставимое и отрицающее всякое конкретное историческое явление. Вполне естественно, что сам Кант в своей философии религии относится к чудесам довольно отрицательно.

С точки зрения *Фихте* и *Гегеля*, вера в чудеса не только не требуется для религиозного благочестия, но даже вредит ему и вообще не соответствует возвышенному характеру духовной религии. Только в духе, в проявлениях его разумности и свободы следует видеть сверхъестественное, а не в явлениях чувственного мира.

Отрицательное отношение к чуду обнаруживают также *материалистические* и *позитивистские* системы философии Нового времени. В этих учениях вся познаваемая действительность сводится к связи материальных или психических феноменов. При этом действующими силами в мировом процессе признаются лишь те или иные элементы, сменяющие друг друга не свободно, а с необходимой закономерностью. На почве такой механики элементарных сил нет места не только понятию чуда, но даже менее притязательной идее свободной воли.

Наиболее установившееся и особенно характерное понятие причинности свойственно позитивистской философии, предполагающей необходимое следование явлений во времени. При подобном взгляде на причинность понятия законов природы и причинной связи оказываются вполне совпадающими в своем объеме, иными словами, причинность является лишь общей формулой всех конкретных законов природы. С этой точки зрения, положение: «нет явления без причины» – равносильно утверждению, что возникновение всякого явления подчинено известному правилу или закону природы. Очевидно, что такое понятие причинности полностью исключает возможность чудес; ведь никто не станет считать чудом то, что совершается на основании одних только законов природы. Убеждение в абсолютном господстве элементарных закономерностей

стей основано на том предположении, что реальными единицами мира можно признать только абсолютно элементарные сущности, обозначаемые понятиями атомов, центров сил и т. п., независимо от того, понимать ли их материалистически, спиритуалистически или даже агностически. Но это возведение элементарного и простейшего бытия в степень абсолютной первоосновы мира есть в сущности чистая вера, не находящая действительного подтверждения.

Вопреки этому защитником некоторых видов чудесного, причем весьма сильным и остроумным, выступил *Шопенгауэр*, объяснявший явления ясновидения и духовидения в связи со своей теорией сна. Сущность такого объяснения сводится к признанию всего того, что является *непосредственным* продуктом внутренней организации мозга, понимаемого не как комплекс материальных элементов, а в качестве формы проявления воли, представляющейся человеческому сознанию объективно существующей. И хотя Шопенгауэр, как и Гартман, довольно подробно обсуждали этот вопрос с точки зрения своих систем, тем не менее они рассматривали проблему чуда далеко не во всем ее объеме, а ограничивались лишь некоторыми видами чудесного, имеющими отношение к явлениям духовидения и спиритизма.

Среди новейших теорий чудесного представляет интерес «философия мистики» немецкого оккультного писателя *дю Преля*, примыкающая во многих пунктах к точке зрения Шопенгауэра. Дю Прель, логически безупречно доказав двойственность человеческого существа, различает в человеческой природе чувственного и трансцендентального субъекта. Первый подчинен законам чувственной природы, второй обладает способностью интуитивного созерцания вещей. Оба эти субъекта или сознания находятся, по дю Прелю, в известного рода антагонизме. Трансцендентальное сознание при обыкновенных условиях совершенно заглушается чувственным, подобно тому, как свет звезды погашается светом солнца. Но так как, несмотря на присутствие солнца, свет звезды все-таки реально существует, точно так же существует в нас и трансцендентальное сознание, неприметно влияющее на всю нашу жизнь. Его деятельность при ослаблении чувственного сознания может становиться отчетливее и интенсивнее. Вся практическая мистика зиждется именно на этой деятельности трансцендентального субъекта⁵.

Новейшая западная философия религии признает высшие виды причинной связи, свойственные сознательным, разумным существам. Этот последний вид причинности уже не может иметь характера законов или правил, так как относится к сущностям чрезвычайно индивидуализированным и активным. Отсюда вытекает и наличие такого существенного признака понятия чуда, как *сверхъестественное*, которое можно усматривать как в проявлениях человека, так и в действиях высших или более могущественных существ. Трудность определения сверхъестественного по отношению к человеческой природе, по-видимому, проще всего устранить, условившись называть сверхъестественными те предполагаемые способности и действия человека, которые ни в какой степени не присущи человеческой организации вообще, а составляют исключительную особенность отдельных индивидуумов.

Понятие чуда приобретает большую ясность и отчетливость тогда, когда оно мыслится как необычайное проявление в мире более могущественных или высших сравнительно с человеком существ, когда чудо связывается со сверхсознанием, с последними, самыми глубинными основаниями бытия – Богом, великим Нечто, Сверхразумом, как именуют эти основания различные мировоззренческие и религиозные традиции. Новейшая философия религии обнаруживает несомненную склонность построить религиозное мирозерцание без помощи каких-либо супранатуралистических⁶ воззрений и даже устранить их как совершенно побочный мифологический элемент.

В *отечественной истории мысли* понятие чуда рассматривается главным образом в религиозно-философском аспекте. Епископ Феофан Кронштадтский писал о том, что христианское чудо есть видимое, разительное, сверхъестественное явление в физическом мире, в телесной и в духовной природе человека, в истории народа, производимое лично живым Богом как достижение человеком религиозно-нравственного совершенства, т. е. епископ Феофан указывает и на сверхъестественность чуда, и на его божественное происхождение⁷.

Великий русский учёный-богослов о. Павел Флоренский в статье «О суеверии и чуде» (1903) высказал мысль о том, что чудо есть любой факт действительности, а также и мир в целом, рассматриваемые как благие и проистекающие от благой силы, от

воли Бога⁸. Таким образом, чудо напрямую связывалось с переживанием мира в целом и каждого конкретного факта человеческой жизни как Божественного промысла, как результата действия Бога. Флоренский говорит не о сверхъестественном, а именно о любом факте действительности, который рассматривается им как явление Божьей благодати, как Божье чудо. Для него решающим становится сверхъестественность, а не вопрос о происхождении чуда. Флоренский ставит констатацию чудесного в зависимость от склонности человека связывать факты действительности с Богом, иными словами – от человеческой интерпретации. Чудо возникает лишь при готовности человека рассматривать некий факт как благой и идущий от Бога, т. е. способность человека обнаруживать и констатировать чудо оставалась для него субъективным делом.

Принципиально другую позицию занимал Василий Розанов. Вмешательство Бога как причину чуда он оставляет без внимания. В статье «Чудесное в жизни и истории» (1901) Розанов увязывал чудо с нарушением законов природы. «Чудом, – писал он, – называется выход из области приори, это не столкновение двух разных нитей фактов, а невероятность какого-то звена в одной и той же нити событий»⁹. По Розанову, нарушение природной закономерности для констатации чудесного необходимо. И при этом само оно касается не общей оценки всей совокупности фактов, а лишь одного «незаконного», «сверхъестественного» факта, из-за которого весь событийный ряд пошел в ненормальном, т. е. в необычном направлении.

Точка зрения Василия Розанова оказалась очень популярной на Западе. Более того, значительная часть мировой фантастической литературы, связанной с путешествием во времени, построена именно на таком понимании чуда, когда появляется некий единичный сверхъестественный факт, способный привести к глобальным и необратимым изменениям в совершенно другом месте и времени. Достаточно вспомнить знаменитый рассказ «И грянул гром» Р.Брэдли и не менее культовый роман «Конец вечности» А.Азимова с их захватывающими сюжетами и парадоксальной фантазией.

Представленные здесь в кратком виде интерпретации чуда сводятся в основном к объяснению его 1) как результата вмешательства сверхъестественных сил и 2) как нарушения естествен-

ных законов природы. В XX в. наблюдается возрождение интереса к чуду и расширение его толкования благодаря достижениям этнографии и антропологии, а также психологизации понятия чудесного, апофеозом которого стало учение Г.Юнга об архетипах. Кроме того, возросшее осознание того, что окружающий мир объективно является неоднозначным, давшее толчок экспансии вероятностных методов и вероятностного мышления в естественных науках, заставило философов пересмотреть свое понимание причинности применительно к понятию чуда. Кстати говоря, вероятностный метод использовался в японском штабе перед битвой с американцами у атолла Мидуэй во время Второй мировой войны. Брошенные кости выпали в немыслимой, невероятной комбинации, которая означала: девять попаданий бомб и три потопленных авианосца. В реальности так и произошло¹⁰.

Однако наиболее основательно и подробно не только в истории русской, но, возможно, и мировой философской мысли, как считают некоторые исследователи, понятие чуда рассматривается в книге А.Ф.Лосева «Диалектика мифа», лучшим разделом которой являются параграфы, посвященные именно разъяснению категории «чудо». Такое разъяснение было необходимо в силу непонимания глубинной сути этого явления со стороны многих этнографов, философов и позитивистски настроенных богословов, считающих это понятие совершенно ясным и обыкновенно не дающих себе ни малейшего труда, чтобы его прояснить. Лосев не приемлет точку зрения, согласно которой чудо есть нарушение законов природы. Так можно думать, если к нему и указанным законам подходить с точки зрения механистической науки XVII–XIX вв. Но такой подход в корне пресекает самую возможность существенного вскрытия содержания понятия чуда.

Лосев полагает, что распространенное представление о чуде как о чем-то, нарушающем законы природы и вносящем хаос в мировой порядок, глубоко ошибочно. Как можно утверждать, что чудо есть нарушение законов природы, если неизвестно, какова степень реальности самих законов? Наука сама по себе ничего не говорит о сущности природы. Например, никакой закон природы ровно ничего не может сказать ни о создании природы и мира, ни об их гибели или кончине, т. е. он исходит из того, что мир уже как-то есть, и в этом мире он как-то находит себе приложение. Да

и само механистическое мировоззрение есть плод метафизического дуализма картезианской школы, по которому субъект и объект разделены раз и навсегда непроходимой пропастью: субъект ни в каком смысле не есть объект, а объект ни в коем случае не есть субъект, из-за чего субъект мыслится как чистое мышление, а объект – как чистое протяжение, механизм. Абсолютно механистическое мировоззрение, подчеркивает Лосев, есть вредная рационалистическая и дуалистическая метафизика – печальный плод господствовавшего в течение веков либерализма, политического, философского и религиозного¹¹.

Согласно Лосеву, чудо состоит вовсе не в том, что законы природы нарушены или что оно не объяснимо средствами науки. Явление, совершенно точно вытекающее из системы мирового механизма, может быть иной раз гораздо большим чудом, чем то, о котором неизвестно, какому механизму и каким законам природы оно следует. Помимо этой распространенной механистической теории, Лосев обратил внимание на еще целый ряд теорий чуда, которые почти все страдают одним существенным недостатком, а именно: заменяют анализ самого понятия манифестацией собственного отношения к этому понятию (чудо как продукт первобытного анимизма, как результат гипноза, внушения, вымысла и т. д.).

Ученый настаивал на том, что чудо есть явление социальное и историческое, законы же природы суть установки и явления механические. В чуде мы имеем дело прежде всего с совпадением или по крайней мере с взаимоотношением и столкновением двух каких-то разных планов действительности, что, по видимому, и заставляло многих говорить о вмешательстве высших сил и о нарушении законов природы. Но прежде всего чудо есть взаимоотношение двух или большего числа личностных планов. Что это означает?

Согласно Лосеву, подлинного, чудесного взаимоотношения личностных планов надо искать в сфере одной и той же личности. Несомненно, это есть планы внешнеисторический и внутренне замысленный, как бы план заданности, преднамеренности и цели. «Итак, в чуде встречаются два личностных плана: 1) личность *сама по себе*, вне своего изменения, вне всякой истории, личность как *идея*, как *принцип*, как смысл всего становления, как неизменное *правило*, по которому равняется реальное протекание; и – 2) сама

история этой личности, реальное ее *протекание* и становление, *алогическое становление*, сплошно и непрерывно текущее множество – единство, абсолютная текучая неразличимость и чисто *временная* длительность и напряженность»¹².

Именно эти два плана, будучи совершенно различными, необходимым образом отождествляются в некоем неделимом образе, согласно общему диалектическому закону. Но любопытен не этот общий диалектический закон, но та его спецификация, которая существует именно для категории чуда. Дело в том, что есть нечто третье, по сущности своей ничего общего не имеющее ни с тем, ни с другим. Это третье должно быть настолько же идеей, насколько и становлением. Это то, что руководит всем становлением, что есть подлинный первообраз, чистая парадигма, идеальная выполненность отвлеченной идеи. Но поскольку есть идея и ее воплощение, значит, возможны разные степени последнего, возможна бесконечно большая степень полноты воплощения. Это есть предел всякой возможной полноты и цельности воплощения идеи в истории. Мы же всегда наблюдаем только частичное совпадение реально-вещественного образа вещи с ее идеальной заданностью-выполненностью, с ее первообразом; и рассчитывать, что в данном случае реальное вполне воплотит свою идеальную заданность, мы не имеем ровно никаких оснований, подчеркивает Лосев. Тем более нужно считать удивительным, странным, необычным, чудесным, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии вдруг хотя бы на минуту выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. Это и есть настоящее место для чуда¹³.

Таким образом, чудо, по Лосеву, это диалектический синтез двух планов личности, когда она целиком и полностью выполняет лежащее в глубине ее исторического развития задание первообраза. Это как бы второе воплощение идеи, одно – в изначальном, идеальном архетипе и парадигме, другое – воплощение этих последних в реальном историческом событии. Но важно, чтобы связь ее реального исторического положения со своим идеальным прообразом была специально нарочито выявлена и продемонстрирована. Стало быть, чудо в своей основе обладает характером извещения, проявления, возвещения, свидетельства, удивительного знамения,

манифестации, как бы пророчества, раскрытия, а не бытия самих фактов, не наступления самих событий. Это – модификация смысла фактов и событий, а не сами они как таковые. Это – определенный метод интерпретации исторических событий¹⁴.

Иными словами, говорить о чуде, с точки зрения Лосева, правомерно лишь тогда, когда происходящие события можно интерпретировать как соответствующие некой идеальной схеме, имеющей для личности важный ценностный смысл. «Это учение о личности и должно иметься в виду, если мы хотим уяснить себе подлинную диалектику чуда», – подчеркивает ученый¹⁵.

Если Лосев дает философскую, диалектическую разгадку чуда, то современный мыслитель *Сергей Переслегин* в своей знаменитой статье «Стратегия чуда или введение в теорию неаналитических операций»¹⁶ приводит понимание чуда, исходя из других теоретических оснований. Тем не менее, в некоторых пунктах он приходит к похожим выводам, разрабатывая теорию чуда главным образом применительно к военным действиям и опираясь при этом на восьмиконтурную модель психики известного американского психолога и писателя Т.Лири¹⁷.

На основании данной модели поведение человека может быть представлено как результат взаимодействия нескольких жестко закрепленных (импринтированных) паттернов¹⁸. Особое значение среди них имеет пятый или нейросоматический контур (высокоэнергетическая структура), который связан с корой и подкоркой правого полушария мозга. Нейросоматический контур отвечает за интуитивные озарения, и с точки зрения технологии чуда (на примере военного искусства) всегда связан с возбуждением в психике военного главнокомандующего нейросоматического уровня, позволяющего построить и навязать своим войскам нестандартные операции против врага, – так называемый безумный «тоннель Реальности». Под ним можно понимать издревле известное явление «предварительного преодоления обстоятельств», проявляющегося в классической формуле: «безумцам сопутствует удача». Эта формула связывает неаналитические операции с безумием, но понимаемом не в психиатрическом смысле, а скорее в смысле Лосева – как настройку личности командующего на тот идеал, которого требует данная военная операция в данных исторических обстоятельствах.

Другими словами, мышление на уровне пятого контура позволяет увидеть победу, средства, при помощи которых она будет достигнута, и «чудеса», которые для этого понадобятся. Здесь кроется секрет «странных инноваций»: они отнюдь не берутся «с потолка», но привносятся в мир интуитивными озарениями. Каждое такое новшество поэтому имеет смысл, хотя сплошь и рядом он скрыт от аналитического истолкования, т. е. происходит чудо, которое, как и у Лосева, есть соответствие некоему идеалу.

Значительно более богатые ресурсы содержит шестой – нейрогенетический контур. Если интуитивные озарения пятого происходят все-таки на уровне личности, то шестой включает в работу коллективный мозг всего социума – архетипические конструкты, коллективное бессознательное. Это уровень неких мифологических представлений и иных информационных объектов. В военной стратегии шестой контур – «кольцо Всевластья» – позволяет решать любые задачи. Тогда и происходит чудо, участником которого является весь народ, вся страна, как это было во время Великой Отечественной войны.

Итак, неаналитическое военное искусство связано с возбуждением в психике командующего высокоэнергетических структур, известных в теории Т.Лири как нейросоматический и нейрогенетический контуры мозга. Поскольку на данном уровне развития человечества далеко не все индивидуумы умеют работать с высшими поведенческими паттернами, неаналитическая стратегия носит исключительно личностный характер и требует от командира проявления особых способностей. Речь идет, по сути, о личной гениальности, о реконструировании «пространства войны» на основе полученных интуитивным путем знаков, символов, а то и просто намеков. Представляется, что при всём своём кажущемся различии и даже противоположности приведённые точки зрения Лосева и Переслегина на природу чуда, отмечающие разные грани одного явления, обладают внутренней дополнителем и тем самым позволяют более полно и глубоко понять этот феномен. Выясняется, что чудо есть невообразимое событие, а вовсе не необъяснимое или маловероятное. Такое событие как бы «выламывается» из привычного хода вещей и, как правило, кардинальным образом меняет этот ход. При этом становится также ясно, что предельность понятия чуда требует вы-

хода за рамки гуманитарных наук и коренного переосмысления знаний, накопленных не только философией, но и психологией, физиологией и т. д.

Некоторые примеры чуда в истории России

Чтобы рассуждения по поводу чуда были боле наглядны, необходимо привести некоторые примеры, которые в истории известны именно как чудо. Поскольку история нашей страны – это, как уже отмечалось, череда непрерывных войн с непродолжительными мирными передышками, то явления чуда целесообразно рассмотреть главным образом на военных примерах. Правомерность такого подхода обусловлена самим характером чуда, которое есть событие, проявляющееся, как правило, в предельных, экстремальных ситуациях, каковой и является война.

Апеллируя к теориям Лосева и Переслегина, дающим более или менее понятное нашему сформированному современной наукой рациональному уму понимание чуда, справедливости ради необходимо привести и иные примеры, которые не укладываются в рамки этих теорий. Так, из истории известно чудо спасения Москвы и всей Руси от нашествия непобедимого хана Тамерлана (1395 г.) Он шел на Русь с самой лучшей по тем временам армией в мире, завоевавшей половину Евразии. А Московское княжество было тогда слабым данником татарского хана Тохтамыша и еще не оправилось от разгрома 1382 г., последовавшего как месть ордынцев через два года после Куликовской битвы. Тамерлан шел, разоряя и сжигая все на своем пути. Ему оставалось менее ста километров до Москвы, победа над которой поставила бы вопрос не только о Московском княжестве, но и обо всем будущем Руси, России. Молодой московский князь Василий вышел навстречу непобедимой армии с небольшим войском, чтобы доблестно пасть в битве с врагом. Надежда была только на чудо. И тогда митрополит Киприан послал во Владимир посольство священников за великой святыней Руси – чудотворной иконой Пресвятой Богородицы. В предместье Москвы люди встретили икону и опустились перед ней на колени. Как пишут летописцы, люди просили не о себе, а о спасении земли Русской. Тогда и произошло

то, о чем до сих пор спорят историки. Во сне Тамерлану явилась Божья Матерь и приказала оставить московские пределы. И Тамерлан, уstraшенный этим видением, наутро развернул войска от совершенно беззащитной Москвы и направился на юг, где наголову разбил Тохтамыша, практически освободив тем самым Русь от многовекового ордынского ига.

Существуют многочисленные свидетельства явлений Пресвятой Богородицы русским воинам на фронтах Первой и Второй мировых войн. Для русских православных христиан в этой иконе и поныне воплощена идея молитвенного заступничества и ходатайства Пресвятой Богородицы за наше Отечество. Рассматривать эти явления с точки зрения каких-либо теорий весьма затруднительно, тем не менее какую-то попытку предпримем ниже, в разделе «технология чуда».

Но вернемся, однако, от этих мистических примеров к более понятной, экзистенциальной интерпретации чуда. Возьмем за исходное определение военного чуда то, которое предлагает С.Переслегин: «Будем называть чудом всякое боевое столкновение, исход которого столь сильно отличается от нормального, что это не может быть объяснено с точки зрения статистической гипотезы. Подчеркнём, что речь идёт в данном случае о событиях, скорее невероятных вообще, чем маловероятных»¹⁹.

Достаточно вспомнить, как западноевропейские народы в течение столетий пытались использовать тяжелое положение русских, борющихся против азиатского Востока и Юга для утоления жажды завоеваний на восточных равнинах. В результате в России создалась совершенно особая ситуация: расположенная на незащищенной равнине, она была со всех сторон зажата, изолирована и осаждаема – на востоке, юго-востоке, западе и северо-западе. Это было похоже на «континентальную блокаду»... Русская история развивалась так, что для нее не было никакого выбора: или *надо было сражаться*, или *быть уничтоженными*; вести войну или превратиться в рабов и исчезнуть. Но России каждый раз удавалось возродиться их пепла.

Как полагал В.Розанов, в определенном ракурсе русская история представляется серией катастроф, разрушительная энергия которых, в конечном счете, двигала страну вперед, работала на созидание и развитие. Этот грозный и страшный механизм, «двига-

тель внутреннего сгорания», заложенный в конструкцию России, позволил создать державу континентального масштаба, выстроить собственную цивилизацию.

По сути, речь идет о «механизме» русского чуда, которое не раз являлось на протяжении столетий. Сюда относятся следующие факты: стремительное возвышение Москвы и концентрация вокруг нее земель в ситуации монгольской оккупации Руси; сбор войска под знамена князя Дмитрия и длань Преподобного Сергия; фантастический по размаху бросок в Сибирь русских воинов и первопроходцев; возникновение народного ополчения в период безначалия Смутного времени, которое позволило вышвырнуть интервентов из Кремля; дерзкий альпийский переход Суворова; неожиданный и дикий маневр войск Кутузова, уничтоживший наполеоновскую Европу. Все это суть явления одного порядка. На обугленных скрижалях грандиозного XX в. записаны примеры великих чудес и преображений России. Как из февральских обломков и осколков в ужасных условиях разрухи удалось большевикам вновь восстановить границы Империи? Как обессиленная страна из нэповского застоя смогла перейти в фазу индустриализации и спасительной военной модернизации? Каким образом удалось в считанные недели начала войны перенести промышленность и оборонный комплекс из Центральной России за Урал, а затем остановить наступление дивизий вермахта под Москвой?²⁰ При этом следует учесть, что каждый исторический рывок был чреват для страны и народа гибелью. Однако чудесным, можно сказать, образом кризис преодолевался, выводя страну на новые рубежи внешнего могущества и внутренней силы.

Характерный пример из истории Великой Отечественной войны привел авторитетный американский военный историк Дэвид М.Гланц²¹. Свою фундаментальную работу, беспрецедентную по точности и глубине анализа, признанной классической, он так и назвал «Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии» (М., 2008). Автор показал, как в конце 1942 г. совершилось одно из тех чудес, которым не перестает удивляться мир. Разгромленная, обескровленная, почти полностью уничтоженная Красная Армия словно восстала из мертвых, сначала отбросив вермахт от Москвы, затем разгромив армию Паулюса под Сталинградом, окончательно перехватила стратегическую инициативу в Курской битве, что и предопределило исход войны.

Еще пример. Запад всеми силами пытается забыть о блокадном Ленинграде, настолько всё случившееся поражает человеческое воображение, мозг отказывается верить в то, что человеческие существа способны на такие подвиги без вмешательства божественных сил. 250 граммов хлеба с древесными опилками в день для работающих физически, 125 – остальным. Учёные утверждают, что от такого питания к весне 1942 г. город должен был вымереть полностью. Но он не только не вымер, но заводы производили вооружение, рабочее ополчение не отступало ни на шаг, умирающие от голода актёры давали концерты и играли на сцене, падающие от голода люди сбрасывали «зажигалки» с крыш. И так три года. Из 2 млн. населения к концу Блокады осталось чуть более 500 тысяч, но даже речи не было о том, чтобы сдаться. Люди, отправлявшие грузы в Ленинград, вспоминают: «Мы грузили муку для ленинградцев, у самих дети сильно голодали, часто никакой охраны вообще не было, но даже мысли не было что-то себе взять». «Отправляли хлеб, никто ничего не взял, даже в голову не пришло». Те самые вчерашние крестьяне, которые когда-то прятали хлеб. И это было обыденностью²².

Но и «мирное» время, например, период индустриализации, было периодом трудных, порой жестоких испытаний. По своему запредельному напряжению оно немногим отличалось от войны. В условиях враждебного окружения проводить индустриализацию, рассчитывая только на свои силы и средства, до сих пор не удавалось никому. Достаточно вспомнить, что рост промышленного производства в СССР к 1938 г. по сравнению с 1913 г. составил 908 %. Рациональный ум не в силах понять, откуда бралось столько сил и решимости жертвовать собой.

После Великой Отечественной войны – восстановление страны в кратчайшие сроки, создание ядерного комплекса, прорыв в космос – все это также иначе как чудом не назовешь!

Таким образом, России не раз в истории приходилось выбираться из ситуаций, совершенно исключительных и безнадежных, демонстрируя способность возрождаться после поражений и катастроф. Готовность к молниеносной мобилизации, непреклонный стоицизм перед лицом опасности, героическое воодушевление и жертвенность в деле отстаивания своих идеалов были присущи народу в полной мере. Наиболее сильно и в полной мере эти черты

проявлялись в момент внешней угрозы и в периоды внутренней смуты. Как будто в народе сидит и ждет своего часа особый засадный полк, готовый в самый важный момент выдвинуться на передние рубежи, удвоить, утроить натиск, нанести решающий победный удар. Неслучайно в середине 1950-х гг. потрясающие достижения нашей державы за рубежом так и называли «русское чудо». А в 1963 г. немецкие кинематографисты назвали свой обошедший все экраны мира фильм «Русское чудо».

«Технология» чуда

Встречаясь с проявлением чуда, мы сталкиваемся с проблемой чрезвычайной важности. Если чудо есть событие невероятное, то, как же оно происходит? Здесь даже ссылки на Бога не помогают. Ответ может быть только один: то, что невероятно в одной реальности, является вполне вероятным в другой. А значит, чудо есть вторжение иной, несуществующей для нас реальности в привычный, живущий по своим законам человеческий мир. Чудо по сути – это слом старой реальности и рождение новой, установление связи между несопряжёнными мирами мультиверсума²³. Чудо есть начало нового мира, воспринимаемое человеком как начало новой истории привычного ему мира. Несуществующая для нас, но обладающая собственным бытием реальность, вторгшаяся в привычный мир и изменившая его, собственно, и есть чудо.

Что представляет собой эта новая реальность и каким образом становится возможным ее вторжением в наш мир? На сегодняшний день различными науками – от антропологии до синергетики, от квантовой физики до психологии – накоплено достаточно экспериментальных доказательств, что это происходит посредством субъекта, его психики, сознания в широком смысле этого слова, включающего и сверхсознание, и подсознание. Сознание обладает удивительным свойством сопрягать миры, материализовать несуществующее в силу того, что человек, согласно новейшим научным данным, представляет собой сложную многоуровневую энергоинформационную структуру, в которой постоянно идет энергообмен внешней (космос) и внутренней сред. Человек настолько вписан в структуру пространства, что процессы внутренней эволюции ор-

ганизма человека, его жизнедеятельности подчиняются законом, по которым устроена и эволюционирует планета Земля. О том, что все окружающее нас пространство образует информационное поле, еще в апреле 1982 г. академик М.А.Марков докладывал на Президиуме АН СССР. Он подчеркнул, что информационное поле Вселенной является не только хранителем информации, но и регулятором в судьбах людей и человечества.

Российские ученые внесли свой вклад в создание нового взгляда на Мироздание, предположив, что за пределами физического мира существует еще более сложно организованный волновой мир. Иными словами, все, что имеет место быть в этом мире, есть одновременно и материальная, и волновая структура. Именно волновая функция (её синоним – Дух в ненаучной системе понятий) управляет материальным миром, который без нее оставался бы мертвым. Теоретические доказательства были затем экспериментально подтверждены. Учеными были разработаны жидкокристаллические датчики, которые фиксируют волновые функции. Каждая такая функция – это носитель сущности, которая, как выяснилось, организована куда более сложно, чем физический мир, и потому управляет нашим миром. Эти волновые сущности были названы учеными электронными «матрицами».

Информационный контур, связанный каким-то образом с нейросоматическим и нейрогенетическим контурами человека, о которых речь шла в предыдущем параграфе, замыкает на себе потоки энергии и получает возможность целенаправленно перестраивать, т. е. менять конфигурацию бытия, объективный мир, который есть не что иное, как доступная человеку часть мультиверсума. Иллюстрацией этого положения может быть пример чудесного освобождения Москвы от Тамерлана и другие подобные явления.

В идущих от древности пластах родовой памяти вера в Бога, волхование, магия были способами воздействия сознания на реальность. Это были своего рода способы воздействия информационной субъективной компоненты мира на его материальную составляющую, воспринимаемую как обыденность, что в конечном счёте представляет собой особый тип технологий, где всё зиждется на особых способностях и знаниях человека, раскрытии его потенциала. В этом смысле святоотеческий подход к чуду как к результату особого душевного настроя, духовного подвижничества и

святости, не противостоит пониманию чуда как результата применения особых «технологий», но подводит незыблемую духовную основу под это.

Что касается разработанных Лосевым и Переслегиным теорий, которые, исходя из разных концептуальных оснований, но дополняя друг друга, хотя и не являются исчерпывающими и всеобъемлющими, тем не менее дают некие методологические подходы для понимания сложной социальной системы, каковой является Россия в ее ключевых, судьбоносных моментах. Но самое главное – помогают увидеть «технологии» чуда, так необходимую России в современной непростой ситуации, с тем чтобы понять, какие «командующие» и каким образом на всех главных направлениях созидательного строительства способны осуществить жизненно необходимые преобразования.

Для наглядности приведем некоторые примеры из военной области, где все проявляется особенно выпукло и ясно. Уже упомянутый Гланц в общих чертах раскрыл технологию «русского чуда». Он развенчал многие мифы как в немецкой, так и американской историографии и неопровержимо доказал, что решающая победа над Германией была одержана именно на Восточном фронте и стала отнюдь не случайной; что исход войны решили не «генералы Грязь и Мороз», не глупость и некомпетентность Гитлера (который на самом деле был выдающимся нацистским стратегом), а мужество, самоотверженность и стойкость русского солдата, а также возросшее мастерство советского командования.

Мужество, самоотверженность и стойкость – это ставшие как бы привычными слова, над которыми мы не очень задумываемся. Но ведь именно они выражают те свойства, которые, по Лосеву, могут иметь разные степени полноты воплощения, достигая своей предельной черты, когда человек ставит на кон свою жизнь и делает свой ценностный выбор. Это есть момент высшего проявления человеческой личности, совпадение ее с идеалом, именно тогда и случается чудо.

Чтобы выжить в пограничных, экстремальных условиях, народ *вынужден* был творить «чудеса». В такие моменты словно какая-то волна входила в состояние резонанса в душах всего народа, и вчерашние обычные, скромные, ничем не примечательные

люди становились героями самой высшей пробы. Когда накапливалась критическая масса людей, входящих в «состояние героя», начиналась цепная реакция.

Объяснить это непротиворечиво, рационально можно только одним способом: понять, что русский народ может находиться в двух стабильных психологических состояниях – «серой массы» и «героя», переход между которыми может происходить незаметно и молниеносно. Это напоминает квантовые состояния атома, в которых он может находиться и которые являются по сути уровнями духовной энергии. Состояние героя сопровождается сильнейшей генерацией духовной энергии. Именно сила Духа не раз спасала страну и жизнь тех, кто остался в живых. Характерным признаком состояния духовной активности является сильнейший энергетический подъём, который в качестве награды даёт неопишное ощущение высшего счастья.

Кстати говоря, в погоне за подобным состоянием адепты религий и психотехник проводят долгие годы, разыскивая Учителей и мечтая о Просветлении. А здесь под влиянием длительных неблагоприятных обстоятельств такой древней, невероятной силы психотехникой овладел практически целый народ, и всё это происходит почти мгновенно. По большому счету, это вообще никакая не психотехника, а особое состояние Духа, при котором происходит как бы настройка человеческих душ на героическую волну и в результате возникает чудо. Все эти качества были включены в том числе и в стратегию советского командования, они были ее основой и движущей силой. Без них такая стратегия была бы просто невозможна.

Таким образом, главным ключом «возросшего мастерства» советского командования и соответственно стратегического военного чуда было доминирование субъективных факторов над объективными, в основе которого была заложена логика невозможного, включавшая в себя не только рациональные, но и иррациональные моменты. В этой логике невозможного речь идет по сути об индукции некоего подобия безумия. Сторона, дерзнувшая подготовить и осуществить невозможную операцию, должна быть чуть-чуть (или не чуть-чуть) «не в себе» с точки зрения обыденного здравого смысла. Здесь главная роль отводится не разуму, а бессознательному, таящему в себе неисчерпаемые запасы энергии. Немцы стол-

кнулись с неукротимым потоком энергии, способным преодолеть любые трудности и препятствия, т. е. с неким подобием сумасшествия, которое и в самом деле заразительно, а также с яростной, почти религиозной верой в неизбежность чуда. В чуде, как отмечал Лосев, возрождается память веков и обнаруживается вечность прошедшего, неизбывная и всегдашняя²⁴.

Контрнаступление советских войск под Москвой и Сталинградом, упреждающий удар на Курской дуге, операция «Багратион» в Белоруссии – все это было для немцев словно гром с ясного неба, настолько неожиданными они оказались. Хотя объективно в указанных сражениях внезапности не было, субъективно она была достигнута в полной мере: обороняющийся оказался психологически не готов к длительному сопротивлению и принял в качестве истинной ту картину мира, которую построил для него наступающий. Другими словами, не только советские войска должны были поверить, что они сильнее и способны выиграть, но и немцы вынуждены согласиться с тем, что проиграли. Их уравновешенное мировоззрение оказалось бессильным против такой веры. Как пишет Переслегин, «и с этой точки зрения мы должны признать правоту Ф.Фоша: “Выигранная битва – это та битва, в которой вы не знаете себя побежденным”»²⁵.

Эти слова с полным правом можно отнести к выдающимся советским командирам. Примечательно в этой связи высказывание генерала Эйзенхауэра: «Я восхищен полководческим дарованием Жукова и его качествами как человека... Я и мои генералы, буквально затаив дыхание, следили за победным маршем Советских войск под командованием Жукова на Берлин. Мы знали, что Жуков шутить не любит. Если уж он поставил цель сокрушить главную цитадель фашизма в самом сердце Германии, он это непременно сделает»²⁶.

Можно привести еще один яркий военный пример из более ранней истории России – суворовских походов. Замечательным эпизодом швейцарского похода Суворова был известный штурм Чертова моста. Когда русские войска подошли к Чертову мосту в Швейцарии, то обнаружилось, что штурмовать его нельзя: в явном меньшинстве, без снабжения, без конницы, практически без артиллерии войска Суворова не имели шансов на успех в борьбе с французами, т. е. не было ни сил, ни средств, ни боевого духа. Несмотря на это, Суворов пришел к своим генералам и офицерам

и сказал, что штурм состоится. Те решили, что Александр Васильевич *не в себе*. То же самое было, когда он пошел к солдатам. Тогда Суворов предложил им сдаться французам, но только через его труп. Дальше история известна: русские атаковали Чертов мост, что само по себе было безрассудством. Солдаты, в которых Суворов стремился пробуждать чувство национального самосознания и любви к Родине, сражались настолько яростно, с таким невероятным мужеством, что, по свидетельствам очевидцев, потеряв в бою оружие, хватались за камни или бежали на противника с одними ножами. Французы, прекрасно вооруженные и обладавшие численным превосходством, были разбиты. Недаром французский генерал Массена со временем скажет, что все свои победы – а их у него было немало – он отдаст за один швейцарский поход Суворова, за 17 дней беспримерного военного подвига²⁷. Эта битва не только для нашей страны, но и для всего мира стала символом духа русского солдата.

Однако западные комментаторы, как правило, склонны объяснять героические поступки людей, таинство русской души, ее духовность исключительно сумасшествием или «дуростью» (как считал последний немецкий император Вильгельм II) только потому, что не в состоянии понять и объяснить поступки «ненормальных» русских. А объяснить не могут потому, что не могут принять то, что определяет сознание русских. Ведь в западном сознании понятие «подвиг» давно уже утрачено и заменено понятием «успех».

На приведенных выше военных примерах можно наглядно увидеть условия, контуры и механизмы «технологии» чуда. Сегодня соответствующие условия в стране налицо: против российского государства разворачивается масштабная, жесткая, целенаправленная борьба со стороны внешних и внутренних сил, а самой России уже нет места в старом мире. И остается только один выход: отчаянно рвануться вперед, совершить чудо, т. е. актуализировать субъективный фактор – колоссальные внутренние возможности человека, как это всегда происходило в годы великих испытаний. Но как раз это последнее и представляет проблему, если вспомнить одно из метких замечаний последних лет: они знали, за что умирали, а ты даже не знаешь, зачем живешь. Немалая заслуга в этом принадлежит явным и неявным врагам России, о которых речь пойдет ниже.

Враги явные и неявные

Несмотря на то, что Россия, пережив огромное количество войн, неизменно демонстрировала военное чудо и решимость к победе, мир по-прежнему рассматривает Россию как объект для тотального сокрушительного удара. Уже вполне открыто пишутся книги с названием вроде «Мир без России». Президент Дж.Буш в 2002 г. назвал Россию одной из враждебных стран и санкционировал расширение НАТО на восток, к границам страны. З.Бжезинский называет Россию «главным геополитическим призом для Америки», а пока что – «черной дырой» «между расширяющейся Европой и приобретающим влияние на региональном уровне Китаем». Он цинично замечает, что «потеря территорий не является главной проблемой для России», так как «Россия геополитически нейтрализована и исторически презираема»²⁸. Кандидат в президенты США Митт Ромни в интервью CNN (27 марта 2012 г.) назвал Россию главным противником США и подтвердил это позднее во время предвыборной кампании. Очень откровенно высказался на этот счет и старейшина американской дипломатии, считающийся почему-то «голубем», Генри Киссинджер, который, оценивая итоги военной кампании на Ближнем Востоке, заявил еще в ноябре 2011 г.: «Если вы не слышите, как гремят барабаны войны, вы, должно быть, глухие... Мы позволили Китаю увеличить свою военную мощь, дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали им ложное чувство превосходства, но все это вместе быстрее приведет их к гибели. Мы сказали военным, что должны будем занять семь ближневосточных стран, чтобы овладеть их ресурсами, и они почти закончили свою работу... Соединенные Штаты минимизируют Китай и Россию, и последним гвоздем в их гроб будет Иран... Грядущая война будет настолько серьезной, что только одна сверхдержава может выиграть, и это будет глобальное правительство, которое выигрывает. Соединенные Штаты имеют лучшее оружие, которого не имеет никакой другой народ, и мы покажем это оружие миру, когда придет нужное время»²⁹. Пережив неисчислимые бедствия и понеся огромные потери в войнах, наш народ особенно чувствительно относится к угрозе войны и поэтому готов был идти на любые жертвы, самоограничения и самопожертвование,

«лишь бы не было войны» (фраза, в постсоветское время часто подвергавшаяся издевательскому осмеянию). На этом страхе перед врагом и войной и спекулировали американцы во время «холодной войны», поставив Советский Союз перед необходимостью пойти на колоссальные военные расходы как вынужденный ответ на агрессивные намерения Запада, что в значительной мере разорило СССР и в последующем привело его к краху.

Между тем философия так и не создала основательного труда, посвященного проблеме врага. Психология также не уделила этой проблеме должного внимания. Основная заслуга в теоретической разработке проблемы врага принадлежит немецкому политологу и юристу К.Шмитту. В работе «Понятие политического» он обосновал необходимость разграничения между «другом» и «врагом», считая это политическим императивом истории³⁰. В реальности политическое разделение на «наших» и «ненаших» существовало при всех политических режимах во все времена и у всех народов. Без такого разграничения, по мнению политолога, ни одно государство, ни один народ, ни одна нация не смогли бы сохранить своего особенного лица, не смогли бы иметь своего собственного пути, своей собственной истории. Это обусловлено тем, что понятие «друг-враг» имеет глубокие корни в истории человечества. В традициях народов тысячелетиями живут так называемые бинарные оппозиции: друг-враг, свой-чужой, добро-зло, жизнь-смерть и т. д., хранящие память о самой архаичной классификационной схеме, с помощью которой человек осваивал окружающий мир. Важнейшей из них является «друг-враг», поскольку эта оппозиция, к сожалению, до сих пор определяет главную линию взаимоотношений народов на планете.

В генетической памяти русского народа понятие «враг» имеет особое значение, так как история России – это история войн, оборонительных главным образом. Наличие врага всегда было мощным детонатором духовной и физической активности, поскольку его образ всегда очень эмоционально окрашен и поэтому оказывает более быстрое и глубокое воздействие на людей. Вокруг него организуется коллективная воля народа. Конкретное же наполнение «образа врага» подчинено исторической и политической детерминации и зависит от характера эпохи, но функция остается неизменной.

Эту трагическую линию взаимоотношений народов на планете и зафиксировал К.Шмитт. Категория «враг» связана у него с категорией «реальная опасность», под которой понимается в основном война. «Реальная опасность» – не юридическое, не общественно-научное понятие, это пограничное понятие, имеющее отношение к исключительной ситуации. «Реальная опасность» не допускает долгих дебатов, компромиссов и промедлений, она требует немедленного решения и тем самым реализации фактической власти и силы. Другими словами, речь идет о принятии авторитарных решений, направленных на установление твердого порядка. Определение врага – суверенный акт, не подлежащий обсуждению.

Следует отметить еще важный момент в концепции К.Шмита. Он считает, что фундаментальность пары «друг–враг» для политического бытия состоит в том, что при выборе в рамках этой пары решается глубинная экзистенциальная проблема, так как теоретически предполагаемая возможность войны ставит проблему «жизни и смерти». В этой связи К.Шмитт критиковал парламентаризм и либерализм за их неспособность определить действительного врага как такового, что не позволяет в «исключительных обстоятельствах» соединить множество разнородных органических факторов, относящихся как к традиции, историческому прошлому, так и к героическому преодолению, страстному порыву, внезапному проявлению глубинных экзистенциальных энергий. Как показал Шмитт, политик, рассуждающий в категориях «враг» – «друг» с ясным осознанием смысла этого выбора, оперирует тем самым экзистенциальными категориями, что придает его решениям, поступкам и заявлениям качество *реальности, ответственности и серьезности*. Этих качеств лишены все утопические гуманистические и либеральные абстракции, превращающие драму жизни и смерти в войне в одномерную химерическую декорацию, в которой нет места победе и выживанию народа.

К.Шмитт убежден в том, что пара «враг» – «друг», являющаяся и внешне-, и внутреннеполитической необходимостью для существования политически полноценного общества, должна быть холодно принята и осознана, в противном случае «врагами» станут все, а «друзьями» никто. Это есть, убежден политолог, политический императив истории, и, похоже, современная реальность в полной мере подтверждает его правоту. Однако если в России в

1990-е гг. под флагом благостного «стремления» к миру во имя всего человечества и заявления о том, что у России нет врагов, был совершен радикальный отказ от базовых стратегических интересов и позиций нашей страны со всеми вытекающими отсюда последствиями, то совсем иначе дело обстояло на Западе. Образ нового врага создан З.Бжезинским и С.Хантингтоном, которые формулируют политику США и ЦРУ. Уже в середине 1990-х гг. Хантингтон полагал, что люди Европы и Штатов нуждаются в том, чтобы кого-то ненавидеть – это помогло бы им отождествлять себя со своим обществом.

Предыстория создания образа нового врага началась с середины 1960-х гг., когда США осознали, что их стратегический противник достиг уровня ядерной мощи, достаточного для причинения «неприемлемого ущерба». В Америке тогда начались лихорадочные поиски альтернативных сценариев воздействия на Советский Союз с целью нанесения ему поражения без угрозы развязывания новой мировой войны, т. е. «небоевыми» (в традиционном понимании) средствами. Таким образом, «ядерный тупик» открыл новую страницу в развитии военного искусства. Поскольку явная, «горячая» мировая война стала неприемлемой, ей на смену пришла новая форма войны – «холодная», проявлявшаяся в «конфликтах низкой интенсивности» и тайных операциях.

Руководители Советского Союза в свое время не поняли значение эпохальных изменений в методах ведения войны. Неудивительно поэтому, что наличие многочисленных вооруженных сил, оснащенных самым современным и эффективным стратегическим ядерным оружием, не спасло СССР от поражения в «холодной войне», так как угрозы, которые привели к его распаду, пришли совершенно из иной – небоевой, в традиционном понимании этого слова, – сферы³¹.

По мнению американских теоретиков войны нового типа, могущество приходит сегодня из другого источника, используется по-другому и способно вызывать эффекты, которых не было никогда раньше³². В Докладе Министерства обороны США Конгрессу «Сетецентричное военное искусство» от 27 июля 2001 г., в работе «Реализация сетецентричного военного искусства», изданной Департаментом преобразования войск в 2005 г., а также в ряде монографий американских военачальников и экспертов были сформулированы ключевые положения концепции «сетевых войн».

Американские стратеги пришли к выводу о важности понятия «сети» как парадигмы возникновения социальных связей в новых условиях информационного общества.

На смену иерархической логике, считают адепты «сетевых войн», идет логика самоорганизующихся нелинейных, принципиально не структурируемых систем. С одной стороны, у таких систем отсутствует «ядро», то есть четко выраженный «центр», с другой стороны, предполагается, что любая ячейка такого множества может при определенных обстоятельствах взять на себя функцию «центра» (метафора «клубня»).

В настоящее время разработчики теории «сетевых войн» фактически отождествляют трансляцию на другие народы собственного «культурного кода», мировоззрения, системы ценностей с самой сущностью современной войны. Это – фундаментальный тезис, согласно которому сегодня война с использованием оружия (от примитивного до самого совершенного) трансформировалась в войну идей, а сами идеи превратились в единственное по-настоящему эффективное оружие³³.

Многие «сетевые гипотезы» впервые были апробированы еще во второй половине XX в. Одним из наиболее характерных примеров является создание на территории Афганистана спецслужбами США и Пакистана таких террористических организаций, как «Аль-Каида» (al-Qaida network) и «Талибан», служивших первоначально инструментом глобального противоборства с Советским Союзом. Эти террористические структуры формировались по лекалам американских «мозговых центров» в соответствии с сетевыми принципами («паучья сеть», «пчелиный рой», «клубень»). Управленческая пирамида этих террористических группировок изначально была чрезвычайно гибкой, входящие в нее отдельные «ячейки» могли действовать почти автономно, отличались большой живучестью, способностью приспосабливаться к изменяющейся общественно-политической обстановке³⁴.

Новый порядок управления современной международной глобальной политической реальностью состоит в комбинации потрясений – демонстративных убийств, непонятных зверств, упакованных в политическую форму и превращенных в события для мирового информационного поля. Обычно такого рода пусковые, стартовые кризисы становятся началом возможного внешнего вме-

шательства. Для описания и моделирования того, как в сетевых условиях должны вестись войны, американские эксперты разработали концепцию операций, названных «effects-based operations» (ЕВО). Операции данного типа могут проводиться в любое время и в любой пространственной точке; они считаются краеугольным камнем и основной формой ведения «сетевых войн» и определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны» (sets of actions directed at shaping the behavior of friends, neutrals, and foes in peace, crisis, and war)³⁵.

Что касается России, то, пожалуй, стоит последовать совету социолога О.Крыштановской, которая выступает против застенчивости в нашей политике, за большую определенность в ней и призывает называть вещи своими именами. В самом деле, уже давно всем ясно, что все эти разговоры про «победу демократии», «крушение тоталитаризма», «безальтернативность реформ», «приоритет общечеловеческих ценностей», «гармоничное вхождение России в мировую экономику и международные структуры», «свободу слова», мягко говоря, не отражают действительной сути происходящих процессов. В реальности же российской государственности объявлена война, которая ведется пока в основном тайно, но не знает никаких ограничений в выборе сил и средств.

История предупреждает об опасностях и свидетельствует о том, что у России **всегда** были враги, желавшие ее уничтожить. Попытки же некоторых политиков внушить народу, что у России нет врагов, с точки зрения истории можно определить как происки этих самых врагов, которые сегодня пытаются заставить стыдиться любой национальной сильной государственности в принципе, объявляя ее тоталитарной.

В связи с этим ведется активная атака в отношении исторического сознания нашего народа, которому таким образом дают понять, что сильная государственность – это аналог тирании и преступления. Поэтому она не должна быть предметом гордости, от нее следует отказаться как от чего-то преступного и перестать быть патриотом. Именно поэтому враги так не хотят, чтобы мы понимали историю, помнили ее, обращались к ней, ибо связь с нашей историей – это связь с нашей государственностью. Если разорвать эту связь, то оборвется нить исторического существования наше-

го Отечества. А если вспомнить, что граждане России составляют 2 % населения планеты, а владеют 40 % ее ресурсов, то все становится предельно ясным.

Убедившись на историческом опыте, что уничтожение русских извне, войнами, вторжениями, ордами невозможно, «мировое сообщество» все силы, средства, технологии бросило на закулисные игры, на тайные операции против СССР и России.

Критерием прежней, традиционной войны всегда считались *средства* ее ведения. То есть, если применяются огневые средства – это война, если нет – следовательно, это мир. Постсоветская Россия столкнулась с продолжением этой войны в тайной, тщательно скрываемой форме, ведущей к исчезновению границы между состоянием войны и мира, что оказалось непривычным и очень опасным для российской государственности.

В настоящее время критерием войны являются не средства, а ***достигнутые цели***, сопоставимые с теми, которые обычно преследуются в ходе традиционной войны. Сегодня эти цели эффективно достигаются без применения оружия. Если к неявной войне применить критерий достигнутых целей, то перед нами предстанет довольно зловещая картина. Здесь есть все то, о чем мог мечтать Гитлер, предпринимая вооруженную агрессию против нашей страны. Цели же абсолютно идентичны: уничтожение СССР (России), разграбление национальных богатств, смена режима, оккупация политического, экономического и информационного пространства.

Сутью неявной войны является именно тайна – сокрытие собственного существования: ведь нельзя организовать оборону от того, что не существует. Новейшая неявная война использует широчайший диапазон средств: подписание обманных договоров, утечку нужной информации, проталкивание на руководящие посты агентов влияния, вбрасывание компромата против соперников, контроль над СМИ, навязывание ложных направлений научного исследования и дискредитацию правильных направлений; формирование системы образования, научной и культурной среды с целью изменения идеологических ценностей, влияние на терминологию и даже на языковые нормы, дирижирование движениями протеста и выступлениями деструктивных сект, создание «пятых колонн», манипуляцию внутренней оппозицией, поддержку диссидентов и перебежчиков, политические убийства и перевороты³⁶.

Важное место в этом арсенале занимает разработка и последующий вброс опасных мировоззренческих и идеологических концептов. Так, например, россияне все время пытаются ввести в заблуждение и поймать в капкан двух ложных стратегий. Первая состоит в том, что Россия будто бы должна вписаться в существующий мир, «интегрироваться в мировое сообщество» *любой ценой*. Очень многие в нашей стране такую позицию не разделяют. И поэтому их пытаются загнать в другую ловушку – в людях разжигают самый примитивный, племенной национализм.

Если Россия попадет в первый капкан, то очень скоро перестанет быть страной с тысячелетней традицией, а ее коренное население уменьшится в несколько раз. Если же двинется по второму пути, то ее легко спровоцируют на серию «локальных» конфликтов, которые окончательно добьют страну³⁷.

Сегодня контуры неявной войны становятся все яснее. Из России по-прежнему уходят колоссальные средства, народ по-прежнему во всех смыслах разоружается, деградирует, его численность стремительно сокращается. Из логики современных событий следует, что к самым страшным последствиям приводит не реалистическое признание качественной специфики политического существования народа, за которое ратовал К.Шмитт и которое всегда предполагает деление на «врагов» и «друзей», а стремление к втискиванию наций и государств в клетки утопических концепций «единого и однородного человечества», лишеного всяких органических и исторических различий.

Средствами неявной войны идет методичное строительство Нового мирового порядка. Как видно из книг немецкого политика и ученого А. фон Бюлова, швейцарского историка Д.Гансера и др., мировая закулиса еще в годы «холодной войны» под предлогом «борьбы с коммунизмом» создала уникальные и бесконтрольные структуры тайной власти и теперь эти структуры способны, наконец, установить Новый мировой порядок.

Смысл всех враждебных действий нового, неявного типа сегодня сводится к одному – лишить будущего целые народы и общества, уничтожив вековые духовные традиции. Участь побежденных в этой борьбе трагична: они должны быть навсегда вычеркнуты из мировой истории как неудачная версия, как тупиковое направление. В борьбе за будущее умение и желание ясно видеть

противника является главным условием успеха. Но именно его не видит или не хочет видеть российская элита, подверженная влиянию западничества и в массе своей состоящая из так называемых «западников»³⁸.

Западнические настроения зарождались в России в результате всемирной экспансии западноевропейской цивилизации и при близком соприкосновении с Западом. Начало этому было положено еще в 1602 г., когда в Лондон прибыли на учебу несколько отпрысков знатных родов – «робяты» (как они именовались в документах того времени). Сделав там завидную карьеру, впитав западный образ жизни, они вели себя гордо и заносчиво, отвергая все призывы вернуться домой. Впрочем, дальнейшая их судьба каким-то непонятным, мистическим образом оказалась печальной.

Большое количество западников появилось в петровское время, и в последующей истории они были достаточно влиятельным слоем. Им было свойственно бездумное, беспечное, даже развязное пренебрежение к родным традициям, к своей Родине в целом, легкомысленное устремление к Западу как источнику всякого блага и всего привлекательного и забвение того, что именно Запад инициировал многие бедствия и войны против России. Подобного западничества нет нигде в мире: Китай, например, смотрит на всех с высоты своей 6–7-тысячелетней империи, которая разваливалась и снова создавалась, но при этом все остальные для него – просто карлики. Американцы обуреваемы идеей пятого или шестого Рима. А постсоветская Россия, встав на путь вестернизации, отмечала свое двадцатилетие как великое достижение.

Российские западники – особое явление в истории культуры, нигде более не наблюдающееся. А.С.Хомяков отмечает, что в своем западничестве мы, русские, просто уникальны. Беспредельность этого явления очень огорчала и историка С.Соловьева, который отнюдь не был склонен к наивному русофильству. В 1844 г. он не сдержался и написал М.П.Погодину: «Скажите мне, господа цивилизованные европейцы, почему вы, замечая с таким тщанием все полезное и бесполезное на Западе, до сих пор не заметили одно – того, что здесь каждый народ гордится своей народностью, любит и хвалит ее, отчего одни русские лишены права делать то же? Кто из нас более европейцы – вы ли разнитесь с ними в самом существенном, или мы, подражающие им в этом... Зачем вы не хотите

позволить нам также показать парижский тон, ставить свое и своих выше всего на свете, как то водится в парижском обществе?... У меня есть доказательство моего европеизма: когда я говорю с европейцем, хвалю, защищаю Россию, то он понимает меня, находит это естественным, ибо сам поступает так же в отношении к своему отечеству, вас не понимает он, считает уродами, презирает»³⁹.

В историческом плане появление слоя «западников» – результат поспешного создания европейски образованного слоя, когда перенапряженная и оглушенная войнами Россия осознала, что войны стали причиной ее отсталости, лишений и упущений. Она увидела свои социальные раны и опасности и стала создавать у себя в *срочном порядке* это сословие, которое в силу обстоятельств встало в позу послушного ученика и последователя западного стиля жизни и мышления. Но при этом в данном сословии начались процессы ментальной мутации, трансформации, вырождения, которые были унаследованы последующими поколениями «западников». С цивилизационной точки зрения это можно рассматривать как результат давления более развитой в материальном смысле цивилизации на менее развитую при неравенстве условий развития. Исторические этапы такого давления обнаруживают движение российского государства от все большего ограничения целей страны и их трансформации до полной утраты смыслового горизонта развития, что и наблюдается в современной России. В духовном плане «западничество» отделяло государство от нации.

В этой связи необходимо вспомнить и о ситуации в российской философии, которая всегда находилась под влиянием Запада в такой степени, что это дало повод В.В.Розанову в свое время (XIX в.) заявить о том, что у нас германская философия становилась мировоззрением людей и определяла все их жизненные взгляды и отношения, тогда как в других странах она, если и входила в убеждения людей, то всего лишь в ряду многих других ей чуждых идей и была скорее известна, нежели влиятельна. Причину такого положения Розанов видит в том, что «мы не уважали себя. Суть Руси, что она не уважает себя»⁴⁰. А не уважали себя потому, что Россия – сильно *травмированное* общество, которое всегда жило на пределе возможностей.

Сегодня травматизация общества достигла небывалых масштабов, свидетельствующих о том, что Россия не справляется с вызовами времени. В современной российской философии это

трансформировалось в почти полную ее вестернизацию, по крайней мере в лице ее ведущих представителей. И, кажется, не все отдадут себе отчет в своей всепоглощающей увлеченности и включенности в западное мышление. В основе этой добровольной вестернизации, как представляется, лежит некий не вполне осознаваемый комплекс неполноценности, выражающийся в чувстве собственной ущербности как представителей российской философии и, соответственно, уверенности в превосходстве западного философствования над собственным духовным и культурным наследием. Ведь с точки зрения европейской рациональной традиции, русская философия как бы и не существует. А две с половиной тысячи лет европейской мысли выглядят Голиафом в сравнении с российскими анналами разума. Интеллектуальный опыт Запада в наши дни действительно достиг своей вершины, но возникает вопрос: как оценить этот успех западной цивилизации с позиции вечности, истинности, выявления своего предназначения, к которым и должна апеллировать философия?

Следует также добавить, что свойственное современным «западникам» чрезмерное высокомерие в свою очередь свидетельствует о внутренне нарушенном чувстве собственного достоинства. Этот комплекс захватывает человека только тогда, когда происходит отказ от самого себя, от согласия с самим собой, собственным наследием, государством и родиной. Тогда он упрямо будет следовать за Западом, чтобы не отстать, стремясь преодолеть комплекс неполноценности в индивидуальном порядке и с эгоистическими целями – повысить свой личный статус и улучшить материальное положение. Он думает о том, как блистательно осуществит себя в мире, проявляя амбицию, тщеславие, но все это будет лишь компенсацией ощущаемой им своей ущербности⁴¹.

Важно отметить, что среди «западников», которые, возможно, слишком увлекаются западным образом мысли и стилем жизни, есть и откровенная «пятая колонна». Термин этот все плотнее входит в современный политический лексикон. Рожденный в далекие 1930-е гг. во время гражданской войны в Испании⁴², он переживает неожиданный ренессанс, наполняется новым и актуальным содержанием. «Пятая колонна» не существует сама по себе, она всегда действует в чьих-то интересах. Но именно это

обстоятельство и делает проблему «пятой колонны» табуированной. Кажется, делается все, чтобы эта проблематика не выходила на теоретический уровень.

При всей специфичности данного вопроса, с которым имеет дело научное знание, здесь тоже могут быть выявлены некоторые тенденции, закономерности. Прежде всего надо отметить, что в неясной войне, ведущейся против России, «пятая колонна» играет решающую роль. Как отмечает Ю.Петухов, «правда и в том, что ни одна держава мира никогда в истории не имела столь мощной, столь наглой “пятой колонны”, сеявшей на протяжении последних пятидесяти лет ненависть и презрение к России»⁴³. Именно она и имеет прямое отношение к неясной войне, которая ведется в сфере экономики (финансовая агрессия) и идеологии (борьба за контроль над массовым сознанием с помощью так называемого конценциального оружия).

В связи с этим все большее количество мыслителей на Востоке и Западе признает наличие единого могущественного теневого центра власти, который имеет неоспоримое влияние на политику США, большинства стран Европы и России. Не видеть этого сегодня по меньшей мере странно. Как удачно кто-то заметил: можно сколько угодно потешаться над сторонниками «теории заговора», выставляя их жалкими маргиналами. Но ведь лучше быть проницательным маргиналом, чем уважаемым ослом.

Чтобы ответить на вопрос, возможен ли мировой заговор, достаточно отметить следующее. Точное распознавание элементов такого часто бывает затруднено, поскольку в этом процессе складываются воедино две составляющие: стихийная и преднамеренная (организованная). Первая состоит в том, что общество в результате неясной войны, лишённое истинного знания, неизбежно ступает на путь деградации, самоуверенно полагая при этом, что идет по пути «прогресса». Преднамеренная же составляющая заключается в том, что эта «естественная» деградация-энтропия сознательно поощряется и легализуется в виде «нормы» той денежной силой, которая стремится к господству над миром, поскольку «расчеловеченным» человечеством проще управлять при помощи его материальных потребностей. Это ее важный стратегический принцип, который она стремится распространить на весь мир как условие своего самосохранения.

Сложением этих двух составляющих и обеспечивается успех заговора: его движущая сила поработает человечество не столько откровенным насилием, сколько поощрением и «освящением» безответственной свободы человека. Сила, ставящая себе цель мирового господства, часто направляет внимание своих противников на ложные цели, чтобы затем высмеивать их как «свихнувшихся», то есть тратит немало усилий для сокрытия собственного существования. Разумеется, «мировая закулиса» не в состоянии контролировать жизнь во всем множестве ее хаотичных проявлений, но она стремится взять под контроль властные, информационные и экономические структуры государств в их ключевых точках – и таким способом контролировать главные процессы через контроль над потребностями людей⁴⁴.

Наличие этой мощной тени позволяло «западникам» в постсоветское время усиленно внушать народу, что врагов у России нет, тем самым усыпляя и деморализуя его сознание. Ю.Петухов подчеркивает: «Население не знает, что идет Третья мировая война, что она вступила в решающую стадию. Но “пятая колонна” знает об этом прекрасно. “Пятая колонна” и есть ударная сила, те “сверхядерные боеголовки”, которыми Запад бомбит потрясенную и парализованную Россию. “Колонна” знает, что в этой войне за ее спиной вся мощь Запада, все финансы, все армии, все спецслужбы и подразделения»⁴⁵.

Западу и его «пятой колонне» в России важно было переформатировать русское чудо и русскую победу в непрерывный каскад поражений, создать у народа комплекс неудачника. Этот комплекс целенаправленно внедрялся и поддерживался большинством средств массовой информации России и некоторыми интеллектуалами-западниками в русле так называемой деидеологизации. Она носила характер спланированных стратегических действий, была оружием врага в войне в ментальном пространстве, направленным на разрушение нашей государственности. Образовавшийся в результате деидеологизации вакуум в массовом сознании народа противник стал заполнять идеологией, насаждающей элементы колониальной, рабской психологии, активно культивировал презрение и ненависть к своей стране, смаковал болезненные и трагичные страницы ее истории. И даже самые очевидные достижения страны трактовал как «произошедшее вопреки» или «благодаря

помощи извне». Таким образом осуществлялась яростная атака на самые глубины души русского народа с целью лишить его силы, сбить «настрой на героическую волну», чтобы никогда больше «Русское чудо», потрясавшее весь мир, не повторилось.

Проведенная Западом деидеологизация и десоветизация лишили народ чувства гордости за свое прошлое, веры в свои способности к великим свершениям, а значит, смысла служения государству и народу. Была сведена к минимуму возможность реализации интеллектуальных потребностей человека, реализуемых в ментальном пространстве, а сам он был низведен до уровня удовлетворения исключительно биологических инстинктов и материальных потребностей, реализуемых в физическом пространстве. Фактически обречен на некое животное существование. Резкий всплеск в то время числа самоубийств, по которым наша страна вышла на лидирующее место в мире, стал следствием обесмысливания жизни. Поэтому задача – не позволить врагам исказить и очернить нашу историю в глазах народа, очистить его сознание от внедренных туда мифов – является первостепенной.

Возможно ли новое чудо?

Исходя из логики предыдущего параграфа, сама постановка вопроса, казалось бы, предполагает отрицательный ответ. В самом деле, после крушения СССР в результате «холодной войны» было ясно, что российское государство не могло официально заниматься развитием, создавать предпосылки для нового чуда. Перед ним победители в «холодной войне» поставили совсем другие задачи, а именно: унылое функционирование, повседневность, обеспечение сырьевой ориентации экономики, стабилизация данной ситуации.

Но даже такое состояние нашего государства не гарантирует ему покой и безопасность. Неявная война против России продолжается. Однако нельзя выиграть войну явную или неявную, не приняв ее вызов. Но для этого необходимо осознать, что наша страна потерпела сокрушительное историческое поражение и сейчас переживает не очередное смутное время, а находится в состоянии неявной, небывалой войны без правил. Поэтому нужно, во-первых, признать сам факт этой войны, во-вторых, понять ее

сущность и, в-третьих, выработать соответствующую стратегию, ядром которой является системный мобилизационный проект. Любая двусмысленность, туманность, неопределенность в этом вопросе скажется на ходе и конечных результатах развития России. В связи с этим возникает главная и очень трудная в современных российских условиях задача, которая заключается в том, чтобы консолидировать все общество в своего рода «народ-государство». И не просто консолидировать, но и сохранять достигнутую сплоченность на высоком уровне в течение максимально длительного времени. Только тогда можно перейти к осуществлению системного мобилизационного проекта.

Одним из условий мобилизации является знание своего врага, его ресурсов, психологии, методов политического и военного поведения. Для этого необходимо вывести из тени темную империю, неясную силу, показать, кто сегодня наш враг, и в то же время мобилизовать настрой на «героическую волну».

Таким образом, в критической ситуации России вновь необходимо явить чудо, попирающее неизбежность наиболее вероятных негативных тенденций, отменяющее беспредельную власть денег, страха и душевной опустошенности. Нам нужно чудо, способное поразить народ и заставить задуматься Запад, дающее силу добру, власть мудрости и рождающее из единиц новую неодолимую силу – народа-созидателя и победителя. Без этого чуда все планы развития и программы прорывов, при всех их достоинствах и совершенствах, все ресурсы, предусмотренные на их осуществление, все технологии, обеспечивающие их выполнение, останутся не более чем полумерами, способными лишь несколько уменьшить масштабы катастрофы.

Прежде чем приступить к «проектированию» столь необходимого нам чуда, необходимо пересмотреть привычные теоретические установки. Строгий механистический детерминизм, который по-прежнему доминирует в социальных науках, исключает само понятие чуда. В конечном счете он приводит к фатализму, покорности и предопределенности. Чудо не признается как явление полноценное, равноправное с детерминистскими законами. В западной литературе подобные понятия часто называют индетерминистскими, противопоставляя тем самым детерминистским законам. Такая терминология может вызвать нежелательные ассоциации, ибо под

индетерминизмом часто понимают отсутствие какой-либо регулярности, порядка и определенности в мире, полное господство в нем случайности.

В действительности же чудо, как и детерминистские законы, отображают некоторую регулярность в природе и обществе, которая возникает в результате взаимодействия внешне случайных событий, хотя эта регулярность и не обладает характером необходимости, присущей детерминистским законам. Именно вследствие этого чудо имеет вероятностный характер, а не является собой неизбежностью, покоящуюся на достоверных фактах. Чудо само по себе доказывает только то, что мир не сводится к бессмысленным актам природы, что есть сверхчеловеческая реальность.

Как уже отмечалось, раньше преобладала точка зрения, согласно которой неопределенность связана лишь с недостатком знаний субъекта, в самой же природе господствует универсальная причинная связь явлений и событий. Однако многие причинные связи в силу неполноты наших знаний остаются нераскрытыми. Этот недостаток стремится компенсировать наука посредством вероятностных законов, предсказывая результаты будущих событий с помощью прошлых. Если бы человек обладал совершенным знанием всех причин и следствий явлений природы, тогда все было бы для него точно определенным. Но в отношениях между людьми, как справедливо считают многие исследователи, неопределенность возникает из-за незнания одними людьми намерений, поведения и действий других людей. И если естественные науки достигли заметного прогресса в раскрытии неопределенности в природе с помощью законов, то в общественных науках результаты оказались гораздо менее успешными. Во многом это объясняется тем, что при анализе общественных процессов приходится учитывать наряду с объективными условиями также такие субъективные факторы, как цели, ценности, интересы и мотивы деятельности людей⁴⁶.

«Отсюда нетрудно понять, – пишет Г.И.Рузавин, – что рациональная модель выбора, как и любые другие модели, значительно огрубляет и схематизирует процесс принятия решений, который происходит в действительности. Сама модель поэтому и называется рациональной, что она предполагает рационально действующего субъекта, принимающего всегда разумные, оптимальные решения, не подверженного сомнениям, лишённого эмоций, не

склонного к предрассудкам и предубеждениям, не подвластного влиянию окружающих. Иначе говоря, такая модель совершенно отвлекается от психологических особенностей людей, принимающих решение. Поэтому она представляет собой идеальную конструкцию, на которую, тем не менее, должен ориентироваться, но, конечно, не бездумно следовать ей, реальный, практически действующий субъект»⁴⁷.

Большой недостаток основного массива существующих социальных знаний, как отмечает В.М.Розин, состоит в том, что «они не учитывают аксиологическую природу социальных феноменов, т. е. присущих людям и поведению несопадающих ценностных ориентаций и целей. Не учитывают они и такой важный фактор, как структуры обыденного сознания людей: средовые карты и хронотипы, жизненные “скрипты” (программы), архетипы сознания и т. п. Не зная подобных закономерностей, социальный проектировщик оказывается не в состоянии определить в проекте реальное сложное поведение людей»⁴⁸. Те, кто сегодня пытается логическим путем, исключительно рационалистически и механистически просчитать проект возрождения России, чаще всего заходят в тупик. В рамках научно-технократического подхода до сих пор не удается преодолеть основные недостатки, присущие социальным преобразованиям. Социальные проекты либо утопичны, не реализуемы, либо подменяются социальными манифестами, концепциями, программами.

При формировании современной стратегии чуда также важно понять, почему и в каких исторических ситуациях явление чуда происходило, а в каких – нет. Что лежало в структуре чуда, какие элементы, осталось ли что из них сегодня или все безвозвратно потеряно? Возможно ли его появление в наших условиях? Нам нужно вспомнить и понять наших недавних предков, силу их духа, их ошибки, метания и опыт преодоления своих слабых сторон. Их восхождение к высотам человеческого духа, который делал негибаемых героев из простых и обычных людей, совсем не идеальных. Все эти вопросы имеют прямое отношение к выработке проектов развития российского государства с помощью категории чуда. В любом случае надо помнить, что «чудо» лежит в системе соответствующих специфических понятий и неразрывно связано с ними – это пограничная ситуация (кризис), мобилизация, выжива-

ние, которые являются базисными. Иными словами, в основе чуда, имеющего отношение к человеческому обществу, лежит мобилизация всех духовных, нравственных, физических сил народа в условиях пограничности, стояния на краю обрыва, т. е. выход этих сил на уровень запредельности.

Такой трудно постигаемый иностранцами национальный феномен, как «русское чудо» в определенной степени связан с тайной русского национального характера, с наличием в менталитете нашего народа непостижимой уму удивительной способности превращения хаоса в порядок, бегства – в контрнаступление, апатии – в волну энтузиазма. Это нашло отражение в несколько грубой и обидной в своей второй части характеристике: «Русский человек – либо святой, либо – свинья». Авторство этого выражения приписывается самым разным людям, например, послу Англии в Москве. Тем не менее особенность национального характера – резко трансформироваться в острые критические моменты – была замечена ещё в давние времена.

Но вместо того, чтобы изучать проблемы и перспективы «русского чуда» – условия, факторы и возможности возрождения России как великой страны, ее восхождения к великим высотам, в стране проводятся какие-то бесконечные, непонятные реформы.

У некоторых исследователей создается впечатление, что в результате неявной войны, ведущейся против России, она отстала от развитых стран навсегда, а в кризисной ситуации в руках у русских не будет весомых аргументов в защиту своего существования в качестве нации, достойной хоть какой-нибудь роли в мировом созидании будущего. Между тем наша история подсказывает нам, что возрождение возможно, и носить оно будет характер чуда.

Чудесным всегда было пронизано русское народное сознание, историческая память, практическое поведение и даже государственная политика и военная стратегия. Вспомним дипломатов Горчакова и Тютчева или полководцев Кутузова и Суворова. Русское чудо, безусловно, будет отличаться от всех прочих чудес. Чудеса наших сказок и былин подсказывают, что оно будет связано с восстановлением целостного мирозерцания, которое является жизненной потребностью всех психически и нравственно здоровых людей. Лосев считал его синтезом знания и веры, элементом абсолютной мифологии.

Хотя катастрофичный механизм, запущенный в 1991 году, погрузил Россию в бесконечную смуту, а времена депрессии, вялости, апатии растянулись на многие годы, тем не менее в недрах энтропии, среди шума и треска разрушения уже просыпаются новые, творческие силы. Обретение духовной мощи и политической независимости через взрыв национального самосознания – вот модель прошлого и перспектива ближайшего будущего.

Детонатором подобного взрыва когда-то послужили подвиг Александра Невского, послания патриарха Гермогена, обращение к нации Сталина. Кто возглавит этот процесс сегодня? Пока неизвестно. Ясно только одно: это должно случиться, ибо национальный характер, систему иерархий, внутренних качеств, способов мышления, доставшихся нам через язык и опыт поколений, – всё это изменить не под силу никому.

Русское чудо, по всей видимости, как раз и означает духовное возрождение, восстанавливающую традицию как живой источник смыслов. С прагматической же точки зрения, речь идет о социальной мифологии, о мифе, который переворачивает всю политическую структуру общества, не отказываясь от высших ценностей, но и не замыкаясь на них, не сводя любую тему к пустопорожним рассуждениям о нравственности и духовности. Русский миф немислим без сверхидеи – русского чуда, которое имело бы вполне реальные, осязаемые воплощения в близком будущем.

В русском сознании вера, чудо и победа слиты в нераздельное единство, помогавшее выжить в самые тяжёлые испытания, преодолеть периоды горя и разрухи. Вера есть не просто непоколебимая убежденность, знание до опыта, не требующее доказательств понимание, чувствование сердцем и умом. Вера – это стержень личности, супердоминанта индивидуальной и коллективной психики. Именно она обеспечивает динамическую скоординированность и гармоничность всех контуров, систем, установок и импринтов личности. Вера раскрывает неисчерпаемые силы, способности и возможности человека, она творит чудеса.

Русское чудо совершенно не похоже на европейское волшебство, так же как не похожи наши «сакральные конструкции», доминанты бытия и черты национального характера, что очень точно подметила народная мудрость: «Что русскому счастье, то для немца – смерть». Мы – иные, порожденные другой историей, другой

природой, другим пространством, другим предназначением, другими откровениями, приоткрывающими завесу незримого. Русское чудо и европейские чудеса – далеко отстоят друг от друга, различаясь по источнику, смыслу и последствиям.

Запроектировать русское чудо невозможно. Нельзя его рассматривать и в качестве фактора безусловной исторической наследственности. Но определенную «технологию» чуда нужно учитывать. Это предполагает разработку идеологии мобилизации, т. е. ценностную, а также смысловую заданность явления чуда, что невозможно без активного представления образа будущего. Для этого необходимо обретение положительного идеала как культурного ядра российского государства, запуска и инициации различных социокультурных процессов.

Таким образом, построение модели принятия решения представляет собой творческий процесс, в котором приходится, с одной стороны, учитывать общие закономерности, которым подчиняются изучаемые явления, а с другой – конкретные особенности их проявления. Модель поэтому не должна быть слишком общей и абстрактной, но в то же время чрезмерно детальной и подробной также. Следовательно, создание эффективной модели принятия решения и рационального выбора наилучшей альтернативы представляет собой скорее искусство, чем науку. В плане российского социума о русском чуде более правомерно говорить не как о предмете «расшифровки», а в модальности сознания, рефлексии. А если обратиться к ситуации кризиса, то, как это ни парадоксально, в углублении современного кризиса заключаются в то же время источники мощного импульса, способные породить вспышку активности и как следствие – чудо. Конечно, в большинстве случаев прогнозирование чуда основывается на экстраполяции прошлого на будущее: наблюдая частоту события в прошлом, люди переносят это знание на будущее. Но с течением времени события могут сильно измениться. Прогнозирование чуда всегда сопровождается появлением чего-то неожиданного, связанного с таким иррациональным феноменом, как дух народа. Это вовсе никакая не абстракция и не спекулятивное измышление, это энергоинформационный объект, который развивается в силу собственных императивов.

Если учитывать вышесказанное, российская стратегия должна принимать во внимание, что в современной войне требуется в первую очередь присутствие Духа, и только силой духа в ней можно победить. Люди тогда обладают духовной силой, когда они объединяются в едином духовном порыве. И наши враги это знают, поэтому предпринимаются всевозможные попытки ослабить нас, вызвать духовную слепоту, которая мешает распознавать «знамения времен» и находить истинный путь.

Примечания

- ¹ Кстати, в средневековой Европе тоже иногда бывали ситуации, когда люди массово ждали чуда. Случалось это во время эпидемий чумы, с которой в те времена нельзя было справиться рациональными средствами. Люди тогда ничего не знали о микроскопических возбудителях болезни и об антибиотиках. Тогда тоже наблюдались огромные толпы паломников, приходящих к древним реликвиям.
- ² <http://www.zaharpilepin.ru/prensa/intervyu/klub-regionjv.html>.
- ³ См., например: *Казин А.Л.* Русские чудеса. История и судьба. СПб., 2011.
- ⁴ См.: Русские чудеса (<http://subscribe.ru/group/mir-iskusstva-tvorchestva-i-krasoty/1029631/>).
- ⁵ См.: *Прель дю Карл.* Философия мистики или Двойственность человеческого существа. М., 1995.
- ⁶ Этот термин имеет более узкое (теологическое) и более широкое (философское) значение. В первом смысле означает противоположность рационализму, во втором – натурализму.
- ⁷ *Кронштадтский Феофан еп.* Чудо. Христианская вера в чудо и ее оправдание. Пг., 1915. С. 96.
- ⁸ См.: *Флоренский П.* Суеверие и чудо // *Флоренский П.* Соч.: В 4 т. Т. I. М., 1994–1996.
- ⁹ *Розанов В.* Чудесное в жизни и истории // Во дворе язычников. М., 1999. С. 234.
- ¹⁰ См.: *Переслегин С.* Тихоокеанская премьера. М., 2009.
- ¹¹ *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2008. С. 205–206.
- ¹² Там же. С. 213.
- ¹³ Там же. С. 214–216.
- ¹⁴ Там же. С. 216–217.
- ¹⁵ Там же. С. 223.
- ¹⁶ Стратегия чуда или введение в теорию неаналитических операций (<http://www.metodolog.ru/00200/00200.html>).
- ¹⁷ *Лири Т.* Нейрополитика (<http://www.leary.ru/books/cult/?n=18>).
- ¹⁸ Паттерн (англ. pattern) – образец, шаблон, система, модель, отпечаток.

- 19 *Переслегин С.Б.* Стратегия чуда: введение в теорию неаналитических операций (<http://www.metodolog.ru/00200/00200.html>).
- 20 См.: *Феделов А.* Русское чудо (<http://www.ruor.ru/rus-chudo.html>).
- 21 *Гланц Д.М.* Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии. М., 2008.
- 22 Цит. по: Феномен русского народа (http://www.rus-narod.ru/?page_id=5).
- 23 Термин, означающий беспредельное пространство вариантов, множественную вселенную.
- 24 *Лосев А.Ф.* Указ. соч. С. 229.
- 25 Цит. по: *Переслегин С.Б.* Указ. соч.
- 26 *Гареев М.* Полководцы победы. М., 2005. С. 122–123.
- 27 Швейцария. У Чертова моста (<http://botinok/co.il/node/60966>).
- 28 См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 2010. С. 43, 231, 108, 239, 219.
- 29 Генри Киссинджер об Иране, России, Китае. 15 янв. 2012. Газета «Знание-Власть» (http://znanie-vlast.ru/news/genri_kissindzher_ob_irane_rossii_kitae/2012-01-15-617).
- 30 См.: *Шмитт К.* Понятие политического. М., 2011.
- 31 См.: *Гавриш Г.* «Комбинация потрясений»: сетцентричное военное искусство (http://www.noravank.am/rus/articles/security/detail.php?ELEMENT_ID=5316).
- 32 В конце 1990-х гг. в США появилась концепция «сетцентричных войн» (“network-centric warfare”), отражающая принципы ведения войны в условиях информационного общества. Высокопоставленными покровителями и политическими лоббистами новой теории стали Д.Рамсфельд, П.Вульфовиц и ряд других видных фигур в стане американских неоконсерваторов. К разработке указанной темы подключилось множество подразделений Пентагона и «мозговых центров» (think-tanks), что привело к учреждению в рамках военного ведомства США специального структурного подразделения – Департамента преобразования войск (Office of Force Transformation), ответственного за реформирование вооруженных сил США на принципах теории «сетевых войн». См.: *Гавриш Г.* «Комбинация потрясений»: сетцентричное военное искусство.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 *Назаров М.* Апокалипсис и Россия: вождю Третьего Рима. М., 2012. С. 147.
- 37 См.: Образ молнии. Стратегическое введение: чудо как наша цель (<http://bookap.info/okolopsy/kalashnikov4/gl12.shtm>).
- 38 В данном контексте абстрагируемся от определения и рассмотрения западничества как философского направления. Нас интересует оно как социально-политическое явление.
- 39 Цит. по: *Цимбаев Н.* Сергей Соловьев. М., 1990. С. 136.
- 40 http://www.hrono.ru/biograf/bio_r/rozanov_vv.php.
- 41 Косвенным доказательством низкой самооценки россиян служит и их оценка стоимости собственной жизни. По словам руководителя Центра стратегических исследований «Росгосстраха» Алексея Зубца, в Европе оценка гражданами их стоимости жизни составляет 0,5–1,5 млн. долларов. Россияне (с высшим образованием) оценили собственную жизнь в 5,7 млн. рублей.

- ⁴² Позднее термин «пятая колонна» прочно закрепился за фашистскими сетями, которые действовали в различных европейских государствах в период доминирования Третьего Рейха. В дальнейшем термин «пятая колонна» потерял привязку к конкретным событиям или идеологии фашизма/нацизма и стал общепринятым обозначением для внутренних подрывных элементов, действующих в интересах иностранного государства.
- ⁴³ *Петухов Ю.* Четвертая мировая война. М., 2012. С. 30.
- ⁴⁴ См.: *Назаров М.* Апокалипсис и Россия. М., 2012. С. 119, 121.
- ⁴⁵ *Петухов Ю.* Указ соч. С. 29.
- ⁴⁶ См.: *Рузавин Г.И.* Неопределенность, вероятность и прогноз // Филос. журн. 2009. № 2(3). С. 82.
- ⁴⁷ Там же. С. 85.
- ⁴⁸ *Розин В.М.* Социально-гуманитарные технологии // Философия и культура. 2010. № 12. С. 50.

Стратегия китайского государства в контексте российского опыта

І. Постановка проблемы

В настоящее время российское государство переживает переломный момент своего существования. В результате предпринятых в первом десятилетии нынешнего столетия мер удалось предотвратить распад России как целостного, единого государства, реально угрожавший ей в конце прошлого века. Однако угрозы и опасности для российского государства продолжают существовать. Среди них в первую очередь следует указать на такие явления, как сепаратизм, растущее социальное и региональное неравенство, бюрократизм и коррупция, отчуждение между представителями наций и конфессий, кризис образования и целый ряд других.

В Китае также существуют подобного рода негативные явления. Однако подходы к их решению существенным образом отличаются от действий российских властей.

Если сравнивать Россию с Китаем, то можно обнаружить определенное сходство между двумя странами и в прошлом, и в настоящем. Это длительное существование феодального строя и связанный с ним определенный тип организации государственной власти, большая территория, значительное количество крестьянских восстаний, неоднократное выдвижение модернизационных проектов, имевших целью догнать в социально-экономическом развитии ушедшие вперед страны, увлечение политиков и интеллигенции марксизмом и, наконец, существование в течение длительного исторического периода социалистического общественно-го строя и связанные с этим трудности и проблемы.

Принципиальное отличие современного Китая от современной России состоит в том, что руководство КНР после навязанной Мао Цзэдуном «культурной революции», принесшей стране неисчислимы бедствия, не отказалось от социалистического пути, хотя в общественном сознании справедливо существовали сомнения в целесообразности его существования. Серьезно проанализировав предшествующий исторический путь первых тридцати лет Китайской Народной Республики, в том числе и период «культурной революции», руководители компартии сделали единственно правильный вывод: изменить модель социально-экономического развития, перейдя от сугубо централизованной системы планового хозяйства к регулируемым государством принципам рыночных отношений. Введение новой модели проходило не **одномоментно**, как в России, а **постепенно**, причем апробация ее шла от части к целому, т. е. она проверялась первоначально в одном районе, одной отрасли, одном ведомстве и только после получения определенных позитивных результатов внедрялась во всех провинциях Китая, во всем народном хозяйстве страны. Переход к новым механизмам хозяйственной деятельности осуществлялся под контролем партийных и государственных органов, другими словами, он не был стихийным, как это происходило в постперестроечный период в России. Централизация данного процесса позволяла своевременно обнаруживать существующие проблемы и устранять их, кроме того, что не менее, а, может быть, более важно, готовить кадры специалистов, способных работать в новых условиях. В российской политической элите, в том числе в ее высшем эшелоне, широко распространено мнение, что китайский опыт непригоден для России, в частности, ссылаются в этой связи на менталитет китайцев, на их удивительное трудолюбие, неприхотливость в быту, взаимовыручку и сплоченность и т. п. Конечно, подобные факторы нельзя сбрасывать со счетов, однако главное, на наш взгляд, состоит в другом. В китайском подходе к решению задач перехода к новой модели социально-экономического развития, т. е. к модернизации страны (а именно так и была поставлена задача) присутствовала **система**. Китайское руководство не увлекалось «утопическими проектами», а исходило из реально существующих ситуации и возможностей. При этом процесс реализации стратегического плана шел, как уже говорилось, постепенно – от этапа к этапу, во из-

бежание возникновения отрицательных последствий. К примеру, отмена карточной системы заняла несколько лет (сравним с шоковой терапией Гайдара, аналогичными мероприятиями в жилищно-коммунальной сфере, проведением военной реформы в сжатые сроки и т. д.).

При этом следует учитывать и еще одно немаловажное обстоятельство, которое не имеет отношения к менталитету китайской нации. Речь идет о том, что китайское руководство не отказалось от идеи социализма как таковой, хотя выдвинутая им концепция социализма с китайской спецификой радикальным образом отличается от классической марксистской теории. Решение китайского руководства было вполне объяснимо и совершенно оправдано. Отказ от идеи социализма неизбежно поставил бы под сомнение не только **всю** предшествующую историю Китайской Народной Республики, но и историческое право Коммунистической партии Китая на руководящую роль в стране. Поэтому все ошибки в период нахождения КПК у власти были списаны на отсутствие опыта у руководителей, в том числе и у Мао Цзэдуна, некритическое заимствование советского опыта, а преступления в период «культурной революции» – на «банду четырех». В то же время постоянно, неизменно подчеркивалось, что эти ошибки и преступления не выражают суть социализма, напротив, являются ее извращением. Более того, признавая ошибки Мао Цзэдуна в социалистическом строительстве, в трагических событиях «культурной революции», его ответственность за них, китайская пропаганда одновременно подчеркивает его большие теоретические заслуги в китаизации марксизма, т. е. в приспособлении общих принципов марксистского учения к конкретным условиям Китая, вклад Мао Цзэдуна в практику завоевания компартией власти и продвижения китайского общества по пути социализма. Ошибки его были представлены как ошибки отдельной личности, противоречащие научному содержанию «идей Мао Цзэдуна». Тем самым удалось сохранить в стране политическую и социальную стабильность, избежать возникновения обстановки политического и идейного хаоса, появления в обществе настроений абсолютного неверия в идеалы социализма, недоверия к руководящей силе общества – компартии. Другими словами, всего того, что наблюдалось в России на рубеже 80–90-х гг. двадцатого столетия, когда бесосновательно был по-

ставлен под сомнение весь исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе. Подобный подход позволил обеспечить сплочение подавляющего большинства народа вокруг КПК для решения выдвинутой задачи «четырех модернизаций» – промышленности, сельского хозяйства, науки и обороны.

Конечно, не следует представлять ситуацию в современном Китае в идеализированном плане. Наличие в стране сильной, крепкой авторитарной власти исторически объяснимо и оправдано. Китайское государство имеет огромную, хотя и меньшую, чем Россия, территорию. Его население приближается к отметке в полтора миллиарда человек, поэтому характерные для стран Запада принципы демократии в Китае в настоящее время неприменимы. Некоторые российские политики и ученые любят противопоставлять опыт развития политических систем на Тайване и в материковом Китае, не учитывая того, что Тайвань – лишь небольшой остров, где проживает всего 23 млн. человек. При этом они, намеренно или нет, забывают о том, что с 1949 г. по 1988 г. – в течение 38 лет (!) – на Тайване существовал жесткий авторитарный режим, который сопровождался подавлением своих политических оппонентов.

По нашему глубокому убеждению, в материковом Китае, так же как это имеет место сейчас на Тайване, появится демократическое общество со всеми его атрибутами. Однако для его формирования потребуется не одно десятилетие. Существующий же ныне на материке авторитарный политический строй адекватен нынешним социокультурным условиям Китая – отсутствию всеобщей грамотности населения, развитой политической культуры, достаточного количества компетентных и современных членов политической элиты и т. п. Поэтому в случае быстрой политической демократизации материкового Китая его ожидает хаос, дезинтеграция и даже гражданская война и развал. Кстати сказать, авторитарный режим в Китае за прошедшие тридцать с лишним лет претерпел серьезные изменения: *из жесткого он стал мягким*. По-прежнему существует лишь одно всеобщее ограничение – не разрешается ставить под сомнение «четыре основных принципа», которые обычно интерпретируются следующим образом: «твердо придерживаться социалистического пути, твердо придерживаться демократической диктатуры народа, твердо придерживаться руководства компартии, твердо придерживаться марксизма-ленинизма,

идей Мао Цзэдуна». Все остальные вопросы можно обсуждать. Да и сами эти четыре принципа претерпели кардинальные изменения, по существу от них осталось лишь прежнее название, содержание же стало иным, за исключением руководящей роли компартии. Китайское руководство по-прежнему решительно выступает против многопартийной системы западного образца, отчетливо понимая, что ее введение в Китае может привести к серьезным негативным последствиям. Поэтому те лица в китайском обществе, кто не только поддерживает эту систему на словах, но и предпринимает в этом отношении определенные шаги, привлекаются к судебной ответственности (дело пекинского диссидента Лю Сяобо). Вместе с тем в последние годы постепенно возрастает роль восьми демократических партий, которые вместе с КПК участвуют в системе многопартийного сотрудничества, это – специфическое китайское явление. В их состав входят по большей части представители интеллигенции, работающие в области науки, техники, образования, медицины, культуры, искусства, издательского дела, а также деятели торгово-промышленных и финансовых кругов. Членов этих партий привлекают для консультаций при разработке законов, проведении различных политических и экономических мероприятий. Демократические партии принимают руководство КПК, проводят ее политику, их члены активно участвуют в общественно-политической деятельности, они представлены в государственных органах, парламенте, в центре и на местах и т. п. В настоящее время два министерства – науки и техники и здравоохранения – возглавляют не члены компартии. Последний раз это имело место в 50-х гг. прошлого столетия. Несомненно, что подобная практика политического участия некоммунистов в управлении государством способствует стабильности и национальному сплочению в стране.

Необходимо также отметить, что идеологический диктат уже не является таким жестким, каким он был десять или даже пять лет тому назад. Фактически интеллигенция, а именно ее больше всего интересует сфера идеологии, заключила как бы негласное соглашение с правящим режимом: она не ставит под сомнение его право на власть, а он не препятствует ей заниматься научными и культурными исследованиями в желательном для себя направлении. Яркое свидетельство тому – награды, получаемые китайскими деятелями кино в последние годы на престижных кинофестивалях.

Опыт такой страны, как Китай, убедительно свидетельствует о том, что только сильная, если хотите, авторитарная власть может ставить долгосрочные цели, в частности такую, как модернизация, и обладать достаточной политической волей, средствами мобилизации для того, чтобы добиваться их осуществления.

II. Стратегия развития китайского государства и результаты ее осуществления

Отсчет политики реформ и открытости в Китае ведется от исторического 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), который покончил с традиционной моделью социализма, существовавшей тогда в Советском Союзе и других странах так называемого социалистического лагеря. Главную роль в начавшихся тогда глубоких социально-экономических преобразованиях в стране играл Дэн Сяопин, представитель второго поколения китайских руководителей, справедливо называемый архитектором китайских реформ. В 1980–1990-е гг. в рамках китаизации марксизма, начатой еще Мао Цзэдуном, он выдвигает целый ряд положений, получивших впоследствии название «теория социализма с китайской спецификой» или «теория Дэн Сяопина». Суть ее в признании частной собственности и рыночных отношений равноправными элементами социалистической экономики, неправомерности отождествления рынка с капитализмом, а плана – с социализмом, поскольку и то, и другое лишь экономические, чисто технические средства в китайской терминологии. Полемизируя с теми, кто вновь и вновь поднимал вопрос о социалистической или капиталистической природе проводимых в экономике страны реформ, Дэн Сяопин подчеркивал, что судить об их сущности необходимо по одному единственному критерию: насколько они благоприятствуют развитию производительных сил, укреплению совокупной мощи социалистического государства, повышению уровня жизни народа. Он призывал усваивать и перенимать весь положительный опыт развития экономики в современном мире, в том числе в развитых капиталистических странах, передовые методы хозяйствования, способы управления, отражающие законы развития общественного производства¹.

Как известно, глобализация несет для национального государства не только выгоды, но и угрозы. Об опасности реализации ее негативных влияний свидетельствует недавний мировой финансово-экономический кризис, продолжающийся до сих пор, рецессия экономик многих стран мира. Поэтому китайское руководство, твердо следуя по пути, завещанному Дэн Сяопином, рассматривает глобализацию не как линию, ведущую к размыванию исторической специфики, а как средство для возрождения китайской нации, упрочения ее влияния в мире. Третье поколение китайских руководителей во главе с Цзян Цзэмином² выдвинуло идею «тройного представительства», которая позволила объединить вокруг компартии и проводимой ею политики все силы общества, в том числе предпринимателей. Четвертое поколение во главе с Ху Цзиньтао проводило в жизнь «концепцию научного развития», предусматривающую гармоничное развитие всех общественных отношений, а также человека. И идея «тройного представительства», и «концепция научного развития» являются продолжением «теории социализма с китайской спецификой», т. е. наследия Дэн Сяопина. Как пишет видный китайский ученый Ху Аньган, истоки современной модернизации в Китае «лежат не в западном марксизме и советском социализме, не в западном капитализме и социал-демократии, а в классической традиционной китайской культуре, модернизированной китайскими коммунистами»³. Тем самым подчеркивается национальный и одновременно уникальный характер китайской модели развития.

Действительно, при характеристике программных задач модернизации используется китайская терминология – понятие «сяо кан» (букв. «малое благополучие», «малое процветание»). В официальных переводах на западные языки «сяо кан» обычно интерпретируется как «средняя зажиточность», «средний достаток». Это древнекитайское понятие ввел в политическую практику современного Китая, его идеологию Дэн Сяопин. Впервые он сделал это в 1978 г. во время встречи с премьер-министром Японии Масиёси Охирой. Он сказал буквально следующее: «Мы собираемся осуществить четыре модернизации (модернизацию экономики, политики, науки и военного дела. – В.Б.). **Это будут четыре модернизации китайского типа.** Концепция наших четырех модернизаций не схожа с концепцией ваших модернизаций – это бу-

дет семья малого достатка («сяо кан чжи цзя»⁴, выделено мною. – В.Б.)). Затем Дэн Сяопин неоднократно в своих выступлениях и беседах обращался к понятию «сяо кан». Для него оно было прежде всего связано с достижением определенного уровня развития экономики страны. Так, в беседе с премьер-министром Австралии в августе 1982 г. он говорил: «Что такое модернизация? В 1978 г. в беседе с премьер-министром Японии я сказал, что к концу нынешнего столетия мы достигнем уровня сяо кан, уровня ВВП на душу населения в 1000 американских долларов. После неоднократного обсуждения мы подумали, что цифра 1000 долларов слишком высокая планка, так как следует учитывать фактор роста населения. Поэтому мы решили добиваться к концу столетия объема ВВП в 800 долл., а в следующем столетии, в течение тридцати лет приблизиться к уровню развитых стран»⁵.

После высказываний Дэн Сяопина слово «сяо кан» вошло в официальные документы партийных и государственных органов и стало обозначать предполагаемое состояние китайского общества к началу XXI столетия. Обращение китайского руководителя к традиционной фразеологии было неслучайным, поскольку это позволяло облечь стратегическую цель модернизации в приемлемую и доступную для китайского общественного сознания форму. Тем самым облегчалась задача внедрения в умы простых китайцев идей «конфуцианского рыночного социализма»⁶.

Дэн Сяопин старался говорить на понятном для рядовых китайских граждан языке, его суждения, афоризмы, постулаты, как правило, имели глубокий содержательный смысл, превращаясь при помощи советников в серьезные теоретические формулы.

Что касается понятия «сяо кан», то оно имеет глубокую историю. Оно появилось впервые в памятнике «Ши цзин» две с половиной тысячи лет назад. Впоследствии к нему обращаются Конфуций и его последователи, постепенно оно становится необходимой частью общей теории конфуцианства. В Средние века понятие «сяо кан» использовалось преимущественно в двух значениях: «Внутри государства как символ спокойствия и экономического улучшения; внутри семьи как символ относительной зажиточности, когда семья уже не тоскует о тепле и сытости»⁷. «Важно отметить, – пишут известные российские исследователи А. Лукьянов и Л. Переломов, – что не только на теоретическом уровне, но и в

народном сознании термин *сяо кан* запечатлелся именно в этих двух значениях» (курсив и выделено нами. – В.Б.)⁸. В конце XIX в. понятие «сяо кан» вошло в учение о социальной утопии видного китайского реформатора Кан Ювэя⁹.

Стратегическая цель китайской модернизации заключается в достижении к середине XXI столетия уровня среднеразвитых стран. Она получила название «трехшаговой модернизации», поскольку состоит из трех этапов, трех периодов. В августе 1987 г. Дэн Сяопин высказался следующим образом: «Развитие экономики нашего государства подразделяется на три шага, в этом столетии мы сделаем два шага – достигнем уровня сытости и обеспеченности одеждой и уровня сяо кан, а в следующем столетии в течение тридцати-пятидесяти лет сделаем еще один шаг и достигнем уровня среднеразвитых стран. Это наша стратегическая цель, наши смелые дерзания и высокие стремления. Чтобы их осуществить, невозможно обойтись без политики реформ и открытости. Путь, который мы должны пройти, очень длинный, задачи, которые мы должны осуществить, очень тяжелые»¹⁰. Дэн Сяопин неоднократно возвращался к трехшаговой стратегии модернизации. Так, в том же 1987 г. он говорил: «Говоря вообще, ситуация у нас хорошая. После разгрома “банды четырех”, начиная с 3-го пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва, мы выработали целую серию политических курсов, практика подтвердила их правильность. Но все же мы только начали движение. Согласно нашим целям мы сделали первый шаг в восьмидесятых годах. Если взять в качестве базисных цифр данные, то тогда ВВП на душу населения составлял всего лишь 250 ам. долл. Сделав первый шаг, мы достигли уровня в 500 ам. долларов. Второй шаг мы сделаем к концу нынешнего столетия, сделав его, мы достигнем уровня ВВП в 1000 ам. долл. Реализация этой цели означает вхождение в общество сяо кан, бедный Китай превратится в Китай уровня сяо кан, в то время объем национального ВВП превысит 1 трлн. ам. долл., хотя на душу населения будет еще очень низким, однако силы государства намного увеличатся. Однако более важным в определенных нами целях является третий шаг – за период в течение тридцати-пятидесяти лет в следующем столетии мы, в основном, достигнем 4000 ам. долл. на душу населения, это – наши смелые дерзания и высокие стремления. Хотя цель и невысокая, но осуществить ее будет нелегко»¹¹.

Особенностью современной китайской политической фразеологии является использование цифр для обозначения различного рода мероприятий, указаний, постановлений и т. п. Так было легче, с одной стороны, их распространять, пропагандировать, а с другой стороны, запоминать и усваивать. В частности, при осуществлении социалистической модернизации обязательным условием было «следование одному центру, двум основным пунктам». Под одним центром понималась экономика, а под двумя пунктами – четыре основных принципа и политика реформ и открытости.

На рубеже тысячелетий была выполнена задача построения общества сяо кан, общества малого достатка. Однако от термина «сяо кан» в Китае не отказались, теперь во всех официальных документах и пропаганде ставилась задача «всестороннего строительства общества сяо кан». Видимо, руководство Китая считало, что не стоит отказываться от понятия, которое играло в предыдущие годы важную стимулирующую роль в идеологии. Кроме того, «обогащение» данного понятия словами «всестороннее развитие» говорило о том, что теперь оно приобретает более широкое, чем раньше, социальное звучание, когда с ним связывались главным образом и прежде всего достижения в области экономики. Но подробнее об этом мы скажем в четвертом разделе статьи.

Следует подчеркнуть, что XVI съезд КПК (2002 г.) поставил задачу «всестороннего строительства общества сяо кан» к 2020 г., предполагалось к этому сроку добиться учета ВВП. XVII съезд партии (2007 г.) модифицировал задачу – увеличить к 2020 г. объем ВВП на душу населения до 28 тыс. юаней, т. е. до 4000 с лишним ам. долл. За три с лишним десятилетия, которые минули с момента исторического 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) – именно от него ведется отсчет политики реформ и открытости – в стране произошли громадные изменения, имеющие историческое значение не только для Китая, но и для всего мира в целом: с 1978 по 2007 гг. среднегодовые темпы роста китайской экономики составили 9,8 %, что более чем втрое превышает темпы роста мировой, в результате чего она с десятого места переместилась на второе после США. В долларовом выражении объем ВВП в Китае составляет уже более трети от объема ВВП США, его доля в мировом ВВП повысилась с 1,8 до 8,56 %. По многим показателям производства (сталь, уголь, цемент, минеральные удобрения,

хлопчатобумажные ткани, зерно, мясо, хлопок, чай, фрукты), по объему золотовалютных ресурсов (более 3 трлн. ам. долл.) страна вышла на первое место в мире, заняла первую позицию в мировой торговле, стала третьей космической державой (наряду с США и Россией). С политикой реформ и открытости связано в Китае и широкое привлечение в экономику страны иностранного капитала. С этой целью были созданы различные специальные преференции для его успешного функционирования. В результате общая сумма накопленных прямых инвестиций на конец 2010 г. составила более 800 млрд. ам. долл. (расчеты автора). Несомненно, что подобный масштабный объем иностранных инвестиций объясняется их высокой прибыльностью при минимальном риске, чего не скажешь, например, о России.

При всей специфике китайских реформ они, несомненно, имеют мировоззренческое и методологическое значение для разработчиков аналогичных реформ в России. В этой связи есть смысл сослаться на мнение известного российского исследователя Я.П.Бергера, который указывает на девять черт китайских реформ, заслуживающих внимания: 1) их гармоничное цельное единство, тесно сопряженное с историческими, культурно-цивилизационными, геополитическими, социально-экономическими условиями и факторами; 2) наличие рассчитанной на длительную перспективу генеральной стратегии; 3) **прагматичность реформ, их деидеологизация**; 4) **изменение соотношения политики и экономики в пользу последней**; 5) комплексность и взаимодополняемость реформ; 6) сугубая осторожность при их проведении, их поступательный и непрерывный характер; 7) **использование для экономического роста промежуточных моделей**; 8) **сочетание рыночных преобразований с внешней открытостью**; 9) способность реформаторов видеть негативные последствия реформ, учиться на своих ошибках, управлять их и преодолевать частичные кризисы¹².

Указанные черты китайских реформ опровергают бытующее до сих пор в кругах российской политической и деловой элиты, научной общественности расхожее мнение о неприемлемости китайской модели развития для России. Как раз напротив. Если бы в свое время Россия, а еще раньше Советский Союз пошли по китайскому пути, наша страна находилась бы сейчас в другой, более благоприятной ситуации. Необходимо подчеркнуть, что и сейчас

изучение опыта китайских реформ, заимствование имеющихся в них позитивных моментов чрезвычайно важно для России, ибо до начала реформ в обеих странах их общественно-экономический строй был однотипным. Следует также отметить, что китайский опыт ценен для России и потому, что он базируется на серьезном аналитическом изучении мировой экономической мысли и практики мировой экономики; к началу 90-х гг. – моменту реформирования российской экономики – Китай уже имел десятилетний опыт модернизационного развития. Однако и тогда, и даже сейчас российские реформаторы и их представители во властных структурах предпочитают «не замечать» достижений китайской экономики и по-прежнему обращаются к заимствованию западных экономических моделей, которые во многом непригодны для применения в России.

Реформирование национальной экономики в Китае проходило с большими трудностями и издержками, сопровождаясь бурными дискуссиями в кругах научной и партийной общественности. Как и в России, представители нелиберального направления экономической мысли настаивали на том, что «чем меньше правительства, тем лучше», а их оппоненты – традиционалисты-антирыночники, напротив, считали, что не следует менять характер собственности государственных предприятий, так как при хорошем управлении они могут быть вполне эффективными и конкурентоспособными. По их мнению, приватизация госпредприятий выгодна лишь их руководителям, частным предпринимателям и находящимся в сговоре с ними чиновникам. В результате обстоятельного обсуждения с участием аналитических центров при партийных органах, научных учреждений, вузов и и т. п. было принято решение о приватизации большинства госпредприятий с оставлением имеющих стратегическое значение в собственности государства. Речь идет о предприятиях ВПК, банках, аэропортах, морских портах, железных дорогах, электростанциях, линиях электропередач, сырьевых отраслях. В отличие от России последние по-прежнему являются государственными. Правда, все госпредприятия подверглись акционированию, т. е. была изменена система управления. Еще один важный момент. Приватизация госпредприятий, например, легкой, пищевой промышленности и т. д. была проведена не одномоментно, как в России, а в несколько этапов, причем вначале ее механизм

опробовали на небольшом числе предприятий, а затем уже распространяли полученный опыт – с учетом необходимых уроков – на всю отрасль. Кроме того, необходимо иметь в виду следующее: многие частные предприятия возникли в Китае не в результате присвоения государственной собственности, а заново, в результате хозяйственной предприимчивости их владельцев.

В 2008 г. прозвучал сенсационный прогноз Организации по экономическому сотрудничеству и развитию. Согласно ему, Китай обойдет США по объему экономики уже в 2015 г., а к 2030 г. на КНР будет приходиться примерно 23 % мировой экономики. Всемирный банк считает, что Китай обгонит США по объему ВВП лишь к 2030 г.; произойдет это в том случае, если Китай сможет увеличивать свой ВВП на 8 % ежегодно в течение 20 лет. Международный валютный фонд (МВФ), однако, считал иначе: китайская экономика в реальном выражении обгонит американскую в 2016 году. К этому времени доля ВВП США в мировой экономике сократится до 17,7 %, а Китая составит 18 %. ВВП Америки по паритету покупательной способности составит к 2016 году около 18,3 трлн. условных долларов, которые используются для данных сопоставлений, а Китая уже 18,7 трлн. долларов¹³.

Однако некоторые зарубежные экспертные центры, основываясь на расчетах китайского и американского ВВП по паритету покупательной способности, считали, что экономика КНР станет крупнейшей в мире уже в 2012 г. Примечательно, что такую же вероятность допускали и в России. В начале ноября 2011 г. бывший экономический советник президента РФ Андрей Илларионов заявил следующее: «Китай продолжает экономический рост на 9 % ежегодно. По размерам ВВП по паритетам покупательной способности Китай, возможно, уже обошел Соединенные Штаты или подошел к ним вплотную»¹⁴.

Достижения китайских реформ тем более поразительны, что в стране наблюдается дефицит природных ресурсов, выражающийся в том, что по обеспеченности большинством из них в расчете на душу населения Китай существенно отстает от средних мировых показателей. Причем это сочетается с нерациональной моделью экономического роста: на долю Китая приходится 7,4 % мирового потребления нефти, 31 % угля, 30 % железной руды, 37 % сталь-

ного проката, 25 % алюминиевого сырья и 40 % цемента. Если за полстолетия ВВП страны увеличился в 10 раз, то расход минеральных ресурсов – более чем в 40 раз.

Кроме экономических, в Китае существуют и другие серьезные проблемы: демографическая, имущественное расслоение, разрыв в уровне регионального развития и др. Китайское руководство отлично сознает их наличие. В августе 2011 г. Управление теории Отдела пропаганды ЦК КПК опубликовало специальную брошюру на эту тему под названием: «От того, “как смотреть”, до того, “как решать”». В ней всесторонне рассматривались серьезные проблемы, существующие в настоящее время в китайском обществе, и предлагались методы их решения.

Первая проблема. Сохранение стабильности цен.

В 2010 г. одним из самых популярных слов в лексиконе населения Китая было слово «повышение». Речь шла о повышении цен, которое к середине 2011 г. достигло 6,4 %¹⁵. На рост цен влияли следующие факторы: импорт, природные явления, условия транспортировки, рост кредитования граждан, спекулятивный бум. Сознвая, что проблема цен не только экономическая, но и политическая, социальная, затрагивающая жизненные интересы граждан, правительство страны и подведомственные ему органы в 2010–2011 гг. приняли семь постановлений, связанных с регулированием цен на потребительском рынке. В результате рост потребительских цен на внутреннем рынке уже меньше аналогичного в других развивающихся странах. Кроме того, увеличились возможности для поддержания стабильности цен на продовольственные товары.

Как пишут авторы брошюры, сельское хозяйство – основа национальной экономики, создание системы, гарантирующей снабжение населения, является задачей первостепенной важности. В этой связи правительство недвусмысленно указало, что необходимо поддерживать сельское хозяйство, решительно проводить в жизнь систему ответственности руководителей провинций за «рисовую корзину», и городов – за «овощную корзину». А для этого необходимо, во-первых, в больших масштабах развивать сельскохозяйственное производство, улучшать систему запасов продовольствия, лучше осуществлять мероприятия, связанные с импортом и экспортом продовольственных товаров. Принимаются серьезные меры по умень-

шению количества посредников в торговых операциях, ибо большое их количество приводит к резкому повышению цен¹⁶. Поскольку нормальное функционирование рынка является важным условием обеспечения стабильности цен, то спекулятивные операции с ними влекут за собой значительные штрафные санкции. Наконец, в случае колебания цен в сторону их повышения центральные и местные органы власти оказывают значительную по масштабам Китая денежную помощь малообеспеченным семьям. Так, до 2011 г. Министерство финансов предоставило такую помощь на сумму свыше 10 млрд. юаней, что в расчете на одного нуждающегося человека составило от 100 до 180 юаней¹⁷.

Вторая проблема. Ликвидация неравенства в распределении.

Авторы брошюры справедливо указывают, что после того, как благодаря политике реформ и открытости была ликвидирована система уравниловки (в Китае она получила название «питание из общего котла») и были «развязаны жизненные силы общества», произошло значительное увеличение общественного богатства, повысился жизненный уровень населения. Однако в последние годы различие в доходах отдельных категорий граждан непрерывно увеличивается, отчетливо проявляется имущественное неравенство.

Для ликвидации подобной ситуации в период одиннадцатой пятилетки (2006–2010 гг.), помимо специальных мер по оказанию помощи крестьянам, в среднем по стране не менее трех раз повышалась заработная плата, причем каждый раз почти на 13 %. В результате ежегодный доход городских и сельских жителей повысился соответственно на 9,7 % и 8,9 %. В 2010 г. рост доходов жителей деревень впервые с 1998 г. превысил аналогичный для населения городов¹⁸.

Однако проблема имущественного неравенства продолжает существовать. Это проявляется и в ориентации при распределении национального дохода на госслужащих и управленческий аппарат предприятий, и в продолжающемся падении уровня жизни простых граждан, и в сохранении различия доходов городских и сельских жителей (в 2010 г. оно составило более трех раз), и в значительной разнице в зарплате работников финансовых учреждений и лесной и рыболовной отраслей промышленности (в 2009 г. последние получали почти в 5 раз меньше, чем первые)¹⁹. Большой размах получили всякого рода незаконные доходы, в том числе т. н. «серые» и тайные.

Авторы брошюры подчеркивают, что когда «дело ведется несправедливо, то на сердце неспокойно, а когда на сердце неспокойно, то настроение плохое, а когда настроение плохое, то трудно создать гармонию».

Поэтому руководство КПК уделяет проблеме неравенства в распределении доходов большое внимание. Выступая в 2010 г. на Всекитайском совещании отличников труда и передовых работников, Ху Цзиньтао говорил, что «необходимо непрерывно повышать вознаграждение за труд рабочим – непосредственным участникам производственного процесса, чтобы широкие массы трудящихся могли достойно трудиться»²⁰. Выдвинута цель – в двенадцатую пятилетку (2011–2015 гг.) осуществлять «одновременно двухшаговую стратегию»: совмещать, во-первых, рост доходов граждан с развитием экономики и, во-вторых, увеличение вознаграждения по труду с ростом производительности труда. Предполагается повысить зарплату, установить ее минимальный уровень, привлечь рабочих к ее определению, обратить еще большее внимание на повышение доходов крестьян; в частности, поставлена цель в течение последующих пяти лет повысить их доходы более чем на 7 %. Интересно отметить, что предполагается ввести ограничения для зарплат высших должностных лиц.

Иногда в Китае можно услышать такое мнение, что он одновременно является и богатой, и бедной страной, и в этих словах есть свой резон. Ибо, с одной стороны, по общему объему ВВП он вышел на второе место, но, с другой – по объему его на душу населения находится где-то на сотом месте. Если брать в качестве критерия бедности ежегодный доход в размере 1274 юаня (это примерно 200 ам. долларов), то к концу 2010 г. в сельской местности людей с такими доходами было почти 27 млн., а в городе – 23 млн. человек²¹. Поэтому в двенадцатой пятилетке будет обращено особое внимание на оказание большей помощи бедным слоям населения.

Третья проблема. Решение жилищной проблемы.

Трудность её решения заключается в том, что в последние годы во многих местах Китая резко подскочили цены на жилье. Например, в 2002 г. его цена выросла в среднем по стране на 24,7 %, превысив рост доходов граждан на 8,8 %; как пишут авторы брошюры, она превысила разумные пределы²².

Столкнувшись с подобной ситуацией, правительство в 2010–2011 гг. приняло четыре специальных постановления для того, чтобы урегулировать ситуацию. Благодаря принятым мерам удалось достичь определенных положительных результатов, в какой-то степени остановить рост цен. Однако, как откровенно признают авторы брошюры, по мнению многих простых семей, цены на жилье по-прежнему высокие, поэтому купить его трудно. На специально созванном 12 июля 2011 г. заседании президиума Госсовета была подчеркнута необходимость продолжения курса на урегулирование цен на недвижимость, что потребует принятия целого ряда серьезных мер, в частности, улучшения условий обращения денег в сфере недвижимости, усиления контроля над ней, исключения из этой сферы спекулятивных инвестиций и т. д. Одновременно предпринимаются меры по увеличению масштабов строительства «социального жилья» («баочжан фан») ²³. В 2010 г. было построено 3 млн. 700 тыс. таких квартир, что было самым высоким показателем после 1949 г. ²⁴. За весь период одиннадцатой пятилетки 15 млн. семей получили социальное жилье ²⁵. В 12-й пятилетке предусмотрено строительство 36 млн. квартир такого типа, что позволит решить жилищные проблемы более чем 100 млн. семей. В 2011 г. уже начато строительство 10 млн. квартир, что превышает показатели 2010 г. на 72 % (!), к июню этого года было уже сдано 5 млн. квартир социального жилья, что на 50 % превысило плановые показатели ²⁶. При этом особо подчеркивается, что распределение социального жилья должно происходить открыто, при участии депутатов собраний народных представителей и членов народных консультативных советов, контролироваться средствами массовой информации и самими массами. Следует подчеркнуть, что проблема недвижимости находится под постоянным контролем центральных органов власти, которые постоянно посылают на места специальные инспекционные группы. Вместе с тем, с учетом специфических условий Китая – громадного населения и нехватки свободной территории для застройки, взят курс на пропаганду среди населения представлений о необходимости довольствоваться «умеренным, разумным, скромным жильем».

Четвертая проблема. Обеспечение занятости.

В течение многих лет серьезной проблемой в Китае был переизбыток трудовых ресурсов, однако весной 2011 г. страна впервые столкнулась с их нехваткой в отдельных районах. Но это времен-

ное явление. Главная проблема – это обеспечение занятости трудоспособного населения, численность которого в двенадцатой пятилетке достигнет наивысшего уровня – почти 1 млрд. человек. Естественно, что государственные предприятия и учреждения, а также частные компании не в состоянии обеспечить работой такое количество людей. Помимо привлечения части из них в сферы управления, образования и промышленности взамен уходящих на пенсию, ставится задача развития сферы обслуживания, которая является наиболее подвижной отраслью народного хозяйства. По данным авторов брошюры, если в развитых странах в ней занято свыше 70 % трудоспособного населения, то в Китае только 34,1 %²⁷, т. е. здесь она развита еще недостаточно.

Однако главный упор сейчас делается на развитие малого бизнеса, всячески поощряется создание небольших предприятий. Это позволяет человеку не только реализовать свой талант предпринимателя, но и предоставить работу другим людям. По подсчетам, когда кто-то один открывает свое дело, в среднем он дает работу еще троим²⁸. Принимая во внимание данное обстоятельство, Госсовет КНР опубликовал специальное «руководящее мнение о стимулировании работы по открытию малых предприятий». После этого в 85 городах 27 провинций стали осуществляться мероприятия по поддержке лиц, начинающих свое собственное дело. При этом особое внимание уделяется выпускникам вузов, в 2011 году после проведения пропагандистской работы и организации специальных курсов более 150 тыс. бывших студентов стали заниматься малым бизнесом. Одновременно в целях повышения квалификации рабочих и служащих в период одиннадцатой пятилетки прошли профессиональную переподготовку 86 млн. человек²⁹.

Проблема пятая. Доступная и качественная медицинская помощь.

Проблема обеспечения медицинской помощью имеет в Китае длительную историю. Излишняя ориентация на рынок привела к дороговизне медицинских услуг, социальному неравенству в доступе к ним. Несколько лет назад авторитетными учреждениями было признано, что реформа здравоохранения в Китае, проводившаяся в 80–90-е годы прошлого столетия, потерпела неудачу. Поэтому пришлось усовершенствовать систему оказания медицинской помощи: в частности, было увеличено число бесплатно предостав-

ляемых медицинских услуг, цены на основные лекарства снижены на 30 %³⁰. Вместе с тем общепризнано, что в системе китайского здравоохранения существуют еще серьезные проблемы, к примеру, пребывание в больнице зачастую ложится тяжелым бременем не только на больного, но и на всех членов его семьи.

Шестая проблема. Равный доступ к образованию.

Как подчеркивается в брошюре, обеспечение равных возможностей в получении образования является «основой справедливости в обществе».

В настоящее время в Китае повсеместно осуществлена система обязательного бесплатного девятилетнего образования. В 2010 г. число обучающихся в средней школе высшей ступени достигло приблизительно 80 % от общего числа молодых людей школьного возраста, а в высшие учебные заведения – 26,5 %; создана система помощи учащимся из материально необеспеченных семей, в 2010 г. число учащихся и студентов, получавших её, составило 180 млн. человек, общая сумма выплат им – 51 млрд. юаней³¹. Ежегодно каждому учащемуся средней школы из этих семей предоставляется субсидия в размере 1500 юаней, почти 5 млн. студентов из неимущих семей в 2010 г. получили субсидии.

Однако в силу различных причин – региональных, финансовых, материального положения родителей и т. д. – проблема справедливости в доступе к образованию по-прежнему является одной из наиболее острых, поскольку получение качественного образования считается в семьях «инвестицией в будущее». Для обеспечения справедливости в образовании, повышения его уровня в июле 2010 г. была принята специальная «Государственная программа реформирования и развития образования на длительный срок (2010–2020 гг.)».

Для равномерного развития образования предполагается принять целый ряд мер: обеспечить по возможности быстрое предоставление школам стандартного оборудования и технических средств; предоставить им одинаковые возможности для подбора квалифицированных учителей; унифицировать правила приема учащихся; обеспечить лучшие условия учебы для возможно большего числа учащихся; ограничить вмешательство родителей и т. д. В связи с большим количеством детей школьного возраста наряду с расширением сети государственных общеобразовательных школ по-прежнему разрешается создание частных.

Седьмая проблема. Различия между регионами и между городом и деревней.

По мнению авторов брошюры, они носят объективный характер, и для их преодоления потребуется значительное время. Модернизация сельского хозяйства неразрывно связана с индустриализацией и урбанизацией, поскольку в ходе двух взаимосвязанных процессов в уездах и волостях появляются волостно-поселковые предприятия, меняющие облик населенных пунктов, в которых они расположены, и прилегающей к ним сельской местности. В двенадцатой пятилетке значительно увеличатся ассигнования на благоустройство деревни, например, будут продолжены работы по обеспечению крестьян питьевой водой, в одиннадцатой пятилетке ее получили 215 млн. крестьян, а только в первом году новой – 60 млн., т. е. уровень обеспеченности ею в сельской местности достигнет 77 %³².

В настоящее время власть откровенно признает, что в течение многих лет в обеспечении доступа к «общественным благам» («гунгун фуу») – медицинской помощи, пенсионной системе, образованию, получению работы и т. п. – наблюдался явный крен в сторону городов. В последние годы, т. е. в одиннадцатой пятилетке, сделан решительный поворот в сторону деревни, поставлена задача сократить разрыв между городом и деревней в социальном отношении. Предполагается, что в соответствии с законами будет строго соблюдаться право крестьян на владение землей, взятой ими в подряд, использование её, а также получение с неё доходов; изменена система реквизиции земли, повышены критерии выплаты компенсации за реквизируемую землю. Последнее обстоятельство очень важно, поскольку за годы реформ из-за индустриализации и урбанизации многие тысячи крестьян лишились своих земельных участков. Часто цена на отбираемые у крестьян земельные участки под строительство промышленных предприятий, дорог и общественных зданий была очень низкой, что, естественно, вызывало у них недовольство и приводило к серьезным конфликтам с местными властями.

Наконец, в августе 2010 г. началась реформа системы прописки в городах, что позволит решить проблему т. н. крестьян-рабочих (они заняты преимущественно на строительных работах). Предполагается, что в течение ближайших десятилетий 10 млн. крестьян получат прописку в городах, станут «новыми горожанами»³³.

Восьмая проблема. Коррупция.

В брошюре проанализированы причины появления коррупции, ее разновидности, отношение к ней общественного мнения, наконец, предлагаемые меры по ее искоренению. Авторы отмечают, что, во-первых, коррупция возникла в Китае не сегодня, у неё своя длительная история и что, во-вторых, она имеет место не только в Китае, а носит глобальный характер. Одновременно подчеркивается, что Коммунистическая партия Китая с момента своего возникновения всегда вела решительную борьбу с коррупцией.

В последние годы в ходе осуществления политики реформ и открытости в этой борьбе достигнуты значительные успехи. Так, только за 2010 г. центральные контрольные органы рассмотрели 139621 дел, связанных с коррупцией, 146517 человек были привлечены к партийной ответственности, из них дела на 5373 человека были переданы в судебные органы³⁴. Согласно данным опросов общественного мнения, уровень удовлетворенности населения Китая результатами борьбы с коррупционными элементами за период 2003–2010 гг. с 51,9 % поднялся до 70,6 %; одновременно с 68,1 % до 83,8 % повысился процент тех людей, кто считает, что власти удастся пресекать отрицательные явления, связанные с коррупцией³⁵.

Существующая в обществе коррупция объясняется, по мнению авторов брошюры, целым рядом причин: во-первых, из-за наличия слабых мест в существующей государственной системе в связи с ее переходом из одного состояния в другое. Эти слабые места предоставляют пространство для возникновения коррупционных явлений. Во-вторых, соблазн интересов, когда преступные элементы «ради личной выгоды» используют различные средства для подкупа «нестойких» кадровых работников; в-третьих, недостаточный контроль, когда, образно говоря, «вышестоящие контрольные органы находятся далеко, контрольные органы равного уровня проявляют мягкость, а нижестоящие контрольные органы не очень смелы»; в-четвертых, нравственный фактор. Во время осуществления политики реформ и открытости через «открытое окно» проникает не только свежий воздух, но мухи и комары, речь идет о таких явлениях, характерных для капиталистического общества, как погоня за деньгами, эпикурейство, крайний индивиду-

ализм, оживились также нравы, присущие феодальному обществу, получение протекции благодаря родству по женской линии, создание различного рода группировок.

Борьба с коррупцией – это не одномоментный, а длительный исторический процесс; как говорят в Китае «чтобы вырастить дерево, нужно десять лет, чтобы вырастить человека, нужно сто лет». Для искоренения коррупционных явлений в стране предпринимаются следующие меры:

- особое внимание к проверке руководящих кадров, ибо у них больше возможностей для соблазнов;

- открытость в функционировании властных структур;

- внимание к контролю со стороны пользователей интернета, которых сейчас в стране 470 миллионов;

- комплексный контроль со стороны различных контрольных органов;

- осуществление «неподкупной политики», пропаганда соответствующей идеологии.

Большой резонанс среди населения Китая вызвало опубликование 26 мая 2010 г. «Постановления об отчетности руководящих кадров о своих делах». Оно касается более 1 млн. кадровых работников от уездного уровня и выше. В нем предусматривается, что они должны в установленные сроки сообщать об изменениях своего семейного положения, переезде на жительство за границу своей супруги (супруга), детей и их занятиях там, а также о доходах, недвижимости и инвестициях.

Частое обращение в данной статье к материалам брошюры «От того, как смотреть, до того, как решать» неслучайно. Она является официальным документом руководящего органа власти в стране – Коммунистической партии Китая. В ней содержатся важные статистические данные, но главное состоит в том, что дается цельное представление о политической линии китайского руководства, его стратегии и тактике. Чтение брошюры убеждает в том, что руководители Китая имеют четкую программу действий на ближайшую и длительную перспективы, а именно «всестороннее строительство общества сяо кан», что они не обольщаются достигнутыми результатами, ясно видят свои ошибки и промахи, четко представляют себе пути и средства их исправления.

III. Пространственное измерение китайского государства

Важным моментом в политической философии китайского руководства в период осуществления политики реформ и открытости является преодоление существенных различий между развитыми восточными районами страны и ее западной частью. В конце 2010 г. правительство Китая – Госсовет – опубликовало специальную программу, где все пространство страны было разделено на четыре крупных региона: «с упором на преимущественное развитие», «средний уровень развития», «ограниченное развитие» и «просто развитие». Западный регион относится к первому типу, поскольку он до сих пор является менее развитым, прежде всего в экономическом отношении, доход на душу населения здесь в начале XXI столетия составлял всего лишь 40 % от аналогичного уровня в восточных районах. Это объясняется целым комплексом причин – природных, исторических и социальных. Достаточно сказать, например, что в западном регионе значительную часть территории занимают горы и пустыни. Кроме того, здесь проживают национальные меньшинства, которые в культурном плане уступают собственно китайской (ханьской) нации.

Естественно, что подобное положение отрицательно сказывается на общей экономической ситуации в стране и, что еще более важно, происходит своего рода разрыв ее пространства на отдельные части, мало связанные между собой. К рубежу XX–XXI столетий появилось как бы два Китая: один более развитый, а другой – менее. В 2003 г. стоимость валовой продукции в западном регионе страны была равна 66 млрд. юаней, что составляло только 18 % от общегосударственного уровня. Между тем по площади западный регион занимает более 71 % территории всей страны, но проживало здесь в конце 2002 г. только около 20 % населения Китая. Обеспечение политической и социальной стабильности в стране во многом зависит от ситуации в национальных районах и уездах. Специфика региона определяется также тем, что в нем находятся все пять национальных автономных районов – Хуэйский, Гуанси-Чжуанский, Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский. Причем два последних являются проблемными в силу существующих здесь отношений между титульной нацией и центральным правительством. В настоящее время наблюдают-

ся определенные очаги недовольства со стороны проживающих национальных меньшинств (официальное название, принятое в Китае для обозначения неханьских наций, всего их 55), главным образом уйгуров и тибетцев. Здесь же расположены четыре наиболее отсталые провинции с преимущественно китайским населением – Ганьсу, Цинхай, Гуйчжоу, Юньнань. Наиболее развитыми являются город центрального подчинения Чунцин, а также провинции Сычуань, Шэньси, где расположена столица древнего Китая город Сиань.

Проблема преодоления разрыва между Западом и Востоком страны давно была в центре внимания руководства Китая, однако для ее решения в течение многих лет не хватало необходимых средств. Начатая в 80-е годы политика реформ и открытости («гайгэ кайфан чжэнцэ») серьезно обострила данную проблему, и уже в девяностых годах она постепенно становится одной из главных тем повестки дня общегосударственных дел, требующих своего решения. Наконец, на рубеже 1999–2000 гг. была принята специальная «Программа развития Большого Запада»³⁶, которая предусматривала широкомасштабные преобразования в данном регионе, включая крупные общенациональные проекты. Для координации соответствующей работы была создана специальная рабочая группа во главе с премьер-министром, куда вошли ответственные представители различных министерств и ведомств, а также партийных органов. Контроль за исполнением этой программы, причем регулярный, осуществляли высшие руководители партии и государства. «Программа развития Большого Запада» укладывалась в общую стратегию китайского руководства, которая была сформулирована Дэн Сяопином в 1988 г.: «Приморские районы должны быстрее проводить политику открытости, чтобы эта обширная зона с населением в двести миллионов человек развивалась сравнительно быстро и вначале, чтобы тем самым подтянуть за собой внутренние районы. Такова должна быть ситуация. Во внутренних районах должны принять ее во внимание». В то же время Дэн Сяопин указывал, что «когда развитие дойдет до определенного времени, от приморских районов потребуется прилагать большие усилия для помощи в развитии внутренних районов, и тогда сложится другая ситуация»³⁷.

Таким образом, очевидно, что политическая философия китайского руководства содержала и содержит до сих пор два основных момента: во-первых, учитывая масштабы территории государства, ограниченность средств на начальном этапе модернизации китайского общества, следует сосредоточить усилия нации на осуществлении программ, могущих дать более быстрый эффект. Именно поэтому и был сделан упор на развитие в первую очередь приморских районов, в которых имелись экспортные отрасли промышленности и традиции предпринимательства. Конечно, подобная стратегия реформ неизбежно вела к диспропорциям в региональном развитии страны, что китайское руководство, конечно, не могло не осознавать. Однако другого выхода в тогдашних условиях не существовало.

Однако, во-вторых, отдавая вначале приоритет экономическому развитию приморских районов, китайские руководители считали подобный выбор временным шагом, а не постоянной политикой. Поэтому неудивительно, что в те же годы Дэн Сяопин подчеркивал, что «помощь передовых районов отсталым районам – это их долг и в то же время большая политика»³⁸.

И действительно, несмотря на определенную ограниченность бюджетных средств, уже в 80–90-е гг. прошлого столетия партийное и государственное руководство Китая постоянно уделяло большое внимание западному региону страны. В те годы это выразилось главным образом в образовательной и культурной сферах, подготовке местных кадров.

С принятием «Программы развития Большого Запада» помощь центра административным единицам западного региона страны неизмеримо возросла. Это нашло свое впечатляющее выражение в различных сферах общественной жизни – экономической, культурной, социальной. Приведем некоторые цифры. За 2000–2009 гг. стоимость валовой продукции региона увеличилась с 1,67 триллиона юаней до 6,69 триллиона, что опережало ее рост в центральном и северо-восточном регионах страны и в процентном отношении было сопоставимо с аналогичными достижениями в наиболее развитом восточном регионе³⁹. При этом развитие некоторых провинций и автономных районов происходило опережающими темпами. Так, автономный район Внутренняя Монголия занимал первое место в стране по показателям роста, в 2002–2009 гг.

ежегодный прирост продукции составлял здесь 16,9 % (!), стоимость валовой продукции на душу населения превысила 3000 ам. долл.⁴⁰. В 2008 г., несмотря на мировой финансовый кризис, общий экономический рост составил в Китае 11,7 %, причем в западном регионе он достиг 12,4 %⁴¹.

В 2000–2009 гг. в районе «Большого Запада» было осуществлено 120 проектов общегосударственного масштаба, финансирование их проводилось главным образом за счет бюджета центрального правительства. В результате «в инфраструктуре региона произошли колоссальные изменения», как пишет в своей книге бывший член Политбюро ЦК КПК, председатель Госплана Цзэн Пэйюань, один из тех, кто в первом десятилетии нынешнего столетия непосредственно отвечал за «Программу развития Большого Запада»⁴².

Особое внимание в годы осуществления программы уделялось развитию транспорта, поскольку, как говорят в Китае, «если хочешь быть богатым, вначале построй дороги». Вообще говоря, китайское руководство отлично осознает роль транспортной системы в сохранении в стране политической и социальной стабильности. Поэтому оно уделяет огромное внимание развитию железных и шоссейных дорог, а также авиационного сообщения. Строительство новых железных дорог ведется не только в густонаселенных районах страны, одновременно они появляются и в труднодоступных местностях. В течение многих десятилетий Запад Китая представлял собой малодоступный, отрезанный от остальной территории страны регион. Теперь транспортным сообщением связаны не только крупные города, но средние и небольшие. В регионе было построено 16000 км общегосударственных шоссейных дорог и 18000 км провинциальных. Если в конце 1999 г. во всем западном регионе насчитывалось немногим более 53000 км шоссейных дорог, а скоростных автострад всего лишь 2520 км, то в конце 2009 г. протяженность шоссейных дорог составила уже почти 148000 км, а скоростных автострад 18600 км. Следует отметить, что за последние тридцать лет во всем Китае была создана широкая сеть современных шоссейных дорог с бетонным покрытием, соединяющая между собой не только провинциальные центры, но и большинство уездных городов. При этом необходимо учитывать, что многие шоссейные дороги приходилось строить в тяжелых природных условиях – в горной местности: было

построено 18 км тоннелей с односторонним движением и 36 км с двусторонним (по первым Китай занимает теперь второе место в мире, а по вторым – первое). К концу 2009 г. в западном регионе Китая общее число аэропортов, заново построенных или реконструированных достигло 81⁴³, при этом следует напомнить, что этот регион страны включает всего лишь 12 административных единиц, то есть воздушным сообщением охвачено теперь большинство его уездных городов. В ряде провинциальных центров, например Сиане, начата прокладка линий метро.

Значительного развития достигло строительство железных дорог. Если в конце 1999 г. их общая протяженность составляла свыше 21000 км, то к концу 2009 г. она достигла уже 33 тыс., из них двухколейные занимали свыше 23 %, а электрифицированные почти 37 %⁴⁴.

Особый предмет гордости всей китайской нации составляет Цинхай-Тибетская железная дорога. Дело не только в том, что она связала единственный не имевший в прошлом подобного средства сообщения район с остальным Китаем. Главное состоит в том, что эта железная дорога построена в высокогорной местности на высоте свыше 4000 метров над уровнем моря. Строительство её было постоянной темой различных обсуждений высшим партийным и государственным руководством на протяжении многих лет, начиная с середины 50-х гг. прошлого столетия. Однако в силу отсутствия необходимого опыта и достаточных финансовых средств, к строительству дороги смогли приступить только в середине 2001 г.

Цинхай-Тибетская железная дорога является самой протяженной в мире высокогорной дорогой, расположенной к тому же в зоне вечной мерзлоты. Как подчеркивают китайские официальные лица, строителям приходилось решать три «труднейших проблемы» – вечная мерзлота, недостаток кислорода, бедная природная окружающая среда. Кроме того, в местности, где должна была пройти железная дорога, существовала угроза возникновения природных бедствий, таких как землетрясения, оползни, сели, песчаные бури, грозы и т. п. Благодаря использованию новейших достижений китайской научно-технической мысли, изучению зарубежного опыта, в частности, строительства железной дороги в условиях высокогорья в Перу и вечной мерзлоты в Советском Союзе, все существовавшие трудности были успешно преодолены.

Одновременно для обеспечения нормальных условий функционирования человеческого организма китайскими специалистами были сконструированы и построены для этой железной дороги вагоны, оснащённые специальным кислородным оборудованием. 1 июля 2006 г. на один год раньше установленного срока Цинхай-Тибетская железная дорога была торжественно открыта.

Ввод дороги в эксплуатацию имел большое значение.

– *Экономическое.* Раньше транспортные расходы составляли свыше 70 % общей стоимости ввозимых в Лхасу, столицу Тибета, товаров по своей покупательной стоимости. 100 юаней на здешних рынках были равны 54 юаням в приморских районах. Теперь же произошло снижение цен на ввозимую в Лхасу продукцию, прежде всего строительные материалы. Одновременно резко увеличился объем вывозимой из Тибета во внутренние районы страны местной продукции. Железнодорожный грузооборот составляет 11 млн. тонн⁴⁵;

– *культурное.* Значительно возрос туристический потенциал Тибетского автономного района, поскольку теперь как гражданам Китая, так и иностранцам была облегчена возможность для посещения данного района и, следовательно, знакомство с его культурой и историей;

– *военное.* Произошло укрепление юго-западных границ Китая, поскольку теперь территориальным претензиям внешних сил был поставлен надежный заслон;

– *политическое.* Тибет, образно говоря, стал ближе ко всему остальному Китаю, тибетская нация стала ближе к китайской (ханьской). Он стал по-настоящему неразрывной частью единого государственного целого – Китайской Народной Республики, что очень важно в условиях непрекращающихся попыток сепаратистских сил вырвать этот регион страны из состава Китая. Строительство данной дороги имело и важное стратегическое значение, ибо она позволяет осуществлять более эффективный контроль над этим районом страны.

Открытие Цинхай-Тибетской железной дороги трудно переоценить. Еще недавно Тибетский автономный район был регионом, где преобладали феодальные общественные отношения, где ламаистское духовенство и его лидер Далай-лама являлись непрекращаемым авторитетом. До сих пор здесь господствуют обычаи и

традиции, несовместимые с современными общественными нормами или в лучшем случае не соответствующие им, многие местные жители с трудом воспринимают новые веяния, идущие из внутреннего Китая. Политика реформ и открытости делает в этом районе только первые шаги, в какой-то степени это связано с тем, что постоянно живущих здесь китайцев только 5 %, что объясняется природными условиями. Однако открытие Цинхай-Тибетской железной дороги представляет собой своего рода исторический рубеж, с которого началась новая история Тибета и тибетской нации.

Одновременно это и новая страница в истории всего Китая, ибо теперь все районы страны связаны единой транспортной сетью. Можно предположить, что в течение последующих десятилетий китайское руководство будет прилагать значительные усилия для увеличения в Тибете численности представителей ханьской нации, несмотря на существующие здесь трудные для проживания географически-климатические, природные условия. Ибо проблема вхождения Тибета в единое культурное пространство Китая не может решаться только военными, экономическими и политическими средствами. Не следует забывать, что стереотипы мышления, стандарты поведения и вообще менталитет двух таких наций, как тибетская и китайская, сильно отличаются друг от друга.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с «Программой развития Большого Запада» происходит постоянное перемещение кадровых работников, специалистов, выпускников вузов и просто представителей ханьской национальности из центральных и восточных районов в западный регион. В основе этого лежат потребности повышения культурного, научно-технического и профессионального уровня тамошнего населения. Что касается районов национальных автономий – Синьцзянь-Уйгурского и Внутренней Монголии, то, как и в случае с Тибетским, здесь присутствуют соображения этнического характера – увеличения численности собственно китайской национальности.

Китайская Народная Республика является многонациональной страной, в ней проживает 56 наций, однако доминирующей является ханьская, она составляет примерно 95 % всего населения. Численность остальных 55 наций не превышает 5 %, они являются в Китае меньшинством, как мы уже отмечали выше, в официальном лексиконе их называют «национальные меньшинства». Каза-

лось бы поэтому, что они не могут представлять собой опасности для территориальной целостности китайского государства. Но все дело в том, что места компактного проживания многих из них находятся в пограничных районах. Поэтому главной целью национальной политики китайского руководства является сохранение единого территориального пространства государства. Этой цели посвящены все его мероприятия политического, экономического и культурного характера. Самая многочисленная из некитайских наций (10 млн. человек), чжуаны, проживающие в Гуанси-Чжуанском автономном районе, никогда не имели своей государственности, поэтому среди них не было каких-либо намеков на сепаратизм, они вполне лояльно относятся к режиму.

Что касается монголов, тибетцев, уйгуров, то здесь дело обстоит иначе. Монголы в Средние века создали свою военно-феодальную империю во главе с Чингисханом и в XIII в. даже были властителями Китая, основав там Юаньскую династию. Ныне монгольская нация разделена на две части – одна проживает в т. н. Внешней Монголии, нынешней суверенной Монгольской Республике, другая – в пределах Китая, в автономном районе Внутренняя Монголия. Учитывая важное стратегическое значение данного района, в частности его близость к столице, в нем уже вскоре после образования КНР стал проводиться курс на переселение сюда ханьцев, и в настоящее время они составляют уже более половины проживающего здесь населения⁴⁶.

Нинся–Хуэйский автономный район заселен преимущественно китайцами, принявшими ислам. Благодаря взвешенной политике в отношении приверженцев различных религий в этом автономном районе за время существования КНР не возникало каких-либо серьезных конфликтов на религиозной почве.

Как мы уже отмечали выше, из пяти автономных районов два являются проблемными – Тибетский и Синьцзян-Уйгурский. Тибет длительное время не входил в состав китайского государства, хотя при династии Мин (1368–1644) рассматривался как владение империи. Только в первой трети XVIII в. правители Китая подчинили его себе. Однако вхождение в состав Китая не изменило существовавшую в нем теократическую систему правления во главе с Далай-ламой. Кроме того, власть Центрального правительства не была здесь столь всеобъемлющей и соответственно прочной,

как в других районах Китая. Другими словами, местные тибетские власти пользовались определенной автономией при принятии решений. Формально она была сохранена и после образования КНР, по соглашению с тибетскими властями предусматривалось сохранение и уважение местных обычаев и традиций, в том числе теократической формы правления. Однако политическая практика первых трех десятилетий противоречила провозглашенным принципам. Это вызывало недовольство населения Тибета, что не раз выливалось в выступления против правящего режима. Наиболее значительным из них было восстание в Лхасе в 1959 г., после которого Далай-лама XIV бежал в Индию. В последние десятилетия политика центрального правительства в отношении Тибета претерпела кардинальные изменения: стали учитываться обычаи и традиции местных жителей, более уважительно начали относиться к местному духовенству. Тем не менее обстановка в регионе продолжает изменяться медленно. Как писал в свое время Маркс, «традиции всех мертвых поколений тяготеют как кошмар над умами живых»⁴⁷, слишком разнится менталитет двух наций, их представления о должном, приемлемом. Поэтому время от времени в обществе возникает напряженность. Наиболее яркое ее проявление – беспорядки, имевшие место в Лхасе в марте 2009 г. Сепаратистские тенденции в Тибете продолжают существовать, противники центральной власти получают поддержку извне, через границу с Индией, которую в силу объективных географических условий китайскому правительству полностью закрыть до сих пор не удастся. Стремление поставить барьер на пути сепаратизма является одной из причин строительства Цинхай-Тибетской железной дороги, поскольку до тех пор сепаратистам удается использовать близость китайско-индийской границы и хорошее знание местности. Решение тибетской проблемы, если ее так можно назвать, потребует не одного десятилетия.

Что касается Синьцзян-Уйгурского автономного района, то он назван так по имени самой многочисленной проживающей здесь нации, хотя в состав населения данного района входят также таджики, казахи, узбеки, киргизы и др. До начала XVIII в. тюркоязычные мусульмане из Восточного Туркестана находились вне юрисдикции Китая. Естественно поэтому, что среди уйгуров всегда были сильны сепаратистские тенденции, вопрос стоял даже о

создании самостоятельного государства Уйгурстан, отголоски этих настроений проявляются в деятельности действующих ныне нелегально террористических организаций. Поскольку природные условия Синьцзян-Уйгурского автономного района и соседних с ним провинций Ганьсу и Цинхай практически не отличаются, то в последние десятилетия активно проводится курс на переселение сюда представителей ханьской национальности. Он обусловлен не только соображениями поддержания общественной безопасности в данном регионе, но и потребностями экономического развития. Разработка находящихся здесь природных ресурсов требует привлечения большого количества квалифицированных специалистов, которых среди коренного населения крайне мало. В результате произошло значительное изменение национального состава. Если в 1949 г. численность собственно китайцев в Синьцзяне не превышала 5 %, то теперь их здесь 40 %, а в столице автономного района они составляют уже больше половины жителей города.

Специальные меры по привлечению в эти районы представителей ханьской нации в конечном счете рассчитаны на создание в них национальной опоры центральной власти. Данный процесс довольно успешно, хотя и не без издержек, протекает в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Что же касается Тибетского, то здесь в силу специфических климатических условий его завершение потребует не одно десятилетие или даже столетие. Но в любом случае китайское руководство твердо придерживается курса на обеспечение политической и социальной стабильности в национальных районах, при этом руководителями партийных органов, как правило, назначаются ханьцы (например, с декабря 1988 г. до 1993 г. первым секретарем комитета КПК Тибетского автономного района был Ху Цзиньтао). Значительное число представителей ханьской нации занимают ответственные посты и в различных административных структурах национальных районов. Китайское руководство не боится обвинений в великоханьском шовинизме, ибо оно понимает, что только государство-образующая нация Китайской Народной Республики – ханьцы – больше других заинтересована в сохранении ее целостности, а потому стремится всеми возможными средствами поддерживать политическую и социальную стабильность. В Конституции КНР нет пункта о возможности выхода национальных автономий из

состава единого государства, т. е. теоретической базы для сепаратизма. Другой принцип кадровой политики, осуществляемой в Китае, – это постоянное перемещение работников из одного уезда провинции в другой, никто из них не занимает одну и ту же должность в течение более пяти лет, т. е. происходит периодическая смена кадров. Это позволяет повышать их профессиональный уровень, понимание ими проблем, существующих в стране, и нахождение путей их решений. Кроме того, в Китае существует широкая сеть институтов и школ по подготовке и переподготовке партийных и государственных кадров, они есть не только в городах и их районах, но даже в уездах и волостях.

Одновременно во всех автономных районах проводится подготовка лояльных центру кадровых работников из числа коренных национальностей. Она осуществляется через партийные школы и административные институты различных уровней. Кадры высшего звена направляются на учебу в партийные и государственные учебные заведения в Пекин. Существует также специальная квота для приема в вузы студентов из числа национальных меньшинств.

При осуществлении «Программы развития Большого Запада» был взят на вооружение следующий принцип: «начинать дело необходимо с подготовки кадров». Всего за десять лет из центрального аппарата партии и правительства, партийных школ и научно-исследовательских институтов на работу в западный регион было направлено более 1000 человек⁴⁸. Одновременно за этот же период более 4100 кадровых работников оттуда прошло стажировку в центральном аппарате и в учреждениях экономически развитых районов⁴⁹. Министерство образования Китая также приняло активное участие в осуществлении данной Программы: им было направлено в западный регион 9 групп кандидатов наук общей численностью 151 человек, среди которых были лица, получившие образование за границей. Почти 400 тысяч выпускников добровольно поехали в этот регион на работу после окончания учебы в вузах центрального и восточных районов страны⁵⁰.

Большое внимание уделяется также повышению жизненного уровня жителей как автономных районов, так и всего «Большого Запада». Вот только некоторые цифры. К концу 2009 г. были улучшены жилищные условия 1 млн. 700 тысяч семей, обеспеченность жителей региона водой достигла почти 92 %, увеличившись

по сравнению с 2000 г. на 45 %⁵¹. Точно так же значительно улучшились и другие бытовые условия жителей городов. Ощутимые изменения произошли и в сельской местности региона: в деревнях появились небольшие ирригационные сооружения, сельские жители стали получать питьевую воду, бензин, болотный газ, необходимый для отопления, к ним пришли телефон, радио и телевидение. Как образно пишет уже упоминавшийся нами Цзэн Пэйюань, «в прошлом в некоторых бедных районах западного региона наблюдалось следующее: когда за стенами домов крестьян поливал большой дождь, внутри них шел мелкий дождь, днем они не могли спрятаться от ветра, а ночью от дождя. В результате осуществления проекта их жилищные условия претерпели кардинальные изменения»⁵².

Быстрыми темпами за прошедшие десять лет (2000–2009) развивалась сфера образования, на которую были выделены значительные финансовые средства. Удалось расширить систему среднего и высшего образования в регионе, соответственно увеличить число учащихся и студентов, была ликвидирована неграмотность среди 6 млн. человек, в результате число неграмотных среди молодежи и лиц среднего возраста упало ниже 5 %⁵³. Нельзя не упомянуть и о культурном строительстве в районе «Большого Запада»: с 2000 по 2009 гг. здесь было построено 179 новых музеев, 151 дом культуры, теперь они имеются практически в каждом уезде⁵⁴. За счет бюджета Центрального правительства была проведена реконструкция многих исторических памятников, в том числе входящих в сокровищницу мировой культуры, как, например, знаменитый дворец Потала в Лхасе. Большие успехи были достигнуты и в других сферах общества – здравоохранении, охране окружающей среды, внешней торговле.

Осуществление «Программы развития Большого Запада» привело к значительному повышению жизненного уровня населения. В 2009 г. средние доходы городских жителей достигли 4213 юаней, увеличившись по сравнению с 1999 г. на 168 %⁵⁵, ежегодный прирост составил 10,4 %, при этом скорость увеличения доходов в автономных районах Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйском, Гуанси-Чжуанском, городе центрального подчинения Чунцине, провинциях Шэньси, Ганьсу, Цинхай и Гуйчжоу была выше средней по стране. Быстро росли и доходы сельских жителей, в 2009 г. они

были равны 3817 юаням, увеличившись по сравнению с 1999 г. на 133 %, ежегодный прирост составлял 8,3 %, причем скорость увеличения доходов в Тибете, Внутренней Монголии, г. Чунцине, пров. Сычуань, Юньнани и Шэньси была выше средней по стране. В том же 2009 г. рост потребления населения увеличился почти в 3 раза. Постепенно происходило сокращение численности бедных людей. Если в конце 1998 г. их было около 60 млн. человек, то в конце 2008 г. уже только 27 млн. Резко сократилось число безработных: в 2008 г. число занятых в различных отраслях производства, сфере услуг, государственных учреждениях во всех двенадцати административных единицах западного региона достигла 200 млн. человек, в 99,9 % семей по меньшей мере один человек имел работу⁵⁶.

Ситуация на российском Дальнем Востоке и в Восточной Сибири представляет собой разительный контраст с тем, что мы наблюдаем в западном регионе Китая. Наиболее ярко это проявляется в снижении темпов промышленного производства, оттоке из региона трудоспособного активного населения, что приводит к его обезлюдиванию. За постсоветский период число жителей Дальнего Востока сократилось на четверть. На одном лишь Сахалине население за 15 лет сократилось с 750 тыс. до 530 тыс. человек. Но хуже всего то, что, по опросам общественного мнения, от 40 до 50 % ныне живущих там молодых людей при возможности хотели бы уехать с Дальнего Востока⁵⁷. Нельзя не прийти к следующим выводам:

– В одном случае мы видим широкомасштабную, рассчитанную на длительную перспективу программу развития региона, в другом случае – ее отсутствие;

– в одном случае мы наблюдаем серьезное намерение соединить центр с отдаленными от него районами, создавать единое государственное пространство в экономическом, политическом и культурном смысле, в другом случае сталкиваемся с отдельными разрозненными шагами, мероприятиями в данном направлении. Это приводит к тому, что районы Восточной Сибири и Дальнего Востока постепенно становятся экономическим придатком соседних государств, прежде всего Китая, а их население все более ориентированным только на экономические и культурные связи с его регионами;

– в одном случае мы видим продуманную, продиктованную *общегосударственными интересами национальную политику*. В Китае закон один для всех без исключения наций, в том числе и национальных меньшинств, последние не пользуются никакими привилегиями в случае совершения уголовных преступлений, как это имеет место в России. Большинство зачинщиков беспорядков в июле 2010 г. в г. Урумчи – центре Синьцзян-Уйгурского автономного района – были уйгурами, все они, как и зачинщики-китайцы, были приговорены к смертной казни. В Китае постоянно идет укрепление позиций центра в национальных районах (первые секретари парткомов в них – ханьцы), в то время как в России – ее постоянное ослабление, что выражается в оттоке русскоязычного населения, фактическом возрождении обычаев, противоречащих общепринятым нормам поведения и морали. Если в Китае строго соблюдается принцип подбора кадров по деловым, профессиональным качествам, то в России этот принцип не соблюдается; достаточно сказать, что в ряде национальных республик среди руководящих кадров практически не осталось представителей некоренных наций, в том числе русских. Фактически утрачены лучшие традиции советского периода российской государственности;

– в одном случае мы можем констатировать единство слова и дела, в другом – очевидное расхождение между провозглашаемыми лозунгами и целями и их практическим осуществлением. Если в Китае конкретные результаты «Программы развития Большого Запада» налицо, то в России каждый раз, когда подходят сроки выполнения каких-либо обещаний правительства и правящей партии и становится очевидным их невыполнимость, провозглашаются новые обещания, и так продолжается постоянно;

– в одном случае происходит постепенное и неуклонное уменьшение разрыва между менее и более развитыми районами страны, в другом случае этот разрыв все более увеличивается;

– в одном случае осуществляется курс на повышение профессионального и политического уровня кадровых работников, обновление их состава путем как перевода в этот регион работников из центра и других районов страны, так и постоянной переподготовки местных кадров на курсах повышения квалификации, в другом случае подобная практика практически отсутствует.

IV. Культурная политика как неотъемлемая часть политической философии китайского государства

Важную роль в поддержании политической и социальной стабильности в китайском обществе играет соответствующая духовная атмосфера, состояние моральных устоев. Китайское руководство обращает на эти вопросы серьезное внимание. Культурная политика государства состоит в инициировании, создании и поддержке тех произведений искусства, которые пропагандируют общечеловеческие нормы морали и одновременно недопущении таких, которые ведут к нравственной деградации человека и общества в целом, существует «нравственная цензура». В средствах массовой информации (печатных изданиях, на телевидении, радио) не допускается демонстрации произведений, фильмов, имеющих антикитайскую направленность, извращающих историю страны, унижающих человеческое достоинство, попирающих нормы морали. Поощряются художественные произведения, в которых прославляются свершения во имя государства и общества.

Свидетельством возрастающего внимания властей Китая к сфере культуры является тот факт, что в октябре 2011 г. в Пекине состоялся пленум ЦК КПК, первый за все время существования КНР специально посвященный проблемам культурного строительства. Пленум принял всеобъемлющее постановление, озаглавленное «О некоторых вопросах углубления реформы системы культуры и стимулировании большого развития и большого процветания социалистической культуры». Фактически это программный документ, рассчитанный на длительную перспективу.

Прежде всего в нем подчеркивается, что «китайская компартия является подлинной наследницей и продолжательницей лучших традиций китайской национальной культуры и одновременно она активно иницирует и развивает передовую китайскую культуру»⁵⁸. В первом разделе документа содержится, на первый взгляд, много общих слов лозунгового характера, однако это только на первый взгляд, ибо за каждой фразой скрывается глубокое содержание, имеющее серьезное практическое значение. Что мы имеем в виду? Требование, во-первых, соединять воедино материальную и духовную цивилизацию, т. е., развивая экономику страны, не забывать о духовной сфере общества; во-вторых, управлять госу-

дарством на основе и законов, и морали, то есть соединять вместе в управлении юридические и нравственные нормы; в-третьих, по-прежнему придерживаться курса на «освобождение сознания, реалистический подход, действовать в соответствии со временем» и тем самым добиваться того, чтобы марксизм китаизировался, осовременивался, становился массовым учением, и все это во имя развития теоретической системы социализма с китайской спецификой, т. е. во главу угла по-прежнему ставится задача приспособления марксистской теории к конкретным условиям практики модернизации китайского общества; в-четвертых, продолжать создавать систему ценностей, соответствующих социалистическим идеалам, здесь имеется в виду национальный дух патриотизма и дух эпохи, проявляющийся в стремлении к реформам и инновациям, т. е. патриотизм увязывается с чувством новизны, а не с обращением в прошлое.

При этом в первом, как, впрочем, и во всех последующих разделах, проводится мысль Дэн Сяопина о том, что «развитие является непреложной истиной». Речь идет о постоянном обновлении продуктов культуры при сохранении их социалистической направленности, социалистического духа. Подчеркивая важность культуры для развития общества, авторы документа пишут: «Материальная бедность – это не социализм, духовная пустота также не социализм, если не будет блестящего развития социалистической культуры, то не будет и социалистической модернизации»⁵⁹.

В разделе документа, посвященном воспитанию социалистических ценностей, говорится о необходимости, во-первых, отстаивать руководящее место марксизма, во-вторых, утверждать всеобщие идеалы социализма с китайской спецификой, в-третьих, одновременно развивать национальный дух, сущностью которого является патриотизм, и дух эпохи, выражением которого являются инновации, и, в-четвертых, создавать и твердо проводить в жизнь *представление о «моральном и аморальном»* (дословно о славе и позоре).

Данное понятие появилось в китайском политическом лексиконе сравнительно недавно. Его появление неслучайно, политика реформ и открытости, рыночные отношения привели к серьезному изменению нравственных ориентиров китайских граждан, определенному падению нравов общества, что потребовало принци-

пиальных изменений в идейно-воспитательной работе. Главное место в ней теперь занимают не только и не столько политические кампании, сколько кропотливая повседневная работа по воспитанию в обществе здорового морального климата. Речь идет о поощрении высокой нравственности и ответственности в обществе, профессии, семье, изучении лучших образцов морали. В Постановлении говорится, что лучшие нравственные качества проявляются в патриотизме, любви к профессии, верности своему слову, признании равенства полов, уважении к пожилым людям, помощи бедным и тем, кто оказался в трудном положении. Причем верность своему слову, честность приобретает важное значение для определения нравственных устоев человека. Речь идет о честности при исполнении служебных обязанностей, в торговых делах, в обществе и в суде. Необходимо создавать атмосферу уважения к тем, кто является честным человеком, и презрения к тем, кто совершает нечестные поступки.

В Постановлении пленума ЦК КПК содержатся и конкретные указания, касающиеся различных сфер культуры в широком смысле этого слова, включая общественные науки, средства массовой информации, интернет и т. д. Обращает на себя внимание требование теоретических инноваций в сфере общественных и философских наук, придание им китайской специфики, китайского духа, китайского стиля⁶⁰. Говоря о средствах массовой информации и интернете, Постановление требует, чтобы в них присутствовала объективная информация о событиях в стране и за рубежом, чтобы она была своевременна и прозрачна. Те, кто работает в газете и на телевидении, занимается распространением информации через интернет, должны чувствовать свою социальную и профессиональную ответственность, не допускать распространения сведений, могущих причинить вред обществу. Лица, распространяющие подобные сведения, должны преследоваться по закону.

В Постановлении пленума говорится также о том, что развитие современной китайской культуры невозможно без заимствования лучших образцов мировой, полезных для строительства социалистической культуры, и тем самым «обогащения культурной жизни нашего народа». Однако главным является создание системы наследования традиционной культуры: «Прекрасные культурные традиции, вобравшие в себя неуклонно обогащаемые духов-

ные устремления китайской нации, и постоянно пополняемое её духовное богатство являются глубокой основой развития социалистической передовой культуры, важной опорой строительства духовного родного края китайской нации. Необходимо всесторонне познавать традиционную культуру Родины, усвоить ее экстракт и отбросить отходы, использовать культурное наследие для настоящего, отбрасывать устаревшее и прокладывать дорогу новому, придерживаться курса одновременного использования сохранившегося наследия и его распространения, усиливать работу по выявлению и выяснению сильных прекрасных идей и ценностей традиционной культуры, поддерживать основные элементы национальной культуры, и все это с тем, чтобы прекрасная традиционная культура стала духовной силой, которая бы стимулировала движение народа вперед»⁶¹. В Постановлении также указывается на необходимость проведения работы по сохранению памятников культурного наследия, систематизации письменных свидетельств традиционной культуры и их оцифрованию. В соответствии с возрождением в последние годы национальных традиционных праздников они стали приобретать в общественном сознании большее значение, чем революционные, поставлена задача «глубокого раскрытия их содержания», а также «широкого распространения в массах прекрасной традиционной культуры».

В течение многих столетий в Китае существовал императорский строй, который затем сменился авторитарным режимом буржуазно-феодалных кругов. С приходом к власти коммунистов произошла лишь смена правящего слоя, но авторитаризм остался. В традиционном Китае культивировали представления, исходившие из безусловного приоритета коллектива над индивидом, отрицавшие право последнего на автономное существование. Сознание масс носило общественно-коллективистский характер. Член китайского социума привык чувствовать себя песчинкой в огромном море житейских бурь, поэтому он просто не мог представить себя вне дома, семьи, коллектива, общины. Следует также учитывать огромное воздействие на умы миллионов китайцев стереотипов конфуцианства.

В течение многих столетий вплоть до Синьхайской революции 1911 г. конфуцианство было официальной идеологией императорского Китая, оно использовалось для отстаивания интере-

сов правящей элиты, беспрекословного подчинения старшим по должности и возрасту. Это учение играло громадную роль в формировании всего китайского образа жизни, начиная от социальных институтов и кончая семейными отношениями. Культ конфуцианской традиции, заложенный в эпоху Хань (III в. до н. э. – II в. н. э.) и обновленный при Сунах (XI–XII вв.), стал альфой и омегой всей китайской культуры, базисным элементом культурного и соответственно политико-философского наследия. Принципы конфуцианской этико-политической доктрины играли определяющую роль в формировании мировоззрения каждого члена китайского социума – не только интеллигента, но и обычного крестьянина. Каждый из них вольно или невольно соразмерял свои поступки и мысли с предписаниями конфуцианства. Поэтому можно говорить о том, что каждый китаец был и остается в известном смысле конфуцианцем.

Принципы этико-политической доктрины конфуцианства, кратко говоря, состояли в следующем: это культ отца и старших в семье, семьи и клана, чиновников-ученых, оборачивающийся в конечном счете культом идущей от Неба власти императора и вообще культом старших по возрасту и социальному статусу, приверженностью к консерватизму и традициям. В течение многих столетий китайское общество было обществом патерналистского толка, что легко объясняет систематическое появление авторитарных режимов. Император, будучи наместником Неба, выступал в роли Отца своих подданных, поэтому неповиновение его установлениям не допускалось и жестко каралось. Конфуцианство не могло не оказать своего влияния на формирование мировоззрения первых руководителей Коммунистической партии Китая, ибо все они получили обычное китайское воспитание.

Именно с именем Конфуция многие ученые связывают в Китае национальные духовные традиции, теперь он считается главным представителем китайской традиционной культуры. Еще в период династии Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) Конфуция называли «великим человеком». Высокую оценку его учению давали деятели реформаторского движения конца XIX в. Кан Ювэй называл его «душой государства», отмечая, что «с ним связана вся китайская цивилизация». По словам Лян Цичао, если бы не было Конфуция, то Китай не смог бы быть Китаем на протяжении двух тысяч лет;

и если после смерти Сократа были его продолжатели, то после смерти Конфуция не было равных ему. Последователи Конфуция называли его «совершенномудрым», т. е. человеком, обладающим выдающимися талантами, несопоставимыми со способностями обычных людей. Неудивительно, что после смерти Конфуция постепенно в течение четырех-пяти столетий произошел процесс превращения мыслителя в «святого», его обожествление. Он уже не принадлежит к роду человеческому, это мессия, пришедший на землю из духовного мира.

При династии Хань (благодаря во многом Дун Чжуншу) учение Конфуция становится государственным, официальной идеологией, его книга «Чуньцю» («Весны и осени») – пособием по управлению государством, а сам он учителем правителей.

На протяжении столетий конфуцианство претерпевало двоякие изменения; с одной стороны, шел процесс его «окаменения», догматизации, когда все его постулаты превращались в непрекращаемые истины. Этим особенно отличалось сунское неоконфуцианство. В то же время в конце династии Цин реформаторы (Кан Ювэй и другие) настаивали на том, что, согласно аутентичному толкованию учения Конфуция, оно требует «изменений в соответствии со временем», т. е. выступает за преобразования в обществе.

Конфуцианство – не религия в общепринятом смысле этого слова, поскольку в нем нет, как в других религиях, веры ни в Высшее существо, распоряжающееся жизнью смертных, ни в загробную жизнь. Существовавший в нем культ Неба играл скорее социально-политическую и социально-этическую функции, чем религиозные. По справедливому замечанию известного российского ученого Л.С.Васильева, «если в других странах мораль всегда воспринималась как нечто подсобное, производное от основных религиозных догматов, если среди других народов мораль была религиозна прежде всего, то о Китае можно сказать обратное: в Китае религия была моральной, т. е. подчиненной тем традициям и нормам, которые были возвеличены и канонизированы конфуцианством»⁶². Неудивительно поэтому, что многие ученые вообще отказывают конфуцианству в праве называться религией. Нет в нем и специальной группы, касты священнослужителей. Хотя в Средние века культ Конфуция стал государственным, тем не менее количество храмов в его честь значительно уступало численности

буддийских. В настоящее время во многих китайских городах отсутствуют храмы Конфуция, а там, где они есть (Пекин, Шанхай и др.), существуют лишь в единственном числе, в них не проводятся специальных служб.

Следует подчеркнуть, что в традиционном Китае политика в системе культуры играла самую важную роль, можно сказать, даже самодовлеющую. И это было связано с ролью конфуцианства. Оно пронизывало всю систему политических отношений китайского общества, в том числе императора и его двора, императора и его подданных. Под влиянием конфуцианства строилась и внешнеполитическая доктрина китайского государства. При решении всех внутри- и внешнеполитических вопросов явно или неявно присутствовали конфуцианские идеи безусловного подчинения всех членов социума высшим интересам государства, выразителем которых, как правило, выступал император. Именно этого требовала иерархия конфуцианских ценностей. С точки зрения современных представлений о политической демократии подобный порядок вещей представляется ущемлением прав отдельного индивида. Однако в тогдашних условиях он позволял в нужный момент принимать адекватные политические решения. Не следует думать, что такие решения принимались исключительно и единолично императором, в их принятии участвовали не только министры, но и чиновники, которые служили при дворе. Такая традиция была заложена еще при Конфуции, который выполнял поручения представителей отдельных царств. Добавим к этому, что и сами чиновники были конфуциански образованными людьми, ибо только после получения соответствующего образования можно было занять государственную должность.

Конфуцианство – это этико-политическое учение, определяющее поведение и стандарты мышлений китайцев, они соразмеряют с ним свои поступки и мысли. Поэтому для него не нужно создавать специальные храмы. Их отсутствие отнюдь не свидетельствует, что существовало неуважение к учению Конфуция и к нему самому. Ибо главное – не в специальных церемониях, а в том, чтобы соразмерять с ним свои поступки и мысли. Жить, как учил Конфуций, – в этом и ни в чем ином состоит верность его заповедям. До начала XX в. за ним сохранялся статус святого мудреца, духовного вождя нации.

Во втором десятилетии двадцатого столетия в ходе т. н. движения за «новую культуру» (1915–1919 гг.) многие его представители выступили с резкой критикой конфуцианства за его «феодалную направленность», видя в нем тормоз для обновления китайского общества. При этом подобной позиции придерживались как либералы, так и марксисты. Так, например, видный западник Ху Ши утверждал, что в традиционных китайских учениях, в том числе в конфуцианстве, нет ничего, что могло бы быть использовано для сознания современной культуры страны. А один из основателей Коммунистической партии Китая Ли Дачжао писал следующее: «Конфуцианские идеи отнюдь не представляют собой вечной, неизменной истины. Конфуций и его последователи – мыслители определенной эпохи и ни в коем случае не могут быть учителями для всех времен»⁶³. По его мнению, конфуцианство перестало соответствовать современной китайской жизни. В те годы многие представители интеллигенции обвиняли конфуцианство в подавлении личности, в превращении человека в раба ничемных традиционных условностей. Более того, некоторые из них называли конфуцианскую мораль «людоедской».

И в новейшие времена в китайском обществе шла ожесточенная идеологическая борьба между сторонниками и противниками конфуцианства. Среди первых были как консервативные идеологи, так и представители профессуры, близкие к Гоминьдану, а среди противников – интеллигенты, получившие образование на Западе, демократически настроенная общественность, а также марксисты.

После прихода к власти коммунистов в 1949 г. в течение трех десятилетий в Китае конфуцианство не пользовалось официальной поддержкой, более того, существовало негативное к нему отношение, в годы т. н. «культурной революции» (1966–1976 гг.) оно объявлялось «феодалным хламом», осуждалось как «реакционное, контрреволюционное, антинародное учение». Положение резко изменилось лишь после перехода страны к «политике реформ и открытости», т. е. в 1979 г. Это было связано с распространением в кругах китайской интеллигенции идей «современного нового конфуцианства».

В 1958 г. четыре ученых, живших за пределами материкового Китая, – Моу Цзусань, Сюй Фугуан, Чжан Цзюньмай и Тан Цзюньи – опубликовали совместное заявление, которое дослов-

но можно перевести как «Манифест – предупреждение мировой общественности о китайской культуре». Китайская историография датирует этим годом появление «современного нового конфуцианства». В этом документе они фактически вновь подняли те вопросы, которые уже обсуждались ранее, – о кризисе китайской культуры и о путях его преодоления.

Источник преодоления кризиса представители «современного нового конфуцианства» видели в возрождении национальных духовных ценностей. Они неоднократно подчеркивали, что при изучении китайской культуры необходимо придерживаться принципов сочувствия, уважения к ней. Это позволит увидеть особую духовность, присущую китайским культурным, философским традициям, идущим от Конфуция и его последователя Мэн-цзы. В отличие от многих своих предшественников они усматривали наличие в китайской цивилизации все тех элементов, которые есть в западной, хотя и выраженных в другой форме. Они не противопоставляли, например, демократию и науку китайской культуре. В «Манифесте» заявлялось: «Мы признаем, что в культурной истории Китая не было демократического строя и науки, существовавшей в Европе в Новое время, а также различной техники, в результате чего в Китае не смогло быть осуществлено подлинной современной индустриализации. **Однако мы не можем признать, что в китайской культурной идеологии не было элементов демократических идей, отрицать того, что внутренние требования политического развития требовали установления демократического строя. Мы также не можем признать, что китайская культура носила антинаучный характер, была направлена на пренебрежение наукой и техникой**»⁶⁴ (выделено нами. – В.Б.). В подтверждение своей точки зрения авторы «Манифеста» ссылались на характерное для конфуцианства требование этического обоснования политических действий и мероприятий.

После окончания «культурной революции» в 80-е годы сторонники «современного нового конфуцианства» появились и среди ученых в Китайской Народной Республике. Постепенно стало меняться и отношение официальных кругов к культурному наследию. Если до этого конфуцианство отбрасывалось как составной элемент китайской культуры, более того, объявлялось тормозом социального развития Китая, то теперь начинает под-

черкиваться роль культурных традиций в строительстве социалистического общества. Более того, можно сказать, что 1980-е гг. и первая половина 1990-х гг. прошли под знаком широкого распространения взглядов представителей «современного нового конфуцианства». Это был своего рода идеологический бум, свидетелем чего являлся и автор данной статьи. Эта тенденция сохраняется и сегодня.

По мнению сторонников этого направления, являясь квинтэссенцией традиционной китайской культуры, конфуцианство способно сыграть роль движущей силы модернизации Китая, стать духовной силой обновления китайского общества. Конфуцианство нельзя рассматривать как обычное философское учение или научную теорию, это компендиум вечных универсальных истин, которые верны во всех обстоятельствах и при всех общественных режимах. С самим его содержанием связана жизненность конфуцианского учения. Выступая как моральная философия, оно воспитывает людей в духе высоких нравственных идеалов, делает их морально совершенными, осознающими свое общественное предназначение, свой профессиональный и семейный долг. Однако конфуцианство – не закрытая система, чтобы служить делу модернизации, оно должно воспринять определенные элементы западной культуры. Говоря о последних, обычно имеют в виду «науку» и «демократию». Их «усвоение» является содержанием модернизации самого конфуцианства, без чего оно не в состоянии сыграть свою историческую роль в современном мире.

По мнению многих современных китайских ученых, в традиционной китайской культуре имеется «богатое содержание», которое может быть заимствовано.

Во-первых, дух настойчивости, готовность к напряженной борьбе при достижении каких-либо целей. В Китае всегда на первом месте были повседневная жизнь с ее заботами и трудностями. Как говорил Конфуций, «благородный настойчив, не уставая», ему же принадлежат слова: «Если не знаешь жизни, то, как ты можешь знать смерть». Другими словами, конфуцианская философия призывала опираться на собственные силы, не верить в предрассудки. Она воспитывала в китайцах стремление вести решительную, непреклонную борьбу со всеми опасностями, угрожающими природе и обществу.

Во-вторых, конфуцианство всегда придавало первостепенное значение практике, действиям, а не отвлеченным абстрактным размышлениям.

В-третьих, уважение к духовной жизни человека, его внутреннему миру. Нравственное самосовершенствование всегда имело важное значение для китайских мыслителей. Мэн-цзы говорил, что «духовное совершенство прекрасно». Поэтому осуждались всякого рода «низменные наклонности», например, стяжательство, жажда обогащения и т. п.

В-четвертых, патриотизм. В древности существовало изречение: «Процветание и гибель Поднебесной зависит от людей».

В-пятых, стремление к правде, истине, справедливости. В китайском социуме лживые, нечестные люди подвергались осуждению, они считались низменными. Девизом были слова: «достаточно утром узнать правду, и тогда вечером можно умереть». Ради достижения истины «благородный муж» готов пожертвовать своей жизнью.

В-шестых, дух единства и взаимопомощи, уважение к старым, старшим по возрасту, забота о детях.

В-седьмых, гуманистический подход к отношениям между людьми, взаимная терпимость членов общества. Поэтому принципы конфуцианства применимы и для управления обществом, и для урегулирования международных вопросов. К числу достоинств китайской культуры Б. Рассел, например, относил ее рационалистический характер.

В-восьмых, культ знания.

По мнению китайских ученых, нельзя противопоставлять традиционную культуру и модернизацию. Образно говоря, традиционная культура – не мертвая, а живая вода. Культура постепенно подвержена изменениям, в результате чего происходит обновление ее отдельных элементов. В традиционной культуре заложена связь времен – прошлого, настоящего и будущего. Рассматривать развитие как антитрадиционализм неверно, поскольку любая модернизация начинается с наличной традиционной культуры, в противном случае это равносильно тому, как если бы у воды не было источника, а у дерева корня. Об опасности такого подхода говорил один из китайских ученых, предупреждал в свое время К. Поппер, по мнению которого уничтожение традиций влечет за собой исчез-

новение самой цивилизации, к которой они принадлежит. Вместе с тем китайские духовные традиции не могут препятствовать заимствованию элементов инациональной культуры. Об этом свидетельствует вся история Китая в XX в., когда китайское общество оказалось восприимчиво к идеям демократии и науки.

Наконец, следует адекватно понимать диалектическую взаимосвязь между национальной и мировой культурой, дело в том, что западная культура не обязательно является синонимом всего передового, а китайская – всего отсталого. Поэтому нельзя оценивать продукты культуры как достижения или нет в зависимости от места их производства. В этой связи в статьях китайских ученых говорится о том, что западной культуре свойственен дух наживы, культ золотого тельца. В то же время благодаря Китаю мировая цивилизация познакомилась с компасом, бумагой, порохом, искусством печатания, каменным углем.

С началом осуществления политики реформ и открытости в идеологической жизни китайского общества явно обнаруживаются две тенденции, два приоритета: с одной стороны, заимствование или во всяком случае изучение новейших идей зарубежной общественной мысли, прежде всего экономической, а с другой стороны, обращение к национальным духовным традициям, корреспондирующим с проводимой в теории китаизацией марксизма.

Однако модернизация китайского общества поставила в повестку дня вопрос о возможности использования в современных условиях конфуцианских ценностей. Тем более, что была очевидна связь с ними экономических достижений стран и регионов Восточной и Южной Азии (Японии, Сингапура, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга).

После превращения Китая в середине XIX в., по образному выражению Мао Цзэдуна, в «полукOLONиальное, полуфеодальное государство» и проникновения в Китай западной общественной мысли судьба конфуцианства претерпела серьезные изменения. С точки зрения исторической ретроспективы в идеологической жизни китайского общества существуют четыре основных теоретических концепта: «китайское – сущность, западное – функция»; «полное озападнивание», сочетание китайского и западного и, наконец, «современное новое конфуцианство». В конечном счете на первый план выступает последнее идеологическое направление.

В 80-е гг. прошлого столетия, сразу после «культурной революции» началось возрождение интереса к конфуцианству. В последние годы в кругах китайской научной и партийной общественности оживленно обсуждается вопрос о соотношении марксизма и конфуцианства, стали появляться многочисленные труды, посвященные ему, проводятся научные конференции – китайские и международные. Интерес к конфуцианству стали проявлять партийные и государственные деятели. В своих выступлениях они нередко используют высказывания Конфуция и его последователей, во многих городах проводятся торжественные церемонии, посвященные дню рождения Конфуция (28 сентября). Общим местом стало указание на то, что учение Конфуция содержит такие принципы и нормы, которые имеют общечеловеческое, нравственное значение. Потомки Конфуция окружены всеобщим почетом и уважением. В 1994 г. в Пекине была создана Международная конфуцианская ассоциация, которая раз в пять лет проводит международные конференции, посвященные дню рождения Конфуция. Последняя такая конференция состоялась 22–26 сентября 2009 г. в знак 2560-й годовщины со дня его рождения.

Одновременно на родине Конфуция в г. Цюйфу (провинция Шаньдун) вот уже который год регулярно проходят научные конференции, посвященные Конфуцию и конфуцианству. Аналогичные конференции раз в два года проходят на «второй родине» конфуцианства – в г. Цюйчжоу (провинция Чжэцзян), куда в XII в., спасаясь от иноземных завоевателей, бежали потомки Конфуция. В Цюйфу, Цюйчжоу, других городах Китая 28 сентября, в день рождения Конфуция, проходят торжественные церемонии с участием местного партийного и административного руководства.

Возрождение культа Конфуция происходит в рамках дальнейшей китаизации марксизма и создания новой государственной идеологии – современной версии китаизированного марксизма, хотя на официальном уровне об этом пока не говорят. Китаизация марксизма началась еще в тридцатые годы прошлого столетия, когда был провозглашен лозунг «соединения общих принципов марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции». Именно в те годы были выдвинуты такие оказавшиеся плодотворными положения, как окружение города деревней, использование крестьянства в качестве основной революционной

силы, создание единого фронта, включающего национальную буржуазию («теория новой демократии») и т. д. Это позволило компартии Китая одержать верх в противостоянии с находившейся тогда у власти партией Гоминьдан. Однако после 1949 г. по вине Мао Цзэдуна «конкретная практика китайской революции» во многом оказалась ошибочной. Следствием этого стало разочарование в общественном сознании китайского общества в идеях марксизма. Начались поиски новой идеологической парадигмы китайского марксизма. И здесь вновь встал вопрос о национальных духовных традициях, прежде всего конфуцианстве. Наряду с признанием прогрессивного характера «движения за новую культуру» стали высказываться мнения о том, что в результате в обществоведении появились две теории, фактически отрицавшие наличие в учении Конфуция каких-либо позитивных элементов – «культурного детерминизма» и «культурного противопоставления». Согласно этим теориям, вину за многовековую отсталость Китая несет традиционная культура, т. е. конфуцианство, а поэтому оно противоположно марксизму.

Подобные теории перекликались с утверждениями Макса Вебера о том, что конфуцианство во многом воспрепятствовало зарождению и развитию в Китае в Новое время капитализма, модернизации китайского общества. Однако экономические достижения стран и регионов Восточной Азии поставили под сомнение утверждение немецкого социолога. Было очевидно, что эти достижения, помимо экономических, политических, правовых и географических причин, имеют под собой и культурные основания, связанные с местными духовными традициями, т. е. с конфуцианством. Одновременно обращалось внимание на то, что «модель конфуцианского капитализма» отличается от модели западноевропейской, американской цивилизации. В процессе обсуждения данной проблемы обществоведами различных стран неизбежно встал вопрос об отношении конфуцианства к марксизму. Некоторые китайские ученые, преимущественно работающие за пределами материкового Китая, стали пропагандировать идею о том, что марксизм не принадлежит к числу «китайских мудростей» и что путь к возрождению китайской нации может открыть лишь обновленное конфуцианство. Именно данное течение общественной мысли получило название «нового конфуцианства»

(в отличие от собственно конфуцианства, первоначального, т. е. учения самого Конфуция и его ближайших последователей, и неоконфуцианства – конфуцианства XI–XII вв.).

Однако в самом Китае большинство ученых несогласно с подобной точкой зрения. Одни из них предлагают выделить в марксизме два уровня – политическую идеологию и общественно-политическую теорию – и не противопоставлять его марксизму, другие вообще говорят о необходимости «здорового взаимодействия» традиционной культуры (включая конфуцианство), марксизма и западной культуры. Для придания большей весомости своей аргументации они, как правило, ссылаются на высказывания классиков марксизма, Мао Цзэдуна.

Сторонники использования конфуцианства в современном китайском обществе обычно приводят следующие аргументы: Китай строит *социализм с китайской спецификой*, что означает, что при осуществлении модернизации нельзя копировать западные модели, а следует опираться на ситуацию в Китае («чжунго гоцин»), где важнейшим фактором являются культурные традиции, т. е. сформировавшиеся в течение двух с лишним тысячелетий под влиянием конфуцианства образ мышления, стереотипы психологии, ценностные представления, обычаи и привычки. По мнению виднейшего современного китайского ученого, автора многочисленных трудов по истории китайской философии профессора Чжан Дайняня (1909–2004), конфуцианство имеет семь общих черт с марксизмом: материализм, атеизм, диалектика, элементы материализма в объяснении истории, демократизм, гуманизм и идея «датун» (общество великого единения), последняя сродни идеалу социализма. Для подтверждения сходства конфуцианства с марксизмом некоторые китайские ученые говорят о том, что оба учения почитают разум, заменяют им религиозную веру, отрицают существование творца, подчеркивают единство материального мира, что все явления в нем находятся в постоянном движении, причиной которого является внутренне присущее им единство противоположностей. Конечно, подобные утверждения страдают преувеличениями, во многом не соответствуют историческим фактам. Цель их авторов состоит в том, чтобы обосновать тезис о необходимости соединения «блестящих традиций конфуцианской культуры» и марксизма, осуществить китаизацию марксизма, обогатить и развить послед-

ний. Возражая своим оппонентам, сторонники подобной точки зрения ссылаются на историю китайской мысли, приводя в пример заимствование в раннем Средневековье индийского буддизма, его китаизацию и появление китаизированного буддизма, а также на заимствование неоконфуцианством элементов буддизма и даосизма. Почему не может произойти подобного в случае с марксизмом и конфуцианством, спрашивают они. По их мнению, сами идеи Мао Цзэдуна имеют два источника – марксизм и китайскую традиционную культуру. Наконец, сторонники соединения «блестящих традиций конфуцианства» с марксизмом ссылаются на пример Маркса и Энгельса, которые создали свое учение на основе усвоения лучших традиций предшествующей культуры. И если классики поступали так, то почему мы в современных условиях при усвоении конфуцианства не можем использовать их опыт, отделяя, выражаясь словами Мао Цзэдуна, «экстракт от отбросов»?

Можно сказать, что в последние десять-пятнадцать лет начинается новый этап китаизации марксизма. Обращение к традиционному идейному наследию – конфуцианству – китайского руководства, на наш взгляд, объясняется тем, что репутация классического марксизма в результате ошибок, совершенных в ходе осуществления социалистического строительства, серьезно пострадала. В масштабе всей страны происходит не только широкое изучение учения Конфуция и его последователей, но и фактически пропаганда его идей на общегосударственном и региональном уровнях. В этой связи подчеркивается не только их непреходящее значение, но и их актуальность для современного китайского общества.

V. XVIII съезд КПК и стратегия развития Китая

В ноябре 2012 г. на XVIII съезде Коммунистической партии Китая произошла смена высшего китайского политического руководства. Власть от четвертого поколения китайских руководителей, которое олицетворял Ху Цзиньтао, перешла к пятому во главе с Си Цзиньпином. Последний был избран Генеральным секретарем ЦК КПК и Председателем Центрального Военного Совета партии. В марте 2013 г. он стал Председателем КНР. В соответствии с терминологией, принятой в экспертном сообществе,

60-летний Си Цзиньпин принадлежит к т. н. «партии принцев», ибо его отец Си Чжунсюнь был соратником Мао Цзэдуна, входил при нем в состав руководства партии. Однако его возвышение не было молниеносным, он последовательно прошел все ступни партийной карьеры – от секретаря уездного и провинциального комитетов до членства в Политбюро КПК. Следовательно, Си Цзиньпин обладает большим политическим опытом, однако не следует думать, что свои решения он принимает единолично, в последние годы в Компартии постепенно утвердился коллективный стиль руководства. Кроме того, следует учитывать, что «ушедшие на покой старцы» – представители третьего поколения руководителей во главе с Цзян Цзэмином – продолжают играть серьезную роль в принятии важных политических решений. В частности, существует мнение, что они оказали влияние на подбор членов Политбюро и его Постоянного Комитета восемнадцатого созыва. Несомненно, что в последующем такую же роль будут играть и ушедшие сейчас представители четвертого поколения китайских руководителей. Подобная конфигурация высшего эшелона власти позволяет не только сохранять баланс сил между различными группами политической элиты и тем самым обеспечивать принятие правильных кадровых решений, но, что самое главное, сохранять политическую стабильность в стране. Можно без преувеличения сказать, что на всех уровнях политической, государственной и хозяйственной власти практически нет случайных лиц, все кадровые работники имеют высшее специальное образование, регулярно проходят переподготовку в партийных школах и административных институтах, многие владеют английским языком, имеют опыт низовой практической работы⁶⁵.

Это, конечно, не означает, что в подборе кадров не бывает своего рода «сбоев». За десять лет нахождения у власти четвертого поколения китайских руководителей только в высшем эшелоне власти таких случаев было десять, но все они были связаны не со случайностью в подборе кадров, а с таким явлением, как «разложение», как его называют в официальных документах, т. е. их «перерождением». Яркий тому последний пример – дело Бо Силая, бывшего члена Политбюро ЦК, первого секретаря города центрального подчинения Чунцина. Как и другие руководители, он также из «партии принцев», последовательно прошел все ступени пар-

тийной иерархии, внес значительный вклад в развитие экономики страны, подъем жизненного уровня населения, однако, оказавшись на вершине политической власти, Бо Силай утратил чувство реальности, стал принимать единоличные решения, зачастую на грани законности, в конечном счете скатился до сокрытия уголовных преступлений своей жены.

Необходимо также учитывать, что все принимаемые партийными и государственными органами решения являются результатом длительных и всесторонних обсуждений в различных аналитических центрах, подведомственных партийным и государственным органам, а также в научных учреждениях.

Аналогично обстояло дело и с подготовкой Отчетного доклада ЦК КПК XVIII съезду партии, в ней принимали участие не только члены Центрального Комитета, но и сотни экспертов. Доклад этот по существу является не простым отчетом, большая его часть фактически посвящена программе действий партии на ближайшие десять лет, конкретным задачам, которые предстоит решать партии и государству в эти годы. Доклад озаглавлен «Твердо и непоколебимо двигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой, бороться за всестороннее построение общества среднего достатка» (в переводе агентства Синьхуа – «среднезажиточного общества»).

Съезд выдвинул две стратегические задачи: первая – к столетней годовщине со времени основания партии, т. е. к 2021 г., полностью завершить построение общества со среднезажиточным уровнем развития, вторая – к столетию со дня основания Китайской Народной Республики, т. е. к 2049 г., «построить богатое, демократическое, цивилизационное, гармоничное, социалистическое, модернизированное государство».

Если раньше говорили о том, что к 2020 г. необходимо удвоить ВВП и доходы населения по сравнению с 2000 гг., то теперь поставлена задача к 2020 г. увеличить ВВП и доходы населения в два раза уже по сравнению с 2010 г.

В течение последних тридцати с лишним лет на вооружении КПК последовательно появились три руководящих идеологических принципа: теория Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой, идея тройного представительства и, наконец, научная концепция развития. И все они, как принято говорить в Китае, во-

площали «движение в ногу со временем», что означает не держаться за устаревшие теоретические положения и практические методы, а выдвигать и применять новые в соответствии с постоянно меняющимися социальными обстоятельствами.

Достижениям страны отведено достаточно скромное место, очень кратко в сжатой форме изложены впечатляющие успехи в экономическом развитии. Упоминается о том, что в 2011 г. ВВП страны составил 47,3 трл. юаней, что в переводе на доллары США составляет более 7,5 трл., «важный прорыв совершен в области пилотируемых полетов в космосе, зондирования Луны, глубоководных морских погружений с человеком, скоростных железных дорог», отмечается, что по общему объему экспорта-импорта Китай вышел на второе место в мире и что заметно повысился уровень жизни народа. Говорится и об успехах в «социальном строительстве»: речь идет о введении бесплатного девятилетнего обучения в городе и на селе, «создана система основного страхования по старости в городе и деревне», в основном введено всенародное медобслуживание и т. д., «продолжали расти базовые пенсии по старости для пенсионеров предприятий». За десять последних лет доходы городского и сельского населения увеличились соответственно на 9,2 % и 8,1 %. В докладе говорится также о реформе политической системы, которая в частности выразилась в том, что «выборы депутатов собраний народных представителей стали проводиться по одинаковой норме представительства для городского и сельского населения», продолжала совершенствоваться «низовая демократия». К числу серьезных достижений докладчик отнес успешное решение проблем, возникших в связи с мировым финансовым кризисом 2008 г., благодаря чему «мы первыми в мире осуществили стабилизацию экономики и восстановили ее рост», «мы успешно провели Олимпийские и Параолимпийские игры в Пекине, Всемирную ярмарку (ЭКСПО) в Шанхае», быстро преодолели последствия землетрясения в провинции Сычуань. Общий результат – по количественным показателям экономики за прошедшие десять лет Китай с шестого места в мире переместился на второе, ежегодный прирост ВВП держался в пределах 8–10 %.

На рубеже столетий китайскую деревню периодически сотрясали серьезные проблемы. Западная, да и наша российская печать писала о 80–100 тысяч выступлений крестьян, вызванных

изъятием, а фактически конфискацией у них земель под городское и промышленное строительство, налогами центральной власти, поборами местных властей, неравным доступом к образованию и медицинскому обслуживанию по сравнению с жителями городов.

Четвертое поколение китайских руководителей извлекло уроки из негативного опыта предыдущих лет. Грубо говоря, краеугольным камнем его политики являются два принципа – развитие и стабильность. Казалось бы, слово «развитие» звучит вполне тривиально и не имеет какого-либо особого содержания. Однако в китайском политическом лексиконе оно имеет важное значение. Общеизвестны во всем мире, в том числе и в России, слова Дэн Сяопина о том, что не важно, какого цвета кошка, – важно, чтобы она ловила мышей. Но у патриарха китайских реформ есть и другое выражение, которое также несет большую смысловую нагрузку: «Развитие – непреложная истина». Этими словами он хотел подчеркнуть, что усилия кадровых работников, членов партии, граждан Китая должны быть направлены на неуклонное развитие всех сфер общества, прежде всего экономики. Именно этому лозунгу следует китайское руководство, начиная с декабрьского пленума ЦК КПК 1978 г., провозгласившего курс на осуществление политики реформ и открытости.

Что касается стабильности, то речь идет о политической стабильности. Столкнувшись с недовольством крестьян, китайские руководители четвертого поколения осознали, что ликвидировать его чисто политическими или силовыми средствами невозможно. В Китае, как и в России, достаточно мощные внутренние войска (они называются здесь вооруженная полиция). Поэтому были предприняты серьезные шаги экономического порядка: во-первых, отменено налогообложение жителей деревень; во-вторых, запрещены поборы со стороны местных чиновников; в-третьих, отменено безвозмездное изъятие у крестьян их участков земли, они стали получать за них достаточное вознаграждение; в-четвертых, дети крестьян получили возможность бесплатной учебы в школах и бесплатного питания в них; в-пятых, в деревне стала вводиться пенсионная система для крестьян, и хотя сумма пенсий не очень значительна и она «разнится» в каждой провинции в зависимости от уровня ее экономического развития, тем не менее это значительный шаг вперед по сравнению с прошлым периодом; в-шестых,

крестьяне, работающие в городе, получили право регистрации по месту их временного проживания; наконец, в-седьмых, крестьяне получили право покупать жилье в городах, если у них есть для этого денежные средства.

В результате произошло определенное смягчение социальной напряженности в деревне, и одновременно ускорился процесс урбанизации, в настоящее время уже более 50 % населения Китая проживает в городах – 691 миллион человек. По подсчетам, в ближайшие 20–30 лет 10 млн. человек будут ежегодно переселяться в город. Следует также отметить, что имело место улучшение жизненных условий городского населения вообще – рабочих, служащих, интеллигенции. Нельзя не констатировать примечательный факт, что уровень жизни профессорско-преподавательского состава вузов, учителей средних школ, медицинских работников в Китае в среднем выше, чем у аналогичных слоев российского общества, повысилось качество их жизни, например, профессора многих вузов имеют квартиры общей площадью свыше 100 кв. м. со всеми удобствами.

Вместе с тем в докладе откровенно говорится о том, что в китайском обществе существуют серьезные трудности и проблемы. По словам Ху Цзиньтао, «это выражается, главным образом, в следующем: по-прежнему остается острой проблема с неравномерностью, негармоничностью и неустойчивостью развития, инновационные возможности науки и техники ограничены, структура производств нерациональна, фундамент сельского хозяйства по-прежнему слаб, ресурсы и окружающая среда сдерживают рост, довольно много препятствий мешают научному развитию, так что углубление реформ и открытости, трансформация модели экономического развития представляют собой задачи огромной сложности. Различия в развитии города и села, в развитии регионов, а также в распределении доходов населения по-прежнему довольно велики. Заметно увеличились социальные противоречия, существует довольно много жизненно важных для народа проблем в области образования, трудоустройства, социального обеспечения, медобслуживания, жилья, экологии, безопасности пищевых продуктов и медикаментов, производственной безопасности, общественного порядка, правоисполнения и правосудия, части населения живется довольно трудно. В некоторых сферах общества наблюдаются

аморальность и бесчестность. У некоторых кадровых работников довольно слабые возможности для руководства научным развитием. Некоторые низовые парторганизации слабы и расхлябаны. Небольшому числу партийных кадровых работников присущи колебания в своей вере и идеалах, они слабо понимают свое основное предназначение. Бросаются в глаза формализм и бюрократизм, серьезно обстоит дело с явлениями роскошества и расточительности. В некоторых сферах общества легко и часто возникают разложение и другие негативные явления, положение дел с борьбой против разложения по-прежнему серьезно. Ко всем этим трудностям и проблемам нужно относиться с повышенным вниманием и продолжать тщательно их разрешать»⁶⁶.

Однако одной из главных, если не главной проблемой сегодня в Китае является борьба с коррупцией. Следует подчеркнуть, что за последние десять лет в Китае наказанию за взяточничество, различным мерам уголовного, партийного и административного характера были подвергнуты тысячи кадровых работников, в том числе десять человек высшего руководящего звена: секретарь партийного комитета провинции Гуйчжоу был приговорен к пожизненному заключению за взятки в размере 1 миллион долларов (приблизительно 30 миллионов рублей); директор Китайского государственного управления по контролю над продуктами и медикаментами – к смертной казни за взятки в размере 1 миллион долларов (30 миллионов рублей); секретарь провинциальной комиссии по проверке партийной дисциплины – к смертной казни с отсрочкой на 2 года за взятки в размере 1 млн. 200 тыс. долларов (36 миллионов рублей); заместитель командующего ВМС – к пожизненному тюремному заключению за взятки в размере 25 миллионов долларов (750 миллионов рублей); заместитель мэра г. Ханчжоу, центра провинции Чжэцзян – к смертной казни за взятки в размере 33 миллионов долларов (990 миллионов рублей); генеральный директор Китайской государственной нефтяной компании – к смертной казни с отсрочкой на 2 года за взятки в размере 30 миллионов долларов (900 миллионов рублей); заместитель мэра города Пекина, которого обвиняли в получении взяток на общую сумму в 50 миллионов долларов (1 миллиард 500 миллионов рублей), покончил жизнь самоубийством. Член Политбюро ЦК КПК (!), первый секретарь Шанхайского горкома партии был приговорен к 18 годам тюрь-

мы за получение взяток на общую сумму в 400 тысяч долларов (12 миллионов рублей). В настоящее время ведется расследование в отношении бывшего члена ЦК КПК Бо Силая, о чем мы уже писали выше (его жена приговорена к смертной казни с отсрочкой на 2 года) и бывшего министра железных дорог. Для сравнения: в России высшим должностным лицом, привлеченным к суду, является бывший заместитель министра.

В разделе доклада о партийном строительстве есть специальный пункт, посвященный проблеме коррупции. Он заслуживает того, чтобы его процитировать полностью: «Неуклонно борясь с разложением, навеки сохранять присущее коммунистам политическое качество быть честными и неподкупными. Борьба с разложением и обеспечение политической чистоплотности – та четкая политическая позиция, которой неизменно держится партия, и та важная политическая проблема, которая привлекает к себе внимание народа. Неадекватное разрешение этой проблемы может нанести смертельный вред партии и даже погубить ее и страну. Борьбой с разложением и утверждением неподкупности нужно заниматься всегда и неустанно, набат против разложения и перерождения должен звучать всегда. Важно, твердо идя по пути борьбы с разложением и утверждения неподкупности, имеющему китайскую специфику, держаться курса на борьбу с разложением, включающего как паллиативные, так и радикальные меры, а равно и на комплексное упорядочение, одновременные карательные и профилактические меры, но с акцентом на профилактику, полностью продвигать создание антиразложенческой системы наказаний и профилактики и добиваться того, чтобы кадровые работники оставались честными, правительство – неподкупным, а политика – чистоплотной. Важно усиливать как воспитание в духе борьбы с разложением и утверждения неподкупности, так и создание самой культуры неподкупности. Руководители всех ступеней, но особенно высшего звена обязаны сознательно блюсти правила сохранения неподкупности, неукоснительно исполнять порядок докладывания по наиболее важным делам, быть строго дисциплинированными и в то же время строже воспитывать и контролировать своих родственников и ближайший персонал, не позволяя им пользоваться привилегиями. Требуется строго осуществлять нормированное исполнение власти, усиливая контроль над руководящими кадрами и прежде всего

над главными из них в процессе ее исполнения. Углублять реформы в наиболее важных сферах и ключевых звеньях, совершенствовать правовую систему борьбы с разложением, предупреждать и сдерживать риски в обеспечении честности и неподкупности административного аппарата, предотвращать столкновения интересов, а тем самым более научно и более эффективно предупреждать разложение» (выделено нами. – В.Б.)⁶⁷. В данной длинной цитате обращает на себя внимание следующая фраза: «Неадекватное разрешение этой проблемы может нанести **смертельный вред партии и даже погубить её и страну**». То есть борьба с коррупцией признается не просто наиважнейшей проблемой, но в зависимости от ее разрешения или, наоборот, неразрешения ставится само существование Коммунистической партии Китая и Китайской Народной Республики. Поэтому и подчеркивается требование ко всем кадровым работникам, особенно высшего звена, быть **честными и неподкупными** и в том же время **воспитывать и контролировать** своих родственников.

Как мы уже отмечали, отчетный доклад на XVIII съезде КПК посвящен в основном тем задачам, которые предстоит решать Коммунистической партии. В общем виде они сформулированы в одной фразе: «Твердо и непоколебимо двигаться по пути социализма с китайской спецификой, бороться за полное всестороннее построение среднезажиточного общества».

Следует сказать, что задача построения «среднезажиточного общества» («сяокан шэжуэй») была в центре внимания китайской компартии на протяжении двух с лишним десятилетий, начиная с 90-х гг. прошлого столетия. Принципиальное отличие политико-экономической программы, выдвинутой на XVIII съезде, от прежних планов заключается в том, что теперь речь идет не просто о строительстве общества «сяокан», поставлена задача к 2020 г. **завершить** строительство этого общества. Если раньше использовали слово «цзяньшэ» (строительство, строить), то теперь – «цзяньчэн» (построение, построить). В этой связи следует сказать, что в китайском политическом лексиконе каждое слово, каждое понятие употребляется не произвольно, а несет определенную смысловую нагрузку. И в данном случае речь идет о том, что Китай подошел вплотную к новому этапу своего развития – периоду завершения строительства той общественной системы,

которая будет гарантировать каждому гражданину страны обеспеченную, достойную жизнь. Причем, в отличие от России, где одни обещания властей сменяются новыми, но фактически и те, и другие не выполняются, планы, поставленные китайским руководством, как правило, выполняются. К 2020 г. предполагается, что ВВП страны увеличится в 2 раза.

Еще один новый момент, на который следует обратить внимание в Отчетном докладе. В теории Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой содержалось указание на то, что переход к зажиточной жизни будет происходить постепенно: вначале это произойдет с частью людей, предприятий, городов и провинций, и только затем зажиточность станет достоянием всей страны. Теперь же подчеркивается, что **всеобщая зажиточность есть коренной принцип социализма с китайской спецификой**. Тем самым отмечается, что в настоящее время китайская экономика достигла такой степени развития, которая позволяет обеспечить «зажиточность» всего населения страны.

Вместе с тем в докладе содержится указание на то, что Китай все еще находится на начальной стадии социализма, и противоречие между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством по-прежнему является главным противоречием общества. И хотя в этом утверждении содержится немалый элемент лукавства, его следует понимать в том смысле, что не следует переоценивать экономические и политические достижения, а трезво оценивать уровень социально-экономического развития общества.

Еще одним новым моментом в обогащении теории социализма с китайской спецификой явилось включение в нее экологического аспекта. До этого речь шла о четырех аспектах «строительства» – в экономике, политике, культуре и обществе. На XVIII съезде экологическая проблематика заняла полноправное с ними место. Наряду с развитием экономики, политической демократизацией, прогрессом культуры, гармонией в обществе был очень серьезно поставлен вопрос об окружающей среде, о гармоничных отношениях между человеком и природой. В отличие от докладов на предыдущих съездах в Отчетном докладе XVIII съезда впервые появился раздел об охране окружающей среды под названием «всемерно продвигать экокультурное строительство». В нем с известной до-

лей пафоса говорится о том, что «создание экологической культуры – тот долговременный план, который касается счастья народа и будущего нации. Перед лицом суровой ситуации растущего сдерживания со стороны ресурсов, серьезного загрязнения окружающей среды и экологической деградации, необходимо утверждать понятия экологической культуры, охватывающие уважение природы, адаптацию к ней и охрану ее, отводить видное место экоцивилизованному строительству и включать во все аспекты и весь процесс экономического, политического, культурного и социального строительства, а тем самым старательно создавать прекрасный Китай во имя вечного развития китайской нации»⁶⁸.

Очень важно отметить следующее обстоятельство. В связи с выдвинутым в докладе положением об увеличении к 2020 г. доходов китайских граждан в два раза по сравнению с 2010 г. один из комментаторов написал следующее: «Выдвижение этой замечательной цифры заставит заволноваться многих руководителей и политиков западных государств, разве кто-то из них осмелится выдвинуть подобные цифры». Несомненно, что китайские руководители выдвинули эти цифры по серьезном размышлении, а не просто так, если они выдвинуты, то их необходимо реализовывать, естественно, что все было тщательно продумано.

Важным элементом китайской политической системы в последние годы стал институт консультативной демократии. Он включает организацию постоянных обсуждений с рядовыми гражданами актуальных проблем социально-экономического развития страны и прежде всего непосредственно затрагивающих их конкретных проблем реальной жизни. С этой целью в Докладе указывается на необходимость шире использовать роль народных политических консультативных советов на всех уровнях, регулярно расширять политические консультации с демократическими партиями, еще больше привлекать их для решений. Одновременно прокламируется усиление роли собраний народных представителей, при этом поставлена задача увеличить количество депутатов СНП из низовых организаций, но особенно из числа рабочих, крестьян и интеллигенции, которая ближе всех соприкасается с реалиями повседневной жизни, т. е. одновременно предлагается сократить процент депутатов из числа руководящих кадров.

Многие зарубежные и российские политики, средства массовой информации постоянно подвергают критике политику китайского руководства за отсутствие демократии в стране. Другой излюбленный и распространенный в последние годы тезис антикитайской пропаганды – постоянно растущая угроза со стороны Китая, обусловленная его возросшей экономической и военной мощью. В этих случаях не учитывают одного, точнее, двух важных обстоятельств – численности населения Китая и того стартового уровня, с которого начался новый этап в развитии китайского общества в 1979 г. Как известно, в последние десятилетия рост населения происходил медленными темпами и составляет в настоящее время примерно 1 млрд. 300 млн. человек. Задумайтесь только над этой цифрой! К началу реформ Китай только что вышел из тяжелейшего социально-экономического кризиса. Кроме перенаселенности страны, следует учитывать также отсутствие достаточного количества пахотной земли и её постоянное сокращение в годы реформ плюс нехватку многих сырьевых ресурсов. И тем не менее за годы осуществления политики реформ и открытости Китай смог добиться впечатляющих успехов.

В других странах при более благоприятных условиях результаты деятельности правительств оказываются гораздо более скромными или о них вообще не приходится говорить. Результаты «демократических преобразований» в России после 1991 г. не идут ни в какое сравнение с тем, что мы наблюдаем в Китае. В этой связи интересен ход рассуждений китайских экспертов относительно ситуации в России: «Россия обладает огромной территорией, богатыми сырьевыми ресурсами, высокоразвитым научно-техническим потенциалом, большим количеством хорошо подготовленных и знающих кадров во всех отраслях народного хозяйства. И тем не менее Россия находится в тяжелом положении». Никому не удастся оспорить того очевидного факта, что за тридцать с лишним последних лет китайская экономика развивается динамично, из года в год имеет место неуклонный рост промышленного и сельскохозяйственного производства, постоянно повышается жизненный уровень населения, была решена проблема, которую не могли решить на протяжении многих столетий, – продовольственная, как говорят в Китае, «мы смогли накормить людей». Страна устояла перед ударами мирового финансового кризиса, преодолела последствия крупнейшего за последние десятилетия наводнения.

Успехи китайских реформ как бельмо на глазу для наших «реформаторов». Россия, имеющая население не более 140 млн., обладающая богатыми сырьевыми ресурсами, значительным научно-техническим потенциалом, в экономическом отношении скатилась на положение региональной державы. А рядом с ней Китай, имеющий громадное население – более чем один миллиард триста миллионов (!), не обладающий такими благоприятными стартовыми условиями, как наша страна, смог за относительно небольшой исторический период стать по существу второй державой мира. Комментарии, как говорится, излишни. Поэтому не вызывает никаких сомнений, что цели, поставленные XVIII съездом КПК, будут достигнуты.

Китайская пропаганда подчеркивает, что выдвигание концепции социализма с китайской спецификой является результатом «китаизации марксизма». В комментариях к Докладу Ху Цзиньтао указывается, что идеи социализма, как и марксизма, пришли в Китай из Советского Союза, который являлся для китайских коммунистов старшим братом, поэтому отступление, отказ от принципов социализма, которых придерживались советские коммунисты, считалось «отходом от канонов и отступничеством от веры». Однако опыт социалистического строительства привел китайских руководителей к твердому убеждению, что «советская модель социализма не соответствует политической обстановке в Китае, не приспособлена к китайским условиям». Именно поэтому и была выдвинута концепция социализма с китайской спецификой. Как подчеркивает официальная пропаганда, в своих основных, принципиальных ценностях китайский социализм не отличается от учения Маркса, он также пропагандирует «идеи всеобщей зажиточности и свободного развития личности». Отличие состоит в том, что, поскольку Китай находится на начальном этапе строительства социализма, в экономике и политике используются те методы, которые наилучшим образом отвечают этому этапу, например, социалистическая рыночная экономика.

Опыт такой страны, как Китай, убедительно свидетельствует о том, что только сильная, если хотите, авторитарная власть в состоянии ставить долгосрочные цели, в частности такую, как модернизация, и обладать достаточной политической волей, средствами мобилизации для того, чтобы добиваться их реального осуществления.

Примечания

- 1 В этой связи следует подчеркнуть, что экономическая программа КПК кардинальным образом отличается от аналогичной, предлагаемой КПРФ. Хотя руководством последней неоднократно подчеркивается свое восхищение экономическими достижениями Китая под руководством Компартии, оно тем не менее в своих программных установках продолжает в основном придерживаться ортодоксальных марксистских принципов.
- 2 Согласно современной китайской историографии, к первому поколению руководителей относится руководство КПК во главе с Мао Цзэдуном, ко второму – во главе с Дэн Сяопином.
- 3 Ху Аньган. Китай. 2020. Всестороннее строительство общества среднего достатка. Пекин, 2007. С. 19–20 (на кит. яз.).
- 4 Избр. произв. Дэн Сяопина. Т. 2. Пекин, 1980. С. 335 (на кит. яз.).
- 5 Хронология идей Дэн Сяопина (1975–1997). Пекин, 1998. С. 226 (на кит. яз.).
- 6 Об этом еще пятнадцать лет назад писал главный российский исследователь учения Конфуция и конфуцианства в целом Л.С.Переломов. См.: Конфуций: Луньюй. М., 1998. С. 259.
- 7 Цит. по: Лукьянов А., Переломов Л. Из истории идеологии сяо кан // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 34.
- 8 Там же.
- 9 Подробнее о термине «сяо кан», его истории см. статьи: Барский К.М. Что такое сяо кан? // Восток. 1992. № 5; Лукьянов А., Переломов Л. Из истории идеологии сяо кан // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 34.
- 10 Дэн Сяопин. Избр. произведения. Т. III. С. 251 (на кит. яз.).
- 11 Там же. С. 226.
- 12 См.: Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 496–504.
- 13 См.: Независ. газ. 8.11.2011 г.
- 14 Там же.
- 15 См.: От того «как смотреть» до того «как решать». Пекин, 2011. С. 1. (на кит. яз.).
- 16 В брошюре приводится такой пример, когда при транспортировке овощей на расстояние 525 км от пров. Шаньдун до Шанхая цена на один цзинь (500 гр) выросла в 10 раз – от 0,3 юаней до 3 юаней (см.: Там же. С. 12).
- 17 См.: От того «как смотреть» до того «как решать». С. 17.
- 18 См.: Там же. С. 21.
- 19 См.: Там же.
- 20 Там же. С. 23.
- 21 См.: Там же. С. 32.
- 22 См.: Там же. С. 37.
- 23 Социальное жилье – это квартиры, предоставляемые в наем на длительный срок, фактически в пожизненное пользование по цене в 5–10 раз – в зависимости от региона и города – ниже рыночной.
- 24 См.: От того «как смотреть» до того «как решать». С. 40.
- 25 См.: Там же. С. 44.
- 26 См.: Там же. С. 45.

- 27 См.: Там же. С. 58.
- 28 См.: Там же. С. 59–60.
- 29 См.: Там же. С. 63.
- 30 В китайских аптеках по всей стране цены на одни и те же лекарства примерно одинаковы, нет таких различий, как в России.
- 31 См.: От того «как смотреть» до того «как решать». С. 84.
- 32 См.: Там же. С. 111.
- 33 См.: Там же. С. 107.
- 34 См.: Там же. С. 165.
- 35 См.: Там же.
- 36 Термин «Большой Запад» был принят по-видимому потому, что его территория включает ряд административных единиц, которых чисто западными можно назвать условно.
- 37 Цит по: *Цзэн Пэйюань*. Ретроспективный взгляд на стратегический курс по развитию Большого Запада. Пекин, 2010. С. 3 (на кит. яз.).
- 38 См.: Там же.
- 39 См.: Там же. С. 407.
- 40 См.: Там же. С. 408.
- 41 См.: Там же. С. 409.
- 42 См.: Там же.
- 43 См.: Там же. С. 411.
- 44 См.: Там же. С. 420.
- 45 См.: Там же. С. 250.
- 46 Автору приходилось встречать ханьцев, родиной которых являлся данный автономный район.
- 47 *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 119.
- 48 См.: *Цзэн Пэйюань*. Ретроспективный взгляд на стратегический курс по развитию Большого Запада. С. 133.
- 49 См.: Там же. С. 132.
- 50 См.: Там же. С. 421.
- 51 См.: Там же. С. 415.
- 52 См.: Там же. С. 417.
- 53 См.: Там же. С. 418.
- 54 См.: Там же. С. 419.
- 55 См.: Там же. С.
- 56 См.: Там же. С. 415.
- 57 См.: Независ. газ. 28.11.2011.
- 58 Постановление ЦК КПК о культуре. Пекин, 2011. С. 2 (на кит. яз.).
- 59 Там же. С. 7.
- 60 Там же. С. 58.
- 61 Там же. С. 25–26.
- 62 *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 107.
- 63 *Ли Дачжао*. Избранные статьи и речи. М., 1965. С. 155.
- 64 Современные новые конфуцианцы. Пекин, 1989.
- 65 Данное обстоятельство был вынужден констатировать в 2012 г. директор ИМЭМО РАН академик А.А.Дынкин, во время телепередачи «Что делать?» у В.Т.Третьякова.

⁶⁶ Автору этих строк пришлось лично столкнуться с одной из таких серьезных проблем во время пребывания в Китае в октябре 2012 года. В городе Нинбо мне довелось наблюдать митинг против строительства химического комбината. На одной из городских площадей в течение двух дней собиралось несколько десятков тысяч человек, которые требовали отменить решение о его строительстве, многие митингующие держали в руках плакаты со словами: «Следует думать о будущем наших детей и внуков!». В результате властям пришлось пойти на попятную. Интересно, что в местных газетах не было никакой информации об этом митинге, было лишь краткое сообщение о том, что вопрос о строительстве химического комбината пересматривается. Судя по всему, власти города были не готовы к такому развитию событий.

⁶⁷ Ху Цзиньтао. Отчетный доклад XVIII съезду КПК. Пекин, 2012. С. 50.

⁶⁸ Там же. С. 36.

Содержание

Предисловие	3
<i>В.Н.Шевченко</i>	
Внешний фактор и развитие российского общества	8
<i>В.И.Спиридонова</i>	
Российское пространство и власть над пространством в постсовременном мире	67
<i>Р.И.Соколова</i>	
Чудо в российской истории: в поисках теоретического осмысления	117
<i>В.Г.Буров</i>	
Стратегия китайского государства в контексте российского опыта	166

Научное издание

Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 21.03.13.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 12,47. Тираж 500 экз. Заказ № 005.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.gas.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

1. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2012. – 239 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0219-5.**

Шестой ежегодный выпуск сборника посвящен анализу актуальных аспектов истории и методологии гуманитарной экспертизы, также большое внимание уделяется проблемам биоэтики и виртуалистики. Этические вопросы, возникающие в пространстве применения био- и психотехнологий – традиционно в центре внимания авторов сборника. Особое внимание авторы уделяют проблемам соотношения рационального и иррационального в различных аспектах человеческой жизни: телесности, социуме, властных структурах, обучении, творчестве. Комплексный подход к изучению проблем человека находит свое воплощение также в материалах, посвященных модификации человеческой природы.

2. **Гаджикурбанова П.А. Этика Ранней Стои: учение о должном [Текст] / П.А. Гаджикурбанова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2012. – 219 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 211–218. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0222-5.**

Книга посвящена реконструкции и анализу этической доктрины Ранней Стои сквозь призму понятий *kathēkon* (надлежащее действие) и *katorthōma* (нравственно-правильное действие), характеризующих два аспекта моральных поступков и соответствующих им принципов должностования. Особое внимание уделяется проблеме соотношения данных понятий, порождающей многочисленные споры и различные интерпретации стоической этики, начиная с античности и вплоть до наших дней.

В исследовании находят свое отражение как позиции наиболее авторитетных представителей академической историко-философской традиции, так и оригинальные, но в то же время и достаточно спорные прочтения стоической доктрины, представленные в современной философской литературе.

3. **Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Блауберг. – М. : ИФРАН, 2012. – 211 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0231-7.**

В сборнике рассматривается ряд проблем, ставших предметом осмысления и обсуждения в западной философии последних десятилетий, в том числе дилемма универсализма и культурно-исторической обусловленности философского знания, проблема признания, квантовый подход к сознанию и др. Авторы предприняли попытку выявить новые тенденции в философской мысли Франции, Германии, США. Исследуются концепции позднего Ж.Деррида, А.Бадью, П.Рикёра, А.Конт-Спонвиля, А.Хоннета и др. Один из ведущих представителей американского неопрагматизма Ричард Бернштейн рассказывает о современных дискуссиях по поводу

прагматизма. В сборнике также публикуются статьи о концепции видного теоретика психоанализа У.Биона, о латиноамериканской теологии освобождения.

4. **История философии. № 17 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Блауберг. – М.: ИФРАН, 2012. – 287 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

В данном номере журнала, посвященном проблемам западноевропейской философии, представлены как исследовательские статьи, так и переводы. Отдельный тематический блок составили статьи, в которых рассматриваются проблемы исторической интерпретации, в частности вопросы теории и методологии историко-философского исследования. Следующий цикл статей объединен тематикой антропологии, «я», личности. Здесь исследуются вопросы философской антропологии в учении Гегеля, в концепции испанского мыслителя П. Лаина Энтральго, в философии П. Рикёра. Тематически с этим связана работа известного французского историка философии В. Карро о проблеме «я» у Паскаля. В журнале также освещаются философские концепции Э. Гуссерля и А. Плантинги, проблема этической связи мудрости и науки.

5. **Карпов, К.В. Учение Григория из Римини о предопределении и свободе воли [Текст] / К.В. Карпов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2012. – 128 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 113–122. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0226-3.**

Монография посвящена анализу учения Григория из Римини (ок. 1300–1358) о предопределении – одной из важнейших проблем в средневековой теологии. В монографии представлен систематический обзор взглядов на указанную проблему некоторых философов, в контексте которых Григорий из Римини и сформировал свое собственное, в высокой степени оригинальное учение. Впервые отечественный читатель имеет возможность ознакомиться с некоторыми представителями позднесхоластической мысли: Ландульфом Караччиоло, Франциском из Марке, Фомой Страсбургским. В ходе анализа позиции Григория из Римини автор пытается ответить на вопрос, является ли учение итальянского философа и теолога детерминистским.

6. **Лазарев В.В. Идея целостности в русской религиозной философии (середина XIX – начало XX в.) [Текст] / В.В. Лазарев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2012. – 222 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 202–204. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0213-3.**

Анализируется круг проблем, к которым было приковано преимущественное внимание русских философов указанного периода. Это – идущее от А.С.Хомякова философское осмысление Божественного Троиинства; русская идея в конвенции Всеединства, Богочеловечества, Соборности, разработавшиеся В.С.Соловьевым и последующими религиозными мыслителями; историософские концепции, касающиеся судьбы России и имеющие современное звучание; проблемы преодоления зла в мире в связи с непре-

ложностью человеческой свободы выбора между добром и злом; осмысленные трагедии земного существования; напряженность между Божественной благодатью и человеческой свободой; внутренняя проблема философии как способа преодоления недостатков и односторонностей монизма и дуализма через интенсивную разработку принципа монодуализма Н.А.Бердяевым, С.Л.Франком, Б.П.Вышеславским, В.В.Зеньковским и другими философами.

7. **Меняющаяся социальность: контуры будущего [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Г. Федотова. – М. : ИФРАН, 2012. – 267 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0218-8.**

Предлагаемая книга является плановой коллективной монографией, которой завершается исследовательский проект сектора социальной философии, в рамках которого выпущено уже две монографии «Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса» (2010), «Человек в экономике и других социальных средах» (2008), а также материалы Круглых столов журнала «Полис» (2011. № 1) и Института экономики РАН «Мир перемен» (2011. № 2). состояния масс и человека, консьюмеризм, угрозы безопасности и окружающей среды, места человека в социоприродном универсуме, рассмотрены сценарии будущего.

8. **Неретина, С.С. Концепты политической культуры [Текст] / С.С. Неретина, А.П. Огурцов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 279 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0187-7.**

Существуют различные методологические и теоретические стратегии в определении сути политики. Авторы выбрали путь выявления и описания концептов политической культуры как тех инвариантных структур сознания, которые образуют систему отсчета многообразных установок и оценок личностью власти, собственности, других людей и социальных групп. По своему генезису концепты являются смыслопорождающими началами, которые обусловлены авторскими интенциями и усилиями мысли того или иного теоретика, но при всей смене политических концепций и идеологических доктрин они достаточно устойчивы. Политическая мысль имеет дело с концептами и с концепциями, а не с понятиями и теориями. Концепт составляет ядро политических концепций Платона, Аристотеля, Л.Штрауса, Х.Арендт и др.. В философии политики XX в. осознается ограниченность методов рефлексивного анализа, на котором жила классическая политическая мысль, и они замещаются процедурами герменевтики и «понимающими» и проектирующими моделями.

9. **Ориентиры... Вып. 8 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М.: ИФ РАН, 2013. – 159 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISSN 2222-4351.**

«Ориентиры... Вып. 8» представляют собой периодическое издание, посвященное темам философии русской истории, исследованию идеологических процессов, встречи Востока и Запада в русской культуре и ряду смежных

вопросов социальной философии. Важной чертой этого издания является то, что авторы стремятся в своих исследованиях подняться до метафизической точки зрения при рассмотрении различных культурных традиций, а также современного состояния русской и мировой культуры. Исследуются проблемы мифологического и утопического сознания, эзотерические концепции, а сквозной темой издания является рассмотрение идеологии как неустранимого измерения всех форм культурной и социальной жизни. Соотносясь с этой точкой зрения, рассматриваются

10. **Политико-философский ежегодник. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2012. – 200 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0214-0.**

Современная политическая теория представлена в выпуске следующими направлениями: этико-политической проблематикой, возрастающая важность которой напрямую связана, с одной стороны, с процессами глобализации и углубляющегося мирового экономического кризиса, а с другой – с переживаемой сегодняшним российским обществом «посткоммунистической» стадией развития. Анализ проблем политической этики дополнен исследованиями, цель которых – контекстуализировать отечественную духовно-политическую ситуацию, в частности, в сравнительном изучении путей становления общеевропейского и собственного российского Модерна. В заключительной части представляемый выпуск обращается к разработке гипотезы категориального родства политики и науки.

11. **Политические стратегии российского государства как философская проблема [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2011. – 203 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0202-7.**

Авторы коллективной монографии полагают, что сохранение российской цивилизацией своего, самостоятельного пути развития в эпоху глобализации вполне возможно и более того необходимо. Но решение вопроса о том, действительно ли существовал и существует такой вектор развития российского государства и российской цивилизации требует обращения к онтологии русской, российской истории. История возложила на Россию функцию организации пространственного хаоса, которая далеко не завершена и требует своего продолжения.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами политической жизни страны.

12. **Проблемы философии культуры [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФРАН, 2012. – 191 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0228-7.**

В сборнике ставится цель прояснить понимание философии культуры в системе современного гуманитарного знания, для чего: исследуется генезис текстового основания культуры; проанализированы функции культуры в информационной

цивилизации и в связи с проблемой становления в современной России национального государства; критически рассмотрены проблемы философии культуры в постмодернизме; показаны возможности интеграции философских и гендерных подходов к анализу культуры; раскрыто взаимодействие в культуре традиций и новаций, в том числе – в рамках мультикультурных пространств.

- 13. Рациональность и её границы: Материалы междунар. научн. конф. «Рациональность и её границы» в рамках заседания Междунар. ин-та философии в Москве (15–18 сент. 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2012. – 233 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0221-8.**

Данная книга представляет собой сборник докладов международной научной конференции «Рациональность и её границы», которая состоялась во время заседания Международного института философии в сентябре 2011 г. в Москве. Основные темы, обсуждавшиеся на конференции: различные типы и аспекты рациональности, связь рациональности и морали, возможность вненаучной рациональности, рациональность как культурная ценность, а также границы понятия рациональности. Данные тексты ориентированы на читателей, интересующихся современными тенденциями эпистемологии и философии науки и особенно судьбами европейской научной рациональности.

- 14. Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2012. – 181 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0232-4.**

В книге обсуждаются современные дискуссии о релятивизме в эпистемологии и философских науках в целом. Представлены разные точки зрения, показаны различия между релятивизмом и реляционизмом, плюрализмом, скептицизмом. Проанализированы релятивистские идеи в разных сферах философского и научного знания. Среди исследуемых проблем – фундаментальные проблемы концептуализации релятивизма и его видов, а также более специфические проблемы – такие как социологизм в эпистемологии, проблема ценности истины в скептицизме и релятивизме, релятивизм в социальном конструкционизме, релятивизм и универсализм в работах Жака Деррида и др. Книга предназначена для специалистов в области теории познания и философии науки и всех, интересующихся современными проблемами эпистемологии.

- 15. Спектр антропологических учений. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. П.С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2012. – 159 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0208-9.**

В монографическом сборнике продолжается разработка темы человека в немецкой философской классике, осмысливается проблема приоритета антропологии над технологией, анализируются новые понятия философской антропологии, раскрываются новейшие тенденции в философском постижении человека.

16. **Судаков А.К. Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И.В.Киреевского [Текст] / А.К. Судаков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. – 191 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 178–189. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0192-1.**

Монография посвящена анализу философского мирозерцания И.В.Киреевского как одного из первых опытов светской христианской философии в России XIX в. Система взглядов Киреевского представлена в работе как органическое единство вокруг религиозно-философской идеи цельности бытия личности и народа, непосредственно связанной с православным вероучением, но включающей в свой состав развитие умственной и нравственной образованности лица и народа. Впервые в русской историко-философской литературе дается обстоятельный анализ взглядов Киреевского на отношения Церкви, государства и общества.

17. **Философия науки. – Вып. 17: Эпистемологический анализ коммуникации [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: Г.Д. Левин, Е.О. Труфанова. – М.: ИФ РАН, 2012. – 269 с.; 20 см. – 500 экз. – ISSN 2225-9783.**

Ежегодник содержит всесторонний эпистемологический анализ коммуникации, понимаемой как процесс передачи информации от одного лица к другому. В его написании участвуют сотрудники трех эпистемологических секторов Института философии РАН. В книге исследуются роль и место человека в системе коммуникации, соотношение коммуникации и процесса исследования, анализируется интерсубъективность как условие коммуникации, выявляются трудности, возникающие при познании чужой субъективной реальности, необходимом для успешной коммуникации, исследуются специфические для процесса передачи информации логические и лингвистические проблемы, отдельный раздел книги посвящен анализу типов и форм коммуникации.

18. **Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. М.С. Киселева. – М.: ИФРАН, 2012. – 181 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0223-2.**

Проблема выбора – классическая для антропологии. Каждый новый вызов ставит снова и снова перед человеком задачу соответствующих адекватных реакций и нахождения верных поведенческих практик. Но не только человек делает выбор; от его имени выбор совершают страны, народы, политические партии, научные сообщества, общественные организации и т. п. Телеология и выбор; современная политическая ситуация и самоидентификация человека; пространство и время выбора в культуре; психологическая составляющая выбора; выбор веры и вера в правильность выбора, современные интернет-технологии, дающие новые возможности выбора, – вот далеко не полный перечень проблем, которые обсуждаются в этом выпуске сборника.